

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ

На правах рукописи

Эбзеев Таулан Заурович

**Конституционно-правовой механизм разрешения
коллизий актов Европейского Суда по правам человека и
Конституции Российской Федерации (доктрина
Конституционного Суда России)**

12.00.02.: «Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право».

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
Сафонов В.Е.

**Москва
2017**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Конституционализм в контексте проблем коллизий национального и международного права.....	15
1.1. Современный конституционализм: актуальные научные подходы к содержанию и задачам (на примере коллизионной проблематики)	15
1.2. Сущность и специфика актуальных коллизий в конституционном праве	34
1.3. Соотношение «международного договора» и «закона»: новые тенденции и коллизии	54
Глава 2. Основные направления преодоления (минимизации) коллизий в практике российского конституционализма	70
2.1. Трансформация практики разрешения конституционных коллизий Европейским Судом по правам человека	70
2.2. Перспективы разрешения конституционных коллизий наднациональными судебными инстанциями	89
2.3. Коллизии в актах международных союзов: конституционно-правовые аспекты проблематики	102
2.4. Участие субъектов федеративного государства в разрешении «конституционных коллизий»	116
Заключение.....	137
Список нормативных правовых актов и литературы.....	142

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Гомогенизация конституционного правопорядка России, т.е. его развитие в направлении восприятия, утверждения и защиты общеевропейских или всемирных регулятивных стандартов, содержит в себе потенциальную угрозу суверенитету Российского государства и отказа от национальных, культурных и правовых традиций. Данная угроза обретает вполне осязаемый характер в результате распространенной в отечественной юриспруденции неадекватной интерпретации находящихся в системной взаимосвязи положений ст.ст. 15 (ч. 4) (о природе общепризнанных принципов и норм международного права и приоритете в применении правил международного договора в случае противоречия между ним и законом), 46 (ч. 2) (о праве каждого в соответствии с международным договором Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека) и особенно ст. 79 Конституции, предусматривающей возможность передачи Российской Федерацией части своих полномочий межгосударственным объединениям.

Этим обусловлена актуализация коллизионной проблематики, особенно в части соотношения международного и национального права, предопределяемая не только потребностями теории, но и насущной практики российского конституционализма. В научно-обоснованном ответе нуждается вопрос, имеет ли место реальная коллизия между нормами российской Конституции и нормами международного права, или эта коллизия формируется актами Европейского суда по правам человека.

Автор, коль скоро речь идет о Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., исходит из того, что коллизии между нормами Конституции России и указанной конвенцией отсутствуют или носят мнимый характер; однако коллизии между нормами Конституции и интерпретирующими указанную Конвенцию актами ЕСПЧ вполне реальны и несут в себе угрозу верховенству Конституции Российской Федерации и ее

высшей юридической силе, прямому действию и стабильности конституционного регулирования.

Особенно острый характер при этом приобретает вопрос о сущности и перспективах разрешения коллизий между конституционными ценностями Российского государства, являющимися отражением цивилизационно-культурной фундаментальности России, и ценностями западного мира, являющимися порождением средиземноморской цивилизации. Этим в свою очередь актуализируется проблема соотношения Конституции и общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в контексте принципа верховенства права и юридической силы соответствующих правоположений.

Несомненное значение для развития теории и практики российского конституционализма в части формирования механизма разрешения указанных коллизий имеет обращение к проблематике реализации конституционных положений о признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 Конституции Российской Федерации). Столь же значимы выявление субсидиарной природы деятельности межгосударственных органов по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46), адекватная характеристика конституционных положений о равноправии и самоопределении народов (ч. 3 ст. 5), гарантирование прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации (ст. 69 Конституции Российской Федерации) и т.п.

Изложенное предопределяет актуальность диссертационного сочинения и круг исследуемых вопросов.

Степень научной разработанности темы и цель исследования

Конституционно-правовой механизм разрешения коллизий актов ЕСПЧ и Конституции Российской Федерации не был еще предметом диссертационного

исследования, однако сама теория коллизий в конституционном праве и отраслевых юридических науках не относится к числу обойденных вниманием науки. В частности, изучению природы и сущности правовых коллизий на современном этапе развития Российского государства, а также механизмам их преодоления посвятили свои труды С.С. Алексеев, А.В. Асосков, М.А. Ахрименко, С.В. Будылин, Н.А. Гущина, М.С. Глухоедов, С.А. Грачева (Перчаткина), П.В. Донцов, А.С. Изварина, М.А. Занина, М.В. Лушникова, О.В. Муратова, Б.И. Осминин, И.А. Стародубцева, Л.Р. Симонишвили, Ю.А. Тихомиров, Е.А. Шершнева, Е.С. Шматова и др.

Проблематика соотношения российских конституционных ценностей и ценностей международного правопорядка получила освещение в исследованиях П.А. Астафичева, П.Д. Баренбойма, Н.М. Бевеликовой, С.А. Белова, П.Р. Магомедовой, А.Н. Медушевского, А.Г. Кузьмина, И.В. Рачкова, В.Б. Рыжова, Н.А. Савченко, Г. Хольцингера, Т.Э. Шуберта и др.

Опираясь на эти работы и учитывая уровень доктринальной разработки проблемы коллизий в общей теории права и отраслевых юридических науках, диссертант видел **цель исследования** в концептуальной разработке механизма преодоления (минимизации) коллизий норм российского конституционного права и норм международного и особенно европейского права.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- определить современные научные проблемы коллизий национального конституционного правопорядка и международного права;
- выявить специфику коллизий в конституционном праве Российской Федерации;
- определить основные направления преодоления (минимизации) коллизий в практике российского конституционализма и обосновать участие в этом процессе субъектов Российской Федерации;
- выявить некоторые тенденции трансформации позиций Европейского Суда по правам человека, чреватые углублением коллизий между его актами и

конституционным правопорядком России;

– определить способы минимизации конституционных коллизий между актами Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам человека и обосновать конституционно-правовой механизм их разрешения в Российской Федерации.

Объектом диссертационного исследования является совокупность конституционно-правовых отношений, складывающихся в сфере формирования коллизий между нормами Конституции Российской Федерации и международного права, конституционными ценностями России и ряда иных сочленов международного сообщества.

Предметом диссертационного исследования являются нормы Конституции Российской Федерации, формирующие в их системной связи с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, механизм преодоления (минимизации) коллизий конституционного правопорядка и актов международных органов по защите прав человека, а также соответствующие международные договоры и иные официальные документы, законодательство Российской Федерации, соответствующая судебная практика.

Нормативную основу диссертационного исследования составили:

- Конституция Российской Федерации 1993 г. и Федеральный конституционный закон "О конституционном Суде Российской Федерации", иные федеральные законы, прежде всего Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» и др. нормативные правовые акты Российской Федерации;

- международные нормативные правовые акты и документы, в том числе Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.;

- акты Конституционного Суда Российской Федерации;

- акты Верховного Суда Российской Федерации;

- акты Европейского Суда по правам человека и т.д.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили материалы обобщения правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации (более 20 правовых позиций за период с 2002 по 2017 г.), Европейского Суда по правам человека (более 30 актов за период с 2008 по 2017 г.), результаты изучения более 60 дел, связанных с разрешением коллизий между Конституцией Российской Федерации и международным правом, а также между правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека.

Теоретической основой диссертационного исследования стали труды ученых, внесших значительный вклад в развитие теории конституционализма, способствовавших своими научными изысканиями оптимизации процесса применения общепризнанных принципов и норм международного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации. В их числе такие авторы, как С.А. Авакьян, К.В. Арановский, М.В. Баглай, Н.А. Боброва, Н.С. Бондарь, Н.В. Витрук, Н.А. Власенко, Г.А. Гаджиев, Н.М. Добрынин, В.Д. Зорькин, В.В. Ершов, В.О. Лучин, В.М. Лебедев, В.Т. Кабышев, А.А. Клишас, С.Д. Князев, А.Н. Кокотов, В.В. Комарова, Г.Н. Комкова, М.А. Краснов, В.И. Крусс, О.Е. Кутафин, В.А. Лебедев, О.В. Мартышин, Н.М. Марченко, С.В. Нарутто, С.Э. Несмеянова, Т.М. Пряхина, Р.А. Ромашов, В.Е. Сафонов, И.А. Умнова, Т.Я. Хабриева, Н.Е. Хазов, Н.М. Чепурнова, В.Е. Чиркин, С.М. Шахрай, Е.С. Шугрина, Б.С. Эбзеев и др.

Методологическую основу диссертационной работы составляют общенаучные (обобщение, сравнение, анализ и синтез) и частно-научные (историко-правовой и сравнительно-правовой анализ документов, правовое моделирование, экспертный опрос) методы научного познания.

Научная новизна исследования:

- определены сущность и формы современного конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией Российской Федерации

и актами ЕСПЧ;

- сформулированы теоретические положения, касающиеся повышения потенциала конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией Российской Федерации и актами наднациональных судов;

- обоснованы практические предложения о совершенствовании конституционно-правового механизма противодействия попыткам посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации путем вынесения ЕСПЧ актов, противоречащих Конституции Российской Федерации;

- обоснован вывод о том, что практика реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека не в полной мере соответствует нормативным критериям, установленным в ст. 79 Конституции Российской Федерации;

- сформулированы предложения по использованию доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в практике судебной защиты конституционных ценностей Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Авторское понимание конституционно-правового механизма разрешения противоречий актов Европейского суда по правам человека Конституции Российской Федерации как комплексного конституционно-правового явления, включающего исходные ценностные установки, систему правовых норм, а также цели и содержание организационно-правовой деятельности уполномоченных субъектов, которые в установленных законом формах участвуют в преодолении указанных противоречий. Этот механизм предусмотрен либо непосредственно в Конституции и конкретизирующих ее актах, либо в интерпретирующих Основной Закон актах Конституционного Суда Российской Федерации.

Он состоит из взаимосвязанных элементов, отношений и процессов, образующих его системно-структурные и функциональные составляющие. В частности, защищаемая автором общая концепция механизма разрешения

коллизий актов ЕСПЧ Конституции Российской Федерации образует целостную систему элементов, функционально ориентированных на обеспечение государственной идентичности Российской Федерации, выступающей в качестве главной ценностной установки:

– соответственно, *фундаментальным основанием* механизма разрешения коллизий между актами ЕСПЧ и положениями Конституции Российской Федерации является суверенитет Российского государства, воплощенный в верховенстве Конституции Российской Федерации и ее высшей юридической силе;

– *нормативное содержание* данного механизма составляют основы конституционного строя и конкретизирующие их положения, содержащиеся в ст.ст. 15, 17, 46, 79, 85, 125, 126 и др. Конституции Российской Федерации;

– его *организационную основу* образует Конституционный Суд Российской Федерации, а также иные конституционные органы публичной власти, функционально ориентированные на поддержание верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации;

– *субъектами защиты* являются федеральные органы законодательной и исполнительной власти, Верховный Суд Российской Федерации и нижестоящие по отношению к нему суды и иные субъекты, способные либо самостоятельно, либо опосредованно инициировать рассмотрение дела о проверке соответствия решения ЕСПЧ Конституции Российской Федерации;

– *объектом защиты* являются конституционные ценности России, ядро которых составляют суверенная государственная бытийность Российской Федерации и основы конституционного строя России, в том числе суверенитет многонационального народа России и права человека, высшая юридическая сила Конституции как основа национального правопорядка и др.;

– *процессуальные основы* данного механизма установлены ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации".

2. Указывая на суверенитет Российского государства в качестве

фундаментального основания конституционно-правового механизма разрешения коллизий актов международных органов по защите прав человека и Конституции Российской Федерации, автор критически анализирует попытки реанимации в отечественной юриспруденции теории делимости государственного суверенитета, которая конституционно возрождена в Западной Европе, но никаким образом не воспринята действующей Конституцией Российской Федерации. Неделимость суверенитета Российской Федерации в равной мере составляет основу внутрифедеративных отношений в Российской Федерации и ее взаимоотношений с иными сочленами международного сообщества.

3. Традиционное для отечественной юриспруденции понимание коллизии в праве (от лат. *collisio* – "столкновение"), как разногласия или противоречия между нормативно-правовыми актами, регулируемыми одни и те же или смежные отношения, а также между компетенцией органов власти применительно к взаимодействию Конституции Российской Федерации и актами международного права обладает более сложной природой. Формально-юридическое отсутствие противоречия конституционных норм и норм международного права в их интерпретации международными, особенно правозащитными органами, все чаще сопровождается коллизией национальных ценностных ориентиров, проистекающих из цивилизационно-культурной фундаментальности России. В свою очередь, наблюдаемое в последние годы увеличение количества подобного рода ситуаций актуализирует осмысление современным российским конституционализмом не только формально-юридических коллизий норм международного права и норм национального права, но и коллизий, социокультурно обусловленных конституционными ценностями России, с одной стороны, и конституционными ценностями ее контрагентов в международных отношениях – с другой.

4. Конституционные ценности, представляющие социальные и правовые приоритеты России, образуют системное единство; в их числе – суверенная

государственная бытийность многонационального народа Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, верховенство права, плюралистическая демократия и др. Феномен конституционных ценностей России представлен как национальное достояние, незыблемость которого фиксируется в Конституции Российской Федерации и интерпретирующих ее актах Конституционного Суда; вне учета ценностного аспекта Конституции превенция коллизий между национальным правопорядком и актами международного права или их преодоление невозможны без ущерба цивилизационной идентичности России и умаления ее суверенитета. В связи с этим особенно значимо непосредственное применение российской Конституции в соответствии с установленными ею ценностно-телеологическими установками. В данном контексте не исключается уточнение Верховным Судом Российской Федерации отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. № 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов международного права и международных договоров Российской Федерации".

5. Коллизии конституционного правопорядка России и актов ЕСПЧ причинно обусловлены различными факторами объективного (различия социокультурной доминанты, сложившейся в процессе развития российской и средиземноморской цивилизаций) и субъективного (толкование ЕСПЧ Европейской конвенции 1950 г., выходящее за рамки Конвенции, откровенное игнорирование Конституции Российской Федерации, попытки ЕСПЧ присвоить полномочия по контролю актов Конституционного Суда России и т.п.) характера.

Особо подчеркивается, что актуализация коллизий между нормами Конституции Российской Федерации и актами Европейского Суда по правам человека во многом является результатом игнорирования Судом суверенного права Российского государства на защиту конституционных ценностей России в рамках ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Реализация

конституционных положений, в том числе о признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 Конституции Российской Федерации), о праве граждан и иных лиц, находящихся под юрисдикцией Российского государства, в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации) в известном смысле становится проблематичной в результате искусственно сформированной коллизии между внеправовым с точки зрения международного права ("санкционным") режимом в отношении Российского государства и конституционным принципом суверенитета Российской Федерации.

6. Данное обстоятельство в том числе потребовало расширение полномочий Конституционного Суда Российской Федерации и учреждение нового вида конституционно-судебной юрисдикции – о соответствии актов Европейского Суда по правам человека Конституции Российской Федерации (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П, особенно в части реализации положений ст. 79 Конституции Российской Федерации о передаче Россией части своих полномочий международным органам, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации, а также ФКЗ от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ "О внесении дополнений в ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Тем самым конституционный судебный контроль распространен на ту сферу публичных отношений, которая вопреки требованию принципа правового государства находилась вне такого контроля.

7. Федеративной природой Российского государства и участием субъектов Федерации в установленных Конституцией и федеральными законами пределах в международных отношениях обусловлено обращение к проблеме разрешения потенциально возможных в процессе таких отношений

коллизий. Основываясь на федеральной Конституции и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, автор сформулировал ряд императивных конституционных велений к формированию инструментария коллизионного права в обсуждаемой в диссертации части: *учреждение* механизма разрешения коллизий договорной практики субъектов Федерации федеральной Конституции входит в полномочия Российской Федерации, причем в самом таком учреждении в установленных пределах и формах участвуют субъекты Федерации; этот механизм должен предусматривать участие субъектов Федерации в *разрешении* возникших коллизий; существенная роль в разрешении коллизий принадлежит главе государства, который вправе для их разрешения использовать "согласительные процедуры"; окончательное разрешение коллизий относится к ведению федеральных судов; масштабом и критерием разрешения коллизий являются только и исключительно Конституция Российской Федерации и федеральные законы, международные обязательства России, а также конституционные и признаваемые Российской Федерацией международные стандарты прав человека и гражданина; учредительные акты субъектов Федерации в процессе разрешения коллизий могут и должны играть существенную вспомогательную роль для выявления причин возникновения коллизий и обстоятельств их развития; решение федерального суда, которым разрешена коллизия, если этим решением установлено противоречие учредительного акта субъекта Федерации Конституции Российской Федерации, является безусловным основанием для незамедлительного приведения учредительного акта субъекта в соответствие с федеральным Основным законом.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что разработанные положения развивают теорию конституционного права в части формирования механизма и конституционно-правовой процедуры предотвращения, выявления и разрешения коллизий между конституционным правопорядком России и актами международного права.

Практическая значимость работы состоит в разработке предложений по разрешению проблемы преодоления (минимизации) коллизий национальных и международных норм, ценностей и интересов, комплексном исследовании деятельности международных союзов, направленных на совершенствование соответствующего конституционно-правового регулирования, а также повышении уровня преподавания специальных курсов «Теория конституционных коллизий», «Коллизии в правовых позициях наднациональных судебных инстанций», написания учебников, учебных пособий для студентов, аспирантов, пособий для судей, в научно-исследовательской работе.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и рекомендации представленной работы получили апробацию в выступлениях на международных и общероссийских научно-практических конференциях. Основные результаты диссертации содержатся в научных публикациях автора.

Структура диссертации обусловлена проблематикой и логикой научного исследования, а также целью и задачами, направленными на раскрытие темы. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка нормативных правовых актов и научной литературы.

Глава 1. Конституционализм в контексте проблем коллизий национального и международного права

1.1. Современный конституционализм: актуальные научные подходы к содержанию и задачам (на примере коллизионной проблематики)

В теории конституционного права имеют место самые различные подходы к понятию и содержанию конституционализма. В их числе можно выделить его характеристику в так называемом узком смысле, когда конституционализм отождествляют с совокупностью концепций, взглядов, идей, представлений относительно сущности и перспектив развития демократических и правовых режимом, непременно базирующихся в своем развитии на основном законе (конституции государства). В теории конституционного права имеет место и более «широкое понимание» конституционализма, обусловленное наличием в его системе такого рода структурных элементов (институтов) как, например, институт реализации и охраны основного закона, а также конституционные «идеи», конституционное законодательство, конституционная практика и т.п.¹.

В настоящем исследовании преследуется цель подвергнуть научному анализу коллизии, т.е. реальные противоречия при «широком понимании» конституционализма, включая коллизии между системой конституционных «ценностей», «интересов», догм и т.п. Представляется обоснованной позиция, согласно которой «гармония»

взаимоотношений таких фундаментальных категория как конституция и конституционализм базируется во многом на следующем факторе².

Основополагающие принципы, идеи конституционализма не могут не найти своего воплощения в тексте основного закона; причем, по мнению

¹ Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 304 с. С.12.

² См. подробнее: Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 27–30.

С.А.Авакьяна, недопустимо считать это явление самодостаточным³. Конституционализм наполняется реальным и значимым содержанием только в том случае, когда его постулаты, идеи реализуются как в основном законе (конституции), так и в развивающем и детализирующем ее нормы так называемом текущем (или «подконституционном») законодательстве».⁴

Вышеобозначенная позиция, разделяемая многими конституционалистами, безусловно, подчеркивает роль и значение как непосредственных положений и принципов конституционного текста, развивающихся (при непреложном условии сохранения своей сущности, ибо конституция в правовых демократических государствах отражает концепцию народовластия) в иных нормативных правовых актах, так и в конституционных «идеях», концепциях, ценностях, которые являются основой формирования конституционного текста и, главное, ориентиром его последующей стабильности, претворения в практику конституционализма.

Соответственно, трудно не разделить научную позицию, согласно которой конституционный текст должен отвечать критериям стабильности, ибо только в этом случае народ и государство сохраняют и передают новым поколениям, как это и предусматривает Конституция Российской Федерации, основополагающие ценностные установки и ориентиры. Если в силу различных причин (в том числе, как будет обосновано в дальнейшем, под предлогом обеспечения реализации «принципов и норм международного права») подобного рода конституционные ценности начинают умалаться, то, как совершенно точно отмечает С.Д. Князев, основной закон не может выполнять в надлежащем объеме свои функции, по крайней мере, в том его понимании, в коем он является базисом российского конституционализма»⁵.

В мировом сообществе можно обнаружить многочисленные примеры

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. подробнее: Князев С.Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 4 - 12.

попыток обеспечить преемственность, непреложность ценностных конституционных ориентиров и принципов. Так, некоторые авторы отмечают, что для современных правовых систем в целом характерно уважительное отношение к анализируемым категориям (конституция, конституционализм, конституционные ценности). Текст основного закона все чаще приобретает признаки и свойства если уж и не «неизменного текста», то, по крайней мере, основ, трансформация которых носит явно нежелательный характер, что может иметь место только в исключительных случаях. На таких основах теории конституционализма и, прежде всего, учение об основном законе, начинают приобретать не только автономность, но даже и характер определенной «элитарности», ибо во многих странах они являются приоритетной составляющей конституционно-правовых исследований⁶.

Вместе с тем, можно констатировать наличие и иной тенденции, позитивный характер которой, на наш взгляд, носит надуманный характер. Ее суть в том, что суверенным государствам, в том числе российскому государству фактически «навязываются» как «единственно возможные» ценности и интересы, которые, нередко кардинально отличаются от национальных; они могут, как это будет аргументировано в дальнейшем, прямо противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

Изучение актуальных научных трудов по конституционному праву позволяет утверждать, что многие авторы фактически констатируют наличие коллизии системы ценностей, принципиальных подходов в понимании устоев, базиса развития общества и государства. С определенной долей условности такого рода коллизии, нередко, отождествляют с противоречиями западного и

⁶ См. подробнее: Юсубов Э.С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 13-16. См. также: Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.: Норма; Инфра-М, 2013; Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма; Инфра-М, 2011; Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма; Инфра-М, 2008; Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. М.: Норма; Инфра-М, 2009; Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Сашко, 2000; Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма;

восточного мира, либо, более конкретно – с коллизиями «западных» и «восточных» ценностей и национальных интересов. Мы не можем утверждать, что такая терминология носит удачный и корректный характер, однако рассуждения о подобного рода конфликтах позволяют охарактеризовать современную коллизионную проблематику, которая, в том числе обуславливает противоречия между российской Конституцией и правовыми позициями Европейского Суда по правам человека (далее – в т.ч. Европейского Суда, ЕСПЧ).

Исследователи не без оснований отмечают достаточно принципиальные различия в базисном понимании сущности подходов развития конституционного законодательства и в целом правовых систем, экономико-социальных проблем. Наиболее часто эту коллизию пытаются обосновать темпами так называемой модернизации «западного» и «восточного» общества. Такая постановка вопроса, думается, носит излишне абстрактный характер и может иметь негативные последствия, в особенности в части попыток рассуждений о религиозной составляющей указанных явлений и процессов.

Таким образом, нам представляются более конкретными (и корректными) другого рода констатации, связанные с проблемами роли мужчины и женщины в семье, вопросов брачных отношений, в том числе так называемых однополых браков и т.п. Мы убеждены, что единство в понимании этих проблем невозможно и в принципе нецелесообразно, ибо право подобного рода отношения всегда стремилось регулировать в минимальном объеме, исходя, например, из того факта, что наиболее эффективный режим воспитания ребенка могут сформировать его родители, и корректировка на императивных началах этого процесса может иметь место только в экстраординарных ситуациях.

Небезынтересным в этом плане представляется мнение о том, что коллизии в средствах конституционного права носят наглядный характер в тех сферах регулирования общественных отношений, в которых формируются

коллизии между «современной светской массовой культурой и традиционными социальными нормами»⁷. В числе подобного рода коллизий, которые С.А. Белов называет «ценностными конфликтами», можно выделить противоречия, связанные с так называемыми гендерными вопросами, брачно-семейными отношениями, отношениями в сфере действия моральных и нравственных ориентиров, т.е. сферы общественных отношений, в которых национальные ценности и традиции, связанные в том числе со статусом так называемых сексуальных меньшинств, статусом и ролью женщины и мужчины в семье и обществе носят самобытный характер⁸.

В частности, проблематика социальной функции полов анализируется в контексте конституционно-правовых исследований с позиций уяснения системы гарантий в социально-экономической сфере. Обращение к ней позволяет уверенно констатировать наличие коллизий между российской Конституцией, основанных на ее нормах правовых позициях Конституционного Суда России и Суда по правам человека.

К примеру, правовая позиция ЕСПЧ по «делу К. Маркин против России» не могла не предопределить формирование соответствующей позиции федерального органа конституционного контроля, которые носят противоречивый по отношению друг к другу характер⁹.

Такого рода расхождения в правовых позициях судей (Суда по правам человека и федерального органа конституционного контроля, соответственно) нашли свое объективное юридическое выражение в актах этих судов, где, например, обнаружилась коллизия между «европейским» подходом в

⁷ См., напр., подробнее: Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37-56.

⁸ Там же.

⁹ См, напр., Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 года № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о

понимании роли полов, характеристики ролей женщины и мужчины в семье и воспитании детей (ЕСПЧ) и национальными традициями и ценностями, значимость которых зафиксирована в российском Основном законе. Федеральный орган конституционного контроля встал на защиту «ценностных ориентиров российского конституционализма»¹⁰. Эти конституционные ценности Судом по правам человека определены безапелляционно как так называемые гендерные предрассудки¹¹.

Суд по правам человека, имея в виду, в первую очередь, Россию, отметил наличие этого феномена («гендерные предрассудки»), которые будучи «шаблонными», «стереотипными» правилами поведения, якобы умаляют возможности индивида использовать свои права и свободы и, в конечном счете, выражаются в правовом закреплении неравного юридического статуса мужчины и женщины¹².

Позиция ЕСПЧ по этому вопросу носит категоричный характер и заключается с отождествлением (на наш взгляд, явно неуместным) этих «гендерных предрассудков» с факторами, носящими характер дискриминации статуса мужчины или женщины в части их равенства, общественного статуса, фиксации их прав и обязанностей в действующем национальном законодательстве. Развивая такого рода суждения, судьи ЕСПЧ, пытаются навязать суверенному государству как единственно возможную и, безусловно, «ценностную» позицию, согласно которой в обществе формируется устойчивый сценарий выполнения этих ролей (безусловно, поощряемый государством, в том числе на основе предоставления социальных благ), либо их игнорирования (с соответствующей негативной реакцией государства)¹³.

порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г. «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ЕСПЧ указывает, что «предрассудки», в том числе «гендерные», стереотипы» могут привести к формированию дискриминационных правовых режимов, а стремление государства отстаивать сложившуюся веками систему ценностей отождествил с попытками «оправдания» и, соответственно, нежелания воспринимать «европейские ценности»¹⁴.

Нужно отметить, что Российская Федерация, признавая важнейшую роль международного права в развитии цивилизации, не допустила умаления того феномена, который нам представляется возможным охарактеризовать именно как «конституционные ценности», разрешив возникшую коллизию на основе российской Конституции.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, на наш взгляд, достаточно очевидное обстоятельство: ЕСПЧ призван обеспечивать максимально высокий уровень обеспечения прав человека и гражданина; в этом состоит миссия этого Суда и только на этом основании Россия как суверенное государство передала часть своих полномочий наднациональной судебной инстанции¹⁵.

Однако фактически ЕСПЧ злоупотребляет этим статусом, примером чего является дело «Константин Маркин против России». Фактически федеральный орган конституционного контроля констатирует появление в связи с вынесением ЕСПЧ соответствующей правовой позиции коллизии по вопросу относительно наличия в отношении российских мужчин (военнослужащих) признаков дискриминации; они, по мнению судей ЕСПЧ, в отличие о женщин-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. № 163. 27.07.2015.

военнослужащих «по гендерному признаку» лишены права на получение трехгодичного отпуска по уходу за ребенком, предоставляемого государством как гарантия реализации социальных прав человека и гражданина.

Федеральный орган конституционного контроля отметил, что как в анализируемом акте ЕСПЧ, так и во многих других его актах, где исследовалась так называемая позитивная дискриминация, прежде всего связанная с нарушением предписаний ст. 14 («Запрещение дискриминации») Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), ЕСПЧ акцентировал внимания на вопросах «гендерной принадлежности»¹⁶.

Суд по правам человека формирует или, точнее, предпринимает попытку сформировать коллизии между этими конвенционными нормами и нормами российского конституционного права, необоснованно утверждая, что в деле «Константин Маркин против России» имело место предоставление преимуществ социального характера только лишь по объективному, не связанному с индивидуальными особенностями лица признаку (признаку половой принадлежности).

Более того, в Постановлении № 21-П федерального органа конституционного контроля указано, что исполнение решения ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России» неизбежно привело бы к снижению уровня социальной защищенности в российском государстве, который является гарантированным и учитывает ту особую социальную миссию женщины, в том числе женщины, являющейся военнослужащей, которая связана с ее материнством¹⁷.

Итак, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации в анализируемом случае нет никаких признаков дискриминации, в том числе по половому признаку. Федеральный орган конституционного контроля использует категорию «конституционные ценности», отмечая, что именно стремление России обеспечить их баланс и обусловило наделение только

¹⁶ Там же.

женщин-военнослужащих дополнительным социальным правом.¹⁸ Более того, иной вариант правового регулирования нарушил бы сложившийся баланс конституционных ценностей, игнорировал специфику военной службы, критерии обеспечения обороноспособности и безопасности российского государства¹⁹.

Имеет ли место коллизия между нормами российской Конституции и актами ЕСПЧ, ибо согласно правовой позиции последнего в этом случае присутствует дискриминация мужчин, наделенных статусом военнослужащих и, соответственно, нарушение ст. 14 Конвенции.

Мы полагаем, что в данном случае с формально-юридической точки зрения отсутствует коллизия норм российского и международного права, но имеет место более сложная с позиции конституционно-правового анализа коллизия ценностных, национально значимых ориентиров. Обратим внимание как безапелляционно Европейский Суд по правам человека «оценивает» то, что в тексте российской Конституции есть национальное достояние, «память предков», передавших россиянам чувства любви и уважения к Отечеству, а также веры в «добро и справедливость».

Стереотипы гендерных ролей, как утверждается в анализируем акте Европейского Суда по правам человека, помещают женщин в «жилище», а мужчин – «вне его», соответственно, обуславливая «неудобства» и для мужчин, и для женщин²⁰.

Также ЕСПЧ сослался на требования Комитета CEDAW (Комитет по ликвидации дискриминации женщин ООН), который настаивает на недопустимости «формального равенства», настаивает на необходимости бороться с любыми проявлениями дискриминации²¹. По мнению его судей,

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г. «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) //Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

²¹ Там же.

недопустимость гендерных стереотипов, в том числе стереотипа ролей мужчины и женщины («занятой детьми», и «мужчины-кормильца», соответственно) неоднократно подчеркивалась в актах ЕСПЧ; так в деле «Петровиц против Австрии» констатировалась необходимость поэтапной эволюции общества в направлении корректного соотношения прав и обязанностей представителей полов.²² ЕСПЧ в этом деле указал на обязательность распределения (равного) обязанностей мужчин и женщин по воспитанию детей и указал, что различия по признакам пола в отношении пособий в связи с отпуском по уходу за ребенком, имевшее место в Австрии, нарушало Конвенцию (ст.8, 14)²³. ЕСПЧ «с удовлетворением» констатировал, что австрийская правовая система трансформировалась в направлении устранения гендерного неравенства (мужчины получили возможность использовать отпускной период для ухода за ребенком). По делу «Веллер против Венгрии» Суд по правам человека признал, что лишение права на пособия в отношении мужчин («биологические отцы») образует признаки дискриминации, умаляет права человека в силу неравного закрепления правового статуса родителей²⁴.

Очевидно, что имеют место принципиальные противоречия между российской Конституцией и актами ЕСПЧ. Так, федеральный орган конституционного контроля, как точно отмечают исследователи, отстаивает концепцию национальных семейных ценностей, необходимость защиты семьи как традиционной конституционной социальной ценности, препятствует, к примеру, распространению пропаганды в среде лиц, являющихся несовершеннолетними, «нетрадиционных сексуальных отношений»²⁵.

²² Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 1998 г «Петровиц против Австрии» //СПС КонсультантПлюс.

²³ Там же.

²⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 марта 2009 г. «По делу «Веллер (Weller) против Венгрии» (жалоба 44399/05) //Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2009. № 8.

²⁵ См. подробнее: Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами //

Как указал федеральный орган конституционного контроля, российский Основной закон, принятый (как указано в преамбуле), многонациональным российским народом, «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, провозглашает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ч. 1, ст. 38)»²⁶.

В соответствии с российской Конституцией (ст. 72, п. «ж», ч. 1) защита детства находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов; из указанных конституционных положений следует, что семья, материнство и детство в их «традиционном, воспринятом от предков понимании» являются теми ценностями, которые «обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России» и, соответственно, им требуется «особая защита со стороны государства»²⁷.

Российский федеральный орган конституционного контроля указал и на то обстоятельство, что наша страна не оставляет без защиты такие базисные ценности, как институт материнства, семьи, детства. Соответственно, требуется устранить влияние тех информационных потоков, которые оказывают пагубное влияние на развитие детей (физического, психического, духовного, интеллектуального, морального характера), а также от тех информационных ресурсов, которые дают неверное представление о социальной ценности института брака²⁸.

Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37–56.

²⁶ См. подробнее: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2010 года № 151-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и статьей 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Там же.

²⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 года № 1718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 7.1 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // СПС КонсультантПлюс.

В этом контексте ЕСПЧ пытается узурпировать право навязывать суверенным государствам систему «европейских ценностей», заставить их отказаться от национальных конституционных ценностей. Представляется обоснованным мнение о том, что эта система (в случае ее явного несоответствия основному закону страны) может не признаваться не только российским государством. Такие дела, как например, «Хирст» («против Великобритании, № 2»), «Гергюлю» («против Германии»), «Анчугов и Гладков» («против России»), «Лаутси и другие» («против Италии»), рассмотренные ЕСПЧ, свидетельствуют о наличии принципиальных различий «в ценностных системах государств-участников Европейской конвенции».

По мнению исследователей, такого рода различия, действительно, имеют место (причем, и в государствах, которые соблюдают анализируемое европейское конвенционное соглашение) и носят они достаточно принципиальный характер, в том числе при регулировании общественных отношений в сфере культуры, религиозных, духовных ценностей и т.п.²⁹

В этом плане судьями Конституционного Суда отмечено, что наиболее наглядным казусом явной коллизии между российским Основным законом и актами ЕСПЧ является Постановление последнего

от 4 июля 2013 г. (дело «Анчугов и Гладков против России»)³⁰. Именно в нем установлено Судом по правам человека фактическое требование изменить российскую Конституцию, ибо ставилась «под сомнение» ст. 32 (ч. 3) российской Конституции, содержащая запрет избирать и быть избранными в отношении граждан, которые находятся по приговору суда в местах лишения свободы. ЕСПЧ посчитал, что эти базисные конституционные положения умаляют электоральные права лиц, что является игнорированием требований

²⁹ См. подробнее: Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37–56.

³⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

Протокола № 1 к документу, который анализируется в настоящем исследовании (европейское конвенционное соглашение).

Вместе с тем, очевидно, что «изменить» эту статью Конституции России невозможно, ибо она является структурным компонентом базисных и неизменных ее основ. Если даже предположить, что Россия согласилась с решением по делу «Анчугов и Гладков против России», то это означало бы необходимость принятия новой Конституции России. Недопустимость такого варианта представляется нам аксиоматичной³¹.

Итак, теория и практика современного российского конституционализма должны преследовать цель защиты конституционных ценностей, под которыми мы понимаем национальное достоинство, незыблемость которого фиксируется в Конституции Российской Федерации («память предков», которые передавали нам чувства любви и уважения к нашему Отечеству, а также «веру в добро и справедливость») и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который наряду с другими органами государственной власти обеспечивает преодоление коллизий между российскими конституционными ценностями и ценностями Западного мира на основе непосредственного применения российского Основного Закона.

Для аргументации этой позиции обратимся к тексту Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П, где обосновано, почему следует в случае коллизии обеспечивать примат норм российского Основного закона, вплоть до возможности отказа от буквального понимания и исполнения акта страсбургского Суда (если он, в частности,

³¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса

посягает на национальные конституционные ценности)³².

Так, отмечено, что Россия, разумеется, обязана исполнять акты ЕСПЧ, равно как и международные документы, ибо является участником европейского конвенционного соглашения. Однако наша страна не может игнорировать аксиоматичные требования юридического приоритета российской Конституции в национальной правовой системе и в случае исполнения международного акта, который вступил в юридическую силу (Конвенция). Таким образом, мы вынуждены при появлении любых коллизий в соответствующей сфере общественных отношений такое юридическое верховенство Основного закона обеспечить, в том числе с учетом того обстоятельства, что он, равно, как и анализируемое европейское конвенционное соглашение, базируется в целом на тождественных ценностях (защиты прав и свобод индивида)³³.

Нам представляется недопустимым сам факт создания угроз для основ конституционного строя нашей страны, а фактическое требование заменить нашу Конституцию на «новую» отождествляем с угрозой национальной безопасности. В этом плане можно признать обоснованной позицию тех авторов, которые настаивают на обеспечении неприкосновенности системы национальных конституционных ценностей, связывают это обстоятельство с «судьбой конституционализма в целом»³⁴.

Важно отметить, что Россия не является единственной страной, которая

Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. № 163. 27.07.2015.

³² См. подробнее: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. № 163. 27.07.2015.

³³ Там же.

³⁴ См. подробнее: Магомедова П.Р. Равенство в доктрине конституционализма //

настаивает на концепции недопустимости умаления национальных конституционных ценностей. К примеру, судьи австрийского органа конституционного контроля также заявляли о недопустимости посягательств ЕСПЧ на постулат самостоятельности суверенного государства, констатировали наличие института «конституционного дуализма», суть которого состоит в равном уважении как европейского, так и национального «правопорядков».³⁵

В настоящее время развитие теории и практики конституционализма происходит в непростых условиях. На рубеже 2014–2017 гг. можно наблюдать увеличение количества коллизий между Конституцией России и актами ЕСПЧ. Следует отметить, что это происходит на фоне усиления общемировой коллизионной проблематики, неустойчивости и даже турбулентности в конституционном развитии многих зарубежных государств³⁶. Коллизии могут возникать даже «внутри» одной правовой системы, отражать трудности с определением базисных конституционных ценностей, как в рамках одной страны, так, как это будет обосновано в дальнейшем, и в группе государств. К примеру, «цветные» революции и прочие признаки, свидетельствуют об отсутствии стабильности в развитии конституционного законодательства; так, например, в Египте обретали юридическую силу конституции (2012 и 2014 гг.), которые базировались на системе различных конституционных ценностей³⁷.

Российская Федерация, напротив, является государством, демонстрирующим стабильность в системе обеспечения и защиты своих конституционных ценностей. С одной стороны, даже выше охарактеризованные коллизии не заставили российское государство выйти из числа стран – участниц Конвенции, с другой стороны, наша страна решительно пресекала

Административное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 717–722.

³⁵ Хольцингер Г. Конституционное государство в Европейском союзе // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 35–38.

³⁶ См., напр., подробнее: Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 110–123.

³⁷ См. подробнее: Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 39–43.

любые попытки навязать нам текст нового основного закона, в том числе под предлогом обеспечения «европейских» конституционных ценностей. Итак, конституционная стабильность уже может быть охарактеризована как имманентная черта российского конституционализма; именно она, по нашему мнению, лежит в основе защиты как национальных ценностей, так и прав и свобод человека и гражданина – высшей ценности в Российской Федерации.

Действительно, формальное наличие в государстве конституции не следует отождествлять с наличием стабильного режима защиты конституционных ценностей³⁸; соответствующие примеры из новейшей истории конституционализма нами уже приведены. В современном мире понятие конституционализма может быть различным в своих частных признаках, но в числе его главных элементов наряду с признаками правового демократического государства с приматом концепций народовластия и обеспечения прав и свобод человека и гражданина можно назвать и такой критерий, как стабильность³⁹.

Небезынтересно, что в научный оборот пытаются ввести термин «конституционализация», в котором выделяют, в том числе, следующие признаки:

- обусловленные систематичностью процесса уважения конституционных ценностей;
- связанные с детализацией статуса субъектов конституционно-правовых отношений;
- обусловленные конституционализацией общепризнанных принципов и норм международного права⁴⁰.

К сожалению, перспективы «глобального конституционализма» носят

³⁸ См. подробнее: Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: дисс...докт. юрид. наук. СПб., 1998. С. 93.

³⁹ См. подробнее: Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование // Отв. ред. В.И. Чиркин. М., 2011. С. 85.

⁴⁰ См. подробнее: Кузьмин А.Г. Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий // Российский судья. 2014. № 9. С. 14–20.

достаточно неопределенный характер. Коллизии возникают и рамках самого «европейского сообщества». Его представители, как было показано, предпринимают попытки навязать нам «европейские конституционные ценности», но вместе с тем не могут сформировать четкого и единого представления относительно их сущности и содержания. Аргументировать эту позицию позволяет и относительно недавно инициированная Великобританией процедура выхода из Европейского Союза и значительно раньше обнаружившаяся невозможность принятия ею конституцию этого международного объединения.

В этом аспекте представляют интерес рассуждения о перспективах развития российского конституционализма, в том числе связанных с поиском «национальных решений» относительно выше указанных проблем⁴¹.

Думается, на развитие российского конституционализма не может быть не оказывать влияние проблематика, связанная с наличием коллизий между Конституцией Российской Федерации и актами ЕСПЧ. Очевидно, что разрешать эту коллизию можно различными способами; однако, по нашему мнению, один из них, состоящий в принятии нового конституционного текста, не может иметь место в принципе. Текст любого основного закона, возможно, и не является идеальным и безупречным, в том числе, к примеру с позиции юридической техники⁴². Конституционалисты справедливо отмечают, что российский конституционализм не следует соотносить с неизбежными недостатками конституционно-правового регулирования, ибо он в любом случае является базисом для развития и совершенствования текущего законодательства⁴³.

Нам представляется, что в нашей стране на протяжении многих веков

⁴¹ Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 37–56.

⁴² См. об этом подробнее: Зорькин В.Д. Правовой путь России. М., 2014. С. 47.

⁴³ См. подробнее: Арановский К.В., Князев С.Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 51–58.

формировались культурно-нравственные принципы и приоритеты, которые в новейшей истории обусловили их закрепление как конституционных ценностей. С этих позиций, как пишут исследователи, российский конституционный текст требует к себе уважительного отношения, в том числе, не только в силу отсутствия в нем каких-либо принципиальных недостатков юридического характера, но, главное, по причине его соответствия этим значимым конституционным ценностям и ориентирам⁴⁴.

Однако не менее значимо обстоятельство, на которое обращал внимание известный конституционалист О.Е. Кутафин; он полагал важным найти разумный баланс в сочетании так называемых «общепризнанных конституционных ценностей» и национальных (российских) конституционных ценностей⁴⁵.

Безусловно, актуальные задачи российского конституционализма постоянно трансформируется уже в силу динамизма общественных отношений, регулируемых конституционным правом. Так, например, несколько лет назад перспективы его развития еще связывали, к примеру, с такого рода факторами как:

– объединение (укрупнение) российских регионов (в первую очередь, автономных округов с областями и краями); генезис этого процесса был обусловлен инициативными действиями Федерального центра⁴⁶;

– процесс централизации властных полномочий, предопределивший усиление властных, в том числе контрольных полномочий федеральных органов государственной власти, минимизацию роли и значения соглашений, фиксирующих разграничение компетенционных полномочий Федерации и ее

⁴⁴ См. подробнее: Князев С.Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 4–12.

⁴⁵ См. подробнее: Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 7.

⁴⁶ См. подробнее: Савченко Н.А. Актуальные проблемы российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 12–15. См. также: Астафичев П.А. Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 19–23.

субъектов;

– споры относительно детализации формы государственного устройства (в части, формирования, так называемого симметричного (или, напротив, «асимметричного») федеративного государства;

– проблемами, обусловленными ростом национализма, сепаратизма, увеличением количества попыток силового разрешения социально-политических конфликтов и т.п.⁴⁷.

Очевидно, что в настоящее время актуальные задачи российского конституционализма изменились; безусловно, в их числе – изучение теории конституционализма в контексте проблем коллизии Конституции России и актов Европейского Суда по правам человека.

Итак, теория и практика современного российского конституционализма должны преследовать цель защиты конституционных ценностей, под которыми мы понимаем национальное достоинство, незыблемость которого фиксируется в Конституции Российской Федерации («память предков», «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро и справедливость») и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который наряду с другими органами государственной власти обеспечивает преодоление коллизий между российскими конституционными ценностями и ценностями Западного мира на основе непосредственного применения российского Основного Закона.

Аргументацией этой позиции являются акты федерального органа конституционного контроля, согласно которым при появлении коллизий в сфере обеспечения прав индивида, которые базируются на тождественных ценностных ориентирах, необходимо отдавать предпочтение требованиям российской Конституции.

Даже в случае, если с формально юридической позиции отсутствует коллизия норм российского и международного права, все чаще может иметь место более сложная с позиции конституционно-правового анализа коллизия

⁴⁷ Там же.

ценностных, национально значимых ориентиров и ценностей, которые Европейский Суд по правам человека безапелляционно характеризует как «предрассудки» и т.п.

1.2 Сущность и специфика актуальных коллизий в конституционном праве

Термин «коллизия» определяется в энциклопедической литературе как «столкновение» интересов, взглядов, позиций стремлений; наличие противоречий в законодательстве, актах судебной власти, в том числе различных государств⁴⁸. Конституция Российской Федерации не использует этот термин, но в числе компетенционных полномочий Федерального центра есть и коллизионное (причем, федеральное коллизионное) право (пункт «п» ст. 71). Предметом федерального коллизионного права являются, как отмечают исследователи, общественные отношения, связанные с предотвращением и разрешением всех коллизий, конфликтов, противоречий, споров в государстве, регулируемые нормами конституционного права на федеральном уровне⁴⁹. Многие авторы утверждают, что федеральное коллизионное право является подотраслью конституционного права.⁵⁰

Можно разделить в целом утверждение о том, что коллизии имманентно присущи правовой материи с момента генезиса и формирование правовых систем всех государств; нет «бесконфликтных» соответствующих систем, они в любом случае не могут быть «тождественны» вектору быстро меняющихся общественных отношений⁵¹.

⁴⁸ Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 288–289.

⁴⁹ Стародубцева И.А. Конституционные принципы федерального коллизионного права // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 59–66.

⁵⁰ См., напр.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 338–339.

⁵¹ Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РАП, Волтерс Клувер, 2010. 144 с. С. 5.

Как отмечают исследователи, в нашей стране осуществлена кардинальная трансформация законодательства, в том числе обусловленная кардинальным изменением вектора социально-экономического развития и ценностной формации; процесс развития правовой системы российского государства продолжается, причем, осуществляется он интенсивно. В данной ситуации, по их мнению, требуемая скоординированность нормативных правовых актов не всегда может иметь место; более того, могут иметь место различного рода дефекты, пробелы, коллизии, в том числе коллизии норм равной юридической силы (например, общей и специальной нормы)⁵². Основные ориентиры в части преодоления (минимизации) коллизионной проблематики специалисты связывают с повышением качества законотворческого процесса, упрочением постулатов справедливости, законности и т.п.⁵³.

Мы полагаем возможным обозначить свою позицию в отношении проблемы коллизии в конституционном законодательстве и предпринять попытку аргументировать ее; нам представляется, что коллизии в самом тексте Конституции Российской Федерации 1993 г. носят во многом надуманный характер, ибо определенные недостатки в тексте любого базисного юридического документа будут всегда. Если гипотетически предположить, что мы всякий раз будем «улучшать» текст Основного закона, вносить в него постоянные изменения, то будет поставлен под угрозу более чем двадцатилетний процесс стабильного его функционирования, процесс формирования уважительного отношения к конституционным нормам. И, главное, процесс ликвидации таких мнимых коллизий (квазиколлизий) априори не приведет к формированию «бесспорного» конституционного текста, ибо конституция любой страны призвана выразить интересы большинства, установить консенсус между противоположными позициями, найти компромисс между различными слоями общества, но никогда не разрешит

⁵² См. подробнее: Гуцина Н.А. Коллизии общих и специальных норм права равной юридической силы // Современное право. 2016. № 5. С. 5 - 8.

⁵³ Там же.

невозможную правовую задачу: удовлетворить интересы любого индивида.

Вместе с тем, в юридической литературе есть другая точка зрения по данному вопросу, согласно которой противоречия в тексте Конституции Российской Федерации существуют, и они «негативно влияют на всю правовую систему, что связано с ее особой ролью в формировании основ правового регулирования общественных отношений. Они носят не только теоретический, но и практический характер, так как, в частности, закладывают основы неравенства субъектов Российской Федерации. Данные коллизии сказываются и на иных отраслях права, поскольку отраслевыми законами регулируются ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, детализируются полномочия органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов»⁵⁴.

Наиболее часто, как и следует из приведенной цитаты, к числу коллизий относят «противоречия между частью 1 статьи 5 (о равноправии всех субъектов Российской Федерации) и другими нормами (частью 2 статьи 5, в которой республика названа государством, а также республике предоставлено право иметь свою конституцию, а краю, области, городу федерального значения, автономной области, автономному округу – устав; частью 2 статьи 68, которая предоставляет право республикам устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации – русским и др.)»⁵⁵.

В теории конституционализма имеет место и позиция, согласно которой приоритет международного права на международном уровне не может быть автоматически перенесен на национальный уровень. Разрешение такой коллизии зависит от соотношения национального и международного права в

⁵⁴ См. подробнее: Стародубцева И.А. Особенности коллизий в конституционном законодательстве // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 9–13. См. также: Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений. Воронеж, 2016. 320 с.

⁵⁵ Там же.

каждой национальной правовой системе, поскольку затрагиваются вопросы конституционного права, включающие иерархию и природу соответствующих правовых норм⁵⁶.

Как правило, с коллизионной нормой отождествляют такую норму, которая детализирует применение той или иной системы права (как правило, «сопоставляются» национальная и наднациональные системы) к конкретным общественным отношениям⁵⁷. Такого рода норма, как правило, имеет отсылочный характер, ибо определяют систему норм, применимых к конкретным правоотношениям⁵⁸.

Некоторые исследователи разграничивают национальные и унифицированные (или международные) коллизионные нормы. Первые формируются в сфере конкретной национальной правовой системы государства на началах самостоятельности и автономности и используются в так называемом одностороннем порядке.

Второй вид коллизионных норм (международные или унифицированные нормы) обретает юридическую силу в ходе взаимодействия суверенных государств на международной арене и закрепляется в таких документах, как международные договоры, конвенции. Соответственно, в этом случае констатируют наличие так называемых коллизионных предписаний одностороннего характера и такого же рода предписаний международного многостороннего характера⁵⁹. М.А. Ахрименко пишет, что перспективное применение норм нескольких государств может быть сопоставимо с так называемой борьбой юрисдикций⁶⁰. Однако такая позиция фактически сводит

⁵⁶ Осминин Б.И. Конституционные принципы и взаимодействие международного и внутригосударственного права // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 105–117.

⁵⁷ Стародубцева И.А. Использование коллизионного подхода в правовых исследованиях: постановка проблемы // История государства и права. 2012. № 21. С. 29–31.

⁵⁸ Ануфриева Л.П. Международное частное право // Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М., 2005. С. 117. Здесь цит. по: Стародубцева И.А. Использование коллизионного подхода в правовых исследованиях: постановка проблемы // История государства и права. 2012. № 21. С. 29–31.

⁵⁹ Лушникова М.В. Коллизионный метод регулирования трудовых отношений с иностранцами // Законодательство и экономика. 2008. № 7. С. 18.

⁶⁰ См. подробнее: Ахрименко М.А. Коллизионный метод регулирования договорных

цели коллизионных методик только к поиску приоритетной правовой модели⁶¹.

Еще несколько лет назад в части анализа вариантов проблем разрешения коллизий доминировала оптимистичная позиция, согласно которой «последовательная унификация коллизионного права, наблюдаемая сегодня в рамках Европейского Союза, уже в скором будущем может завершиться принятием Кодекса европейского международного частного права. Опыт унификации коллизионного регулирования в Европейском Союзе представляет несомненный интерес и для России: как на пути создания Единого экономического пространства, так и в отношении собственного законодательного строительства»⁶².

Однако исследователи обычно отмечали наличие коллизионных начал в процессе становления и развития международного права. Естественное стремление суверенных государств обеспечить национальные интересы, ценности, приоритеты нередко диссонировало с такими постулатами международного права, как универсальность, «всеобщность» правового регулирования в сфере соответствующих общественных отношений. В определенной мере, минимизации этих коллизий способствовала методика унификации регулирования с формированием системы норм, которые должны получить характер «абсолютной императивности»⁶³.

С одной стороны, консервативность и в связи с этим относительная стабильность и устойчивость норм международных договоров несут в себе положительные моменты, поскольку защищают интересы его участников. С другой стороны, именно консервативность мешает государствам адаптироваться к новым реалиям современного международного правопорядка. Однозначно нельзя утверждать, что какая-либо из точек зрения должна

обязательств: основные цели, задачи и функции //Юридический мир. 2010. № 6. С. 22–26.

⁶¹ Стародубцева И.А. Указ. Соч. С. 60.

⁶² Муратова О.В. Унификация коллизионных норм международного частного права в Европейском союзе // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 25–28.

⁶³ См. подробнее: Шершнева Е.А. Фрагментация международного права на примере коллизионных проблем трансграничных отношений алиментирования // Российский

преобладать в международно-правовой практике в отношении договоров. Возможно, именно их компромиссное сочетание позволит решить возникающие проблемы в отношении договоров в ходе международного сотрудничества на паритетных началах. Однако коллизийность и наличие пробелов в актах международного договорного права позволяют констатировать необходимость их обновления. Право международных договоров также нуждается в корректировке по вопросам уточнения юридических процедур и стадий процесса заключения договоров⁶⁴.

Наиболее часто коллизийная проблема (коллизийный вопрос) характеризовалась в юридической литературе как «определение того, материально-правовые нормы какой страны подлежат применению (определение статута правоотношения)»⁶⁵. На наш взгляд, в современных исторических условиях коллизийная проблематика имеет более «широкое», более глобальное наполнение и становится все более актуальной для теории и практики российского конституционализма. Очевидно, что в настоящий момент имеет место коллизия «правовых ценностей», «правовых установок», коллизия в понимании международного права, «право равных», которое пытаются представить как «право сильного».

В 2015 г. Конституционный Суд России отметил, что европейское конвенционное соглашение, имеющее для России статус ратифицированного нормами федерального законодательства международного соглашения, равно как и базирующиеся на этой конвенции акты Суда по правам человека, в том числе направленные на «проверку» российского законодательства, не могут стать основой недопустимого процесса поправок прав и свобод индивида, создания угроз для основ конституционного строя нашей страны и, тем более, требований об изменении Основного закона. Такой вывод, безусловно,

юридический журнал. 2013. № 5. С. 49–55.

⁶⁴ Шматова Е.С., Изварина А.С. Коллизийные вопросы заключения международных договоров // Международное публичное и частное право. 2013. № 5. С. 7–10.

⁶⁵ См.: Асосков А.В. Основы коллизийного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с. С. 10.

обусловлен совокупностью норм российского конституционного текста (ст. 4, 15, 79 и др.), которые фиксируют суверенный характер российского государства, приоритет и высшую силу российского Основного закона. Конституционные нормы прямо запрещают включать в российскую правовую систему нормы международного права, которые в той или иной форме могут обуславливать попытки умалить принцип верховенства российской Конституции.⁶⁶

Представляется, что такая позиция призвана подчеркнуть, недопустимость посягательств на конституционный принцип суверенитета российского государства. Так, термин «давление» достаточно активно начинает использоваться в «международном праве» (думается, что использование этого термина с использованием кавычек в данном случае уместно). 17 апреля 2014 г. Европейский парламент принял резолюцию № 2014/2699 (RSP) «О давлении России на страны Восточного Партнерства и, в особенности, на Восточную Украину».⁶⁷ В пункте 6 этой резолюции Европарламент потребовал от Европейского Совета усилить вторую фазу санкций против Российской Федерации и подготовиться к введению третьей фазы (так называемые секторальные санкции), которые должны быть применены немедленно, и призвал Совет оперативно ввести эмбарго на торговлю Европейского Союза с Российской Федерацией оружием и технологиями двойного назначения. В пункте 7 Европарламент призвал Европейский Совет ввести меры против российских компаний и их дочерних обществ (в особенности в энергетическом

⁶⁶ См. подробнее: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. № 163, 27.07.2015.

⁶⁷ <http://www.europarl.europa.eu/sides/get>.

секторе), а также применительно к российским инвестициям и активам в Европейском Союзе, и пересмотреть все международные договоры с Российской Федерацией на предмет их возможного приостановления⁶⁸.

Такого рода «коллизии» (между заявлениями ряда зарубежных стран относительно их приверженности идеалам права и демократии и их фактическими действиями) на самом деле являются противоречиями в правовых позициях Суда по правам человека и российского федерального органа конституционного контроля. Они фактически подрывают основы взаимодействия суверенных государств, вынуждают Российскую Федерацию применять Конституцию, как приоритетный по отношению к любому международному договору документ в целях защиты своих национальных интересов.

В этом, думается, состоит принципиальное отличие «новых» противоречий от «классических». Оценка воздействия традиционных коллизий носит, в целом, разноплановый характер, связанный:

- с факторами негативного характера (нарушение целостности правовой системы, проблемы в правовом регулировании общественных отношений;
- с факторами позитивного характера (обуславливают развитие правовой системы)⁶⁹.

Ю.А. Тихомиров отмечал, что юридическая коллизия отражает не только деформацию правовой системы или ее отдельных элементов, государственных институтов, форм хозяйствования. Коллизия выступает как свидетельство естественных противоречий, нормального развития и функционирования государственно-правовых институтов.⁷⁰

И.А. Стародубцева обосновывает позитивную роль института

⁶⁸ См. подробнее: Рачков И.В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО // Международное правосудие. 2014. № 3. С. 91–113.

⁶⁹ См. подробнее: Стародубцева И.А. Влияние коллизий на правовую систему России: конституционно-исторический аспект // История государства и права. 2013. № 1. С. 53.

⁷⁰ Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. С. 3.

коллизийной проблематики, основываясь, в том числе, на законах диалектики, связанных с процессами развития, «самодвижения», базирующихся на противоречиях, имманентно присущих объекту этих противоречий⁷¹. Так как законы диалектики характеризуют процессы развития как необратимые, векторные трансформации систем, в том числе правовой системы, то коллизии (противоречия между нормами права) можно, в том числе охарактеризовать как фактор, способствующий развитию как системы законодательства, так и национальной правовой системы в целом⁷².

Вместе с тем, исследователи всегда отмечали и основные направления негативного влияния коллизий на правовую систему: 1) затрудняется процесс правоприменения, так как одно правоотношение регулируется разными по содержанию нормами, и их применение порождает новые коллизии; 2) изменяется правосознание правоприменителей (в частности, складывается убеждение в невозможности эффективного регулирования правом общественных отношений); 3) осложняется взаимодействие федерального центра и субъектов Российской Федерации; 4) снижается уровень законности в стране, поскольку в условиях противоречивости законодательства появляется возможность для злоупотребления должностными лицами своим служебным положением⁷³.

В настоящее время основное противоречие, носящее, как мы полагаем, исключительно негативный характер, связано с попытками противопоставить национальное, конкретно, российское право и «международное право» (условность этого термина в этом случае, как думается, очевидна). Данная проблема осложняется и тем, что многие авторы, равно, как и автор исследования, констатируют процессы «регионализации» (в их терминологии – «фрагментаризации») международного права.

Так, по обоснованному мнению Е.А. Шершневой, свойства и черты такой

⁷¹ Стародубцева И.А. Указ. Соч. С. 54.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

фрагментарности все более присущи праву международному, что расценивается ею более чем критично (она говорит даже о «кризисе» этой системы права⁷⁴. Она предпринимает и небезуспешную попытку также выявить и охарактеризовать причины этого процесса (кризиса международной системы права), связывая его с такого рода факторами, как глобализация, диверсификация, обуславливающими, в свою очередь, гиперусиление конкуренции правовых норм и режимов, генезис и развитие так называемых «вторичных», «параллельных» норм и т.п.⁷⁵.

Одной из форм объективации этих противоречий стал уже обозначенный нами в диссертационном исследовании «конфликт» правовых актов Суда по правам человека и российского федерального органа конституционного контроля. В этом случае разрешение противоречий исследователи уже характеризуют как достаточно длительный по времени период, который включает в себя:

- изучение и оценку соответствующей правовой позиции Суда по правам человека (ЕСПЧ);
- изучение и оценку соответствующей правовой позиции российского федерального органа конституционного контроля;
- формирование аргументированной юридической оценки этих позиций, в том числе с возможным указанием на их противоправность⁷⁶.

В этом случае может (и, очевидно, должно иметь место) отступление от принципа примата принципов и норм («общепризнанных») международного права, если ЕСПЧ, к примеру, неверно толкует нормы анализируемого нами европейского конвенционного соглашения, а также обоснования возможности неисполнения актов наднациональной судебной инстанции.

⁷⁴ См. подробнее: Шершнева Е.А. Фрагментация международного права на примере коллизионных проблем трансграничных отношений алиментирования // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 49–55.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ См. подробнее: Гущина Н.А., Глухоедов М.С. Коллизии отдельных постановлений Европейского суда по правам человека и актов Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 10–15.

«Здесь, по мнению этих авторов, имеет место комплекс средств, норм, процедур, которые рассчитаны на изучение правовой действительности, выявление возможности возникновения новых коллизий в будущем, причем эти коллизии не только юридического характера, но и другие, прямо или косвенно влияющие на юридические коллизии. Иначе говоря, анализируются взгляды, мотивы, позиции, осуществляемые как в правовом русле, так и в русле, выходящем за его пределы. Ориентируясь на возможность разрешения коллизии, необходимо моделирование конфликтной ситуации, избрание средств в целях устранения и предотвращения ее в будущем⁷⁷.

Таким образом, исследователи уже относительно давно констатировали возможность юридических коллизий, когда акты ЕСПЧ и акты российского федерального органа конституционного контроля вступали в противоречие⁷⁸. Например, как отмечалось, обнаружилась коллизия между Конституцией России, постановлениями Конституционного и Европейского Судов в отношении российского гражданина К.А. Маркина; он, как выше было сказано, считал незаконным отказ в предоставлении отпуска по уходу за ребенком (в течении трех лет), ссылаясь, в том числе на соглашение о совместном проживании с ним его детей. Решениями российских судов в удовлетворении его требований было отказано.

Еще в августе 2008 г. данный гражданин направил жалобу в федеральный орган конституционного контроля, который ее не удовлетворил, ссылаясь на следующие обстоятельства.

Служба в Вооруженных силах Российской Федерации предполагает систематическое и на непрерывных началах выполнение воинской обязанности. В том случае, если будет иметь нечто получение военнослужащими (мужчинами) такого рода отпуск, то, очевидно, формируется опасность для национальной безопасности и обороны страны, в том числе по причине

Федерации // Современное право. 2013. № 9. С. 71–72.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

потенциального массового характера такого рода отпусков. Вместе с тем, военнослужащие женского пола могут использовать анализируемую льготу. И, соответственно, никакие социальные права мужчин, проходящих службу в Вооруженных силах, не были нарушены. Кроме того, Суд отметил, что такое право в принципе не предусмотрено российской Конституцией⁷⁹.

И, напротив, коллизионное начало обнаруживается при обращении к акту Европейского Суда по этому же вопросу; судьи наднациональной судебной инстанции пришли к выводу о том, что непредоставление отпуска военнослужащему (мужского пола) не мог иметь место. Впрочем, на наш взгляд, аргументы ЕСПЧ в отношении анализируемого казуса носят противоречивый характер. Суд постановил, что были нарушены ст. 18, 14 Конвенции (о запрещении дискриминации и регламентирующее право на уважение частной и семейной жизни). Однако Европейский суд не учел, что Конвенция не включает такое право, как право на отпуск по уходу за ребенком.⁸⁰

Может ли подобного рода коллизия разрешена в пользу Конвенции, не закрепляющей спорного права? Как известно, обязательность для нашего государства исполнять акты ЕСПЧ следует из:

– Конвенции о защите прав и основных свобод (ст. 46: обязанность государства-ответчика выполнять окончательное постановление ЕСПЧ, в которых они являются сторонами);

– требований, содержащихся в Законе (1998 г. № 54-ФЗ), фиксирующего факт ратификации Европейской Конвенции и ряда соответствующих

⁷⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС КонсультантПлюс.

⁸⁰ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Константин Маркин против России» (Konstantin Markin v. Russia), жалоба № 30078/06 //URL: www.europeancourt.ru.

протоколов (ст. 1);

– акта российского Верховного Суда (Постановления Пленума 2003 г. № 5, регламентирующего порядок применения судами общей юрисдикции принципов и норм международного права, носящих общепризнанный характер, а также международных соглашений России).

Выполнение акта ЕСПЧ обуславливает комплекс факторов; в частности, России следует изменить свое национальное законодательство, сформировать комплекс превенционных мер, преследующих цель исключить (минимизировать) появление подобного рода казусов. Однако в части изменения Основного закона акты ЕСПЧ (например по делу г-на Маркина против России) ставят российские органы государственной власти «в сложное положение»⁸¹. Действительно, акты федерального органа конституционного контроля не подлежат обжалованию (ст. 79 Федерального конституционного закона 1994 г. № 1-ФКЗ, определяющего статус российского Конституционного Суда).

Как утверждают исследователи, здесь явно имеет место коллизия между правовыми позициями Европейского суда и российского федерального органа конституционного контроля. Она обусловлена, прежде всего, наличием принципиальных различий в отношении интерпретации анализируемого европейского конвенционного соглашения (включая соответствующие протоколы) между позициями судей национальной и наднациональной судебных инстанций⁸².

По мнению Н.А. Гущиной и М.С. Глухоедова требования ЕСПЧ, направленные в адрес суверенного государства, пусть и являющегося «государством – ответчиком» по конкретному делу, об изменении законодательства (от себя добавим, что, прежде всего, это касается конституционного законодательства) нужно характеризовать как попытка

⁸¹ См. подробнее: Гущина Н.А., Глухоедов М.С. Указ. Соч. С. 73.

⁸² Там же.

умаления суверенитета России⁸³. По их мнению, такого рода требования «выходят за рамки компетенции» ЕСПЧ, зафиксированные Конвенцией; ЕСПЧ осуществляет «слишком произвольное» толкование данного европейского конвенционного соглашения и, соответственно, «вторгается в сферу национальных интересов» нашего государства⁸⁴.

Кроме того, стремясь обеспечить «общую задачу строго соблюдать права человека, государства стремятся достичь единой цели – обеспечить прогрессивное переустройство международных отношений, что отвечало бы коренным интересам человечества. При достижении поставленной цели недопустимы любые формы давления на государства и тем более вторжение в сферу национального суверенитета»⁸⁵.

Председатель российского Конституционного Суда В.Д. Зорькин также подвергал критике акты ЕСПЧ⁸⁶. Действительно, российский федеральный орган конституционного контроля не может не воспрепятствовать применению тех актов ЕСПЧ, в которых имеют место принципиальные различия в системе ценностных координат, которые, в конечном счете, обуславливают и различное понимание судьями национальной и наднациональной судебной инстанции конкретных норм и положений европейского конвенционного соглашения.

Так, например, позиция российских судов в части отказа предоставить отпуск для ухода за ребенком военнослужащему-мужчине предопределен спецификой профессии военного, его особым статусом, который может иметь в силу этого обстоятельства и особые ограничения. Лицо, наделенное российским законодательством таким статусом, должно на постоянной основе исполнять свои обязанности, в том числе в целях обеспечения «стратегических целей и жизненно важных интересов национальной безопасности. Для исключения нарушений в функционировании отношений в военной сфере необходим надежный юридический фундамент, который станет основой для

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

укрепления обороноспособности страны и обеспечения безопасности граждан»⁸⁷.

Относительно выводов ЕСПЧ в части «несовершенства» национального законодательства и его противоречия ряду конвенционных положений «можно представить себе, какой непоправимый вред можно причинить интересам Российского государства и общества в случае изменения законодательства в этой сфере и распространения его положений на других военнослужащих. В первую очередь это означало бы создание прямой угрозы интересам национальной безопасности России»⁸⁸.

Итак, некорректное истолкование ЕСПЧ ряда положений анализируемого европейского конвенционного соглашения обуславливает, нередко, ошибки в выводах ЕСПЧ⁸⁹.

По обоснованному мнению конституционалистов, Конституционный Суд Российской Федерации находит баланс национальных и наднациональных ценностей и интересов в процессе формирования и аргументации своих правовых позиций.

Федеральный орган конституционного контроля стремится избежать появления коллизий при вынесении актов, которые связаны с анализом нормативных правовых актов Российской Федерации, развивающих базисные принципы и нормы международного права. Однако при этом нельзя допустить даже потенциального умаления российских национальных интересов в процессе правового закрепления основополагающих концепций.

Структурным элементом правовой системы Российской Федерации являются акты ЕСПЧ, которые в современных исторических условиях реализуются в нашей стране только при условии, что федеральный орган конституционного контроля вынесет соответствующее решение (о том, что они соответствуют базисным конституционным принципам и нормам, отвечают

⁸⁶ См.: Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. № 5325(246). 2010.

⁸⁷ См. подробнее: Гущина Н.А., Глухоедов М.С. Указ. соч. С. 73.

⁸⁸ Там же.

интересам российского общества и государства (национальным интересам) и при этом «не нарушают» интересов европейского и в целом мирового сообщества⁹⁰.

Такой элемент конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией России и актами Суда по правам человека обеспечивает интересы российского народа и государства. Федеральный орган конституционного контроля основывает свои правовые позиции исключительно на нормах российской Конституции, непосредственных предписаний и установок конституционного текста при условии обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Аксиоматичным представляется утверждение о том, что правовое регулирование не может умалять интересы одних субъектов правоотношений за счет закрепления привилегированного статуса другого; именно из такой позиции должны исходить судьи ЕСПЧ и российского Конституционного Суда.

Акты Европейского суда, базирующиеся на ином понимании Конвенции о защите прав и основных свобод, образуют коллизию с правовыми позициями Конституционного Суда России, который обосновывает свои позиции в части понимания конкретных положений европейского конвенционного соглашения, ратифицированного и признаваемого Россией. Эти позиции корреспондируют вектору развития России как правового государства, задачам модернизации национальной правовой системы. Соответственно, коллизии между нормами российской Конституции, актами федерального органа конституционного контроля и Суда по правам человека должны разрешаться без попыток формирования поспешных и безапелляционных оценок⁹¹.

Поиск способов разрешения указанных коллизий имел место достаточно

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ См. подробнее: Гущина Н.А., Глухоедов М.С. Коллизии отдельных постановлений Европейского суда по правам человека и актов Конституционного Суда Российской Федерации // Современное право. 2013. № 9. С. 71–75.

⁹¹ Там же.

долго. Исследователи констатировали, в том числе, на основе анализа соответствующей нормативной правовой базы, что в нашей стране еще не полном объеме сформированы юридические механизмы, обеспечивающие исполнимость актов Суда по правам человека. Они отмечали, что «возможность пересмотра решений национальных судебных органов в связи с вынесением решения Европейского суда по правам человека предусмотрена только в уголовном и арбитражном судопроизводстве. В рамках гражданского и административного производства такая возможность законами не установлена»⁹².

В связи с этим предлагалось: сформировать более эффективные механизмы координации и качественного взаимодействия для обеспечения (информационного и аналитического характера) конкретных структур российского Правительства, Министерства юстиции, Уполномоченного при Суда по правам человека от России, Парламента России; осуществить исследование негативных (потенциально негативных) аспектов действующей системы законодательства в части корректного исполнения актов ЕСПЧ; улучшать рекомендации по эффективности механизма исполнения его актов и т.д.⁹³.

Однако преодолеть эту коллизию кардинальным образом удалось, как отмечалось, только в середине 2015 г., когда в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционным Судом Российской Федерации была сформирована правовая позиция, фактически закрепляющая примат российской Конституции над актами этого Суда⁹⁴.

⁹² См. подробнее: Шуберт Т.Э. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 136–143.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4

Следует отметить, что во многом аналогичная практика существует и в ряде зарубежных стран. Так, например, согласно сложившейся судебной практике в Канаде права и привилегии, которые были внесены одной из сторон международного договора, приводятся в исполнение судами только тогда, когда этот договор введен в действие или утвержден законодательством Канады. Разрешение коллизий путем отсылки к международному договору не ограничено ситуациями, где внутригосударственное законодательство по форме является двусмысленным или противоречащим международным обязательствам. В результате судебного контроля в канадский законодательный процесс вошел принцип, схожий с принципом реализации международного обычного права в Канаде, а именно: международное обычное право является частью общего права до тех пор, пока внутреннее законодательство явно и непримиримо не регламентирует иное. В случае, когда имплементирующее законодательство находится в прямом противоречии с договором, на что указывается во внутренней норме, внутригосударственное законодательство будет иметь приоритетное значение»⁹⁵.

Согласно Основному Закону ФРГ, государство может законом передавать свои суверенные права межгосударственным учреждениям (ст. 24); нормы, носящие характер «общепризнанных» составляющих международного права образуют часть права ФРГ, при этом соответствующие нормы имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории (ст. 25). Основным Законом Федеральный Конституционный Суд Германии наделяется правом разрешения коллизии между национальным и международным правом в случае, если в юридическом споре (при судебном процессе) возникает сомнение, является ли

статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. № 163, 27.07.2015.

⁹⁵ Донцов П.В. Применение коллизионных норм международного права судами Канады // Российский судья. 2013. № 9. С. 42–45.

норма международного права составной частью федерального права и порождает ли она непосредственно права и обязанности индивида (ст. 100)⁹⁶.

Таким образом, в самом тексте Конституции Российской Федерации 1993 г. «коллизии» (если их понимать именно как «противоречия») либо «пробелы» отсутствуют, ибо определенные недостатки в тексте любого базисного юридического документа будут всегда. Гипотетически предположив, что общество будет постоянно «улучшать» текст Основного закона, систематически вносить в него изменения, то мы умалим роль более чем двадцатилетнего процесса стабильного функционирования российской Конституции, процесс формирования уважительного отношения к конституционным нормам. И, главное, процесс ликвидации таких мнимых коллизий априори не приведет к формированию «бесспорного» конституционного текста, ибо Конституция любой страны призваны выразить интересы большинства, установить консенсус между противоположными позициями, найти компромисс между различными слоями общества, но никогда не разрешит невозможную правовую задачу: удовлетворит интересы любого индивида.

В современных исторических условиях коллизионная проблематика в части соотношения международного и национального права становится все более актуальной для теории и практики российского конституционализма, ибо имеет место коллизия правовых ценностей, принципов российского государства и «стран Западной демократии», объективируемая в заявлениях последних о приверженности идеалам права и демократии и их фактическими действиями, которые подрывают основы взаимодействия суверенных государств, вынуждают Российскую Федерацию применять Конституцию как приоритетный по отношению к любому международному договору документ в целях защиты своих национальных интересов.

⁹⁶ Грачева (Перчаткина) С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского суда по правам человека: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2012.

Реализация конституционных положений о признании и гарантировании прав индивида и гражданина в соответствии с принципами и нормами международного права, носящими так называемый общепризнанный характер (ст. 17), о возможности на основе норм международного права, признаваемого Россией, направлять обращения в межгосударственные структуры по защите прав и свобод в случае исчерпания всех имеющихся внутригосударственных резервов защиты (ч. 3 ст. 46), о гарантировании права коренных малочисленных народов в соответствии с принципами и нормами международного права (также носящими характер «общепризнанности») и международными договорами России (ст. 69 российского Основного закона) и др. становится либо невозможной, либо затруднительной в настоящее время на основе небезуспешных попыток ряда государств сформировать квазиколлизию между «международным правом» (понимаемого исключительно как «право силы») и конституционным принципом суверенитета российского государства.

Нам представляется, что актуальные юридические коллизии между позициями Суда по правам человека и российского федерального органа конституционного контроля также базируются не на различиях правовых взглядов и позиций судей этих органов власти, а на искусственно формируемой «коллизии» между интересами США, стран Европейского Союза и национальными интересами Российской Федерации. На рубеже 2014–2016 гг. акты Европейского Суда по правам человека стали в отдельных случаях преследовать цель не обеспечения прав и свобод человека, ради достижения которой в соответствии со ст. 97 Конституции Российская Федерация и передала часть своих полномочий этому Суду, а экономического «санкционного» давления на российское государство.

1.3. Соотношение «международного договора» и «закона»: новые тенденции и коллизии

Нормы российской Конституции о приоритете правил международных соглашений в отношении российского законодательства (ч. 4 ст. 15) всегда вызывали определенные вопросы у некоторых ученых и правоприменителя в части наличия коллизии конституционных принципов примата международного права и национального суверенитета.

Однако, именно такой порядок конституционных норм о соотношении «международного договора» и «национального закона» предопределен неуклонной приверженностью России идеалам правового демократического государства. Российское конституционное право обеспечивает приоритет норм, которые создают наибольшие гарантии защиты прав и свобод индивида.

Однако такой порядок не может быть идеализирован или абсолютизирован; все чаще можно обнаружить в литературе по конституционному праву утверждения о том, что концепции примата международного права и правового государства пытаются исказить, том числе в контексте «приоритета права сильного»⁹⁷.

Возьмем на себя риск высказать суждение о том, что с позиции современного конституционализма нормы международного права далеко не во всех случаях могут отождествляться с критерием «общепризнанности». В определенной мере этому не может не содействовать и так называемая «фрагментаризация» норм международного права, когда в одних союзах (например, в ЕС) действуют нормы, которые уже не признаются в других⁹⁸. Формируя новые блоки и союзы (в частности, Евразийский экономический

⁹⁷ См. подробнее: Добрынин Н.М. К вопросу о государствоведении и юриспруденции: размышления на актуальную тему и философия права // Государство и право. 2014. № 12. С. 52.

⁹⁸ См. подробнее: Рыжов В.Б. Международно-правовые модели региональной экономической интеграции (Европейский Союз, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС) // Международное публичное и частное право. 2006. № 4. С. 29.

союз (ЕАЭС)⁹⁹, либо трансформируя существующие БРИКС, ШОС, Россия именно в силу ч. 4 ст. 15 Конституции также и отказывается от признания тех норм и принципов международного права, которые не соответствуют ни ее национальным интересам, ни, главное, идее «служения» правам человека. Так, еще 19 июня 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин на международном форуме в г. Санкт-Петербург констатировал непризнание Россией юрисдикционных полномочий Гаагского арбитражного суда¹⁰⁰.

Имеет место в целом «конституционализация» международных принципов и норм; термин «конституционализация» не тождественен, разумеется, конституции «одной страны», поскольку в «английском языке понятие «конституция» не только относится к Основному закону государства, но и используется для обозначения уставов корпораций и фирм, внутренних правил религиозных и общественных организаций, неформальных объединений и т.п.»¹⁰¹.

Такого рода концепция обеспечивает «границы (и реалии) конституционного «суверенитета»¹⁰². Кроме того, «апологетика конституционно-правового подхода вовсе не означает, что в сложных международных экономических коллизиях можно будет пренебречь императивом справедливости в поисках оптимальной модели разрешения противоречий»¹⁰³.

Иное понимание сущности «конституционализации» также представляет научный интерес. Российская Конституция формирует базис всех актов и выводов Конституционного Суда Российской Федерации, который

⁹⁹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.01.2015.

¹⁰⁰ Использованы материалы сайта: <http://rusevik.ru/>.

¹⁰¹ См.: Баренбойм П.Д. Независимость центральных банков как основной принцип конституционной экономики // Конституционная экономика и антикризисная деятельность центральных банков / Сб. статей под ред. С.А. Голубева. М.: ЛУМ, 2013. 160 с.

¹⁰² Крусс В.И. Конституционный суверенитет как актуальная ценность // Судья. 2013. № 12. С. 44–53.

¹⁰³ Крусс В.И. Диалектика конституционализации и взаимодействие правовых систем в контексте глобализации // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 26–38.

последовательно «ограничивает» принцип примата международного права, фактически обосновывает «подчиненность» его норм российской Конституции. Так, в Постановлении федерального органа конституционного контроля от 2015 г. № 16-П обоснован вывод о том, что: «необходимость интеграции Российской Федерации в мировую экономику, способы и пределы такой интеграции, ее участия в международном экономическом сотрудничестве, основанном на признании и соблюдении равных и неотъемлемых прав человека, их защите и создании условий для реализации определяются суверенной волей многонационального народа России, стремящегося обеспечить ее благополучие и процветание и признающего себя частью мирового сообщества (преамбула Конституции Российской Федерации), которую выражают органы государственной власти согласно своей компетенции, определенной в соответствии с Конституцией Российской Федерации»¹⁰⁴.

Конституционалисты достаточно точно охарактеризовали перспективы развития позиций федерального органа конституционного контроля в части перспектив признания приоритета российской Конституции в отношении актов ЕСПЧ.

С учетом тематики конституционного исследования важно выявить роль доктрины Конституционного Суда России в конституционном механизме разрешения коллизионных начал между Основным законом России и актами ЕСПЧ. В этом контексте многие авторы уже длительное время настаивали на том, что российский Конституционный Суд сформирует доктрину, которая позволит «блокировать» те международные договоры, которые, будучи ратифицированными Россией, перестали отвечать интересам обеспечения прав

¹⁰⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2015 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 207 и статьи 216 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Беларусь С.П. Лярского» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.06.2015.

и свобод человека и гражданина и, более того, стали создавать угрозу конституционному строю нашей страны¹⁰⁵.

Первоначально российским федеральным органом конституционного контроля было установлено, что непосредственной реализации в нашей стране положений международных норм в сфере защиты прав человека и гражданина и устанавливающих иные императивы, чем предусмотренные законом, обязательно должно предшествовать их обнародование в официальном порядке¹⁰⁶. В целом, конституционалисты уже почти пять лет назад утверждали: «не вызывает сомнений, что в случае надлежащего обращения... Конституционный Суд Российской Федерации распространит свою правовую позицию и на другие международные источники»¹⁰⁷.

Данная ситуация, действительно, возникла на практике в середине 2015 г., когда Конституционный Суд Российской Федерации сформировал правовую позицию о безусловном примате Конституции Российской Федерации над всеми международными договорами; данная позиция носит императивный характер и способствует кардинальной минимизации коллизий между российским Основным законом и актами ЕСПЧ.

В целом, «конституционализации» международного права происходят достаточно давно¹⁰⁸. По мнению И.А. Умновой, «Конституция в современном понимании – это конгломерат оригинального конституционного текста и того объема международно-правовых стандартов, который в нем признается

¹⁰⁵ См. подробнее: Казанцев С.М. Особенности контроля конституционности Таможенного кодекса Таможенного союза // Журн. конституционного правосудия. 2013. № 2. С. 1–9.

¹⁰⁶ См. подробнее: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

¹⁰⁷ Казанцев С.М. Указ. Соч. С. 8. Цит. по: Крусс В.И. Диалектика конституционализации и взаимодействие правовых систем в контексте глобализации // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 26–38.

¹⁰⁸ Пряхина Т.М. Конституционно-правовой статус не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 2–9.

действующим наравне с конституционными нормами»¹⁰⁹. Итак, «конституционализация» международного права может рассматриваться и как процесс комплексного применения источников национального и наднационального права, исключая (минимизирующей) их коллизионные начала.

Небезынтересными представляются рассуждения о тенденции «конституционализации» международного права, которое явно сопоставляется с более перспективным термином «мегаправо», А.Н. Медушевского; он пишет: «изменение реальности (социальных отношений) должно осуществляться через рациональные изменения правовых норм. Конституция выступает при таком подходе как самостоятельный и очень важный фактор институционализации новых социальных и экономических отношений, может как ускорять, так и замедлять их. Это форма, которая находится в поиске своего социального содержания, идея, которая еще не вполне материализовалась. Данный подход позволяет интерпретировать само отношение к Конституции как мотив политического поведения, изучать его в контексте теории рационального выбора, говорить о возрождении теории и общественного договора и создании мегаправа – особой социокультурной реальности, позволяющей адаптировать рациональные правовые нормы в условиях иррационального правового поведения (или правового нигилизма). Наконец, этот подход позволяет изучать переходный процесс как динамику распространения конституционных принципов и изменения с их помощью всей политико-правовой реальности (в частности, путем так называемой конституционализации отраслевого права). В ряде стран присутствует понятие «политическая конституция», которое выражает общность задач политики и права в формировании новой публичной этики демократического общества»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Умнова И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 22.

¹¹⁰ Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М. Берлим: Директ- Медиа, 2015. 176 с. С. 7.

Тенденции «разочарования» в международном праве прослеживаются в публикациях многих исследователей, в выступлениях представителей российского государства. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении 24 октября 2014 г. отмечал наличие коллизий международного и национального права¹¹¹.

В Послании к Федеральному Собранию 2014 г. В.В. Путин отметил: «Или мы будем суверенными, или растворимся, потеряем в мире. И это, конечно, должны понять другие державы. Все участники международной жизни должны это понять. И, понимая, укреплять роль и значение международного права, о котором мы так много говорим в последнее время, а не подстраивать его нормы под чьи-то конъюнктурные интересы вопреки основополагающим его принципам и здравому смыслу, считая всех вокруг малообразованными людьми, которые не умеют читать и писать. Надо с уважением относиться к законным интересам всех участников международного общения. Только тогда не пушки, ракеты или боевые самолеты, а именно нормы права будут надежно защищать мир от кровопролитных конфликтов. И тогда не потребуются пугать кого бы то ни было мнимой изоляцией, обманывая самих себя, или санкциями, которые, конечно, вредны, но вредны для всех, в том числе для тех, кто их инициирует. Кстати, о санкциях. Это не просто нервная реакция США или их союзников на нашу позицию в связи с событиями и госпереворотом на Украине, и даже не в связи с так называемой «крымской весной». Уверен, что если бы всего этого не было... то придумали бы какой-нибудь другой повод для того, чтобы сдержать растущие возможности России, повлиять на нее, а еще лучше – использовать в своих интересах»¹¹².

Стремление ряда зарубежных политиков сформировать коллизии международного и российского права обуславливаются совокупностью

¹¹¹ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме: «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.).

¹¹² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Российская газета. № 278. 05.12.2014.

факторов. «Вопрос правового регулирования международных финансовых отношений, – пишет П.Н. Вишневский, – один из наиболее сложных: государства наименее всего склонны приходить к консенсусу в данном вопросе. Несмотря на существование ряда конвенций, разработанных на международном уровне, некоторые из них так и не вступили в силу, другие касаются лишь отдельных вопросов, в то время как остальные морально устарели. Тем не менее, уже несколько десятков лет участники международных финансовых рынков из различных государств заключают многостраничные соглашения, содержащие одни и те же условия, в большинстве случаев типовые, и отражающие сложную структуру возникающих на международном финансовом рынке отношений. Как следствие, отношения на таком рынке в первую очередь регулируются рыночной практикой, обычаями и только потом применимыми нормами национального права»¹¹³.

Представляется обоснованным еще раз акцентировать внимание на том обстоятельстве, что коллизии сопровождают процесс развития современного миропорядка; непростая ситуация заставляет многих задаваться вопросом: нельзя ли изменить ее не эволюционным, а революционным путем?

Нет ли «простых» путей выхода из кризиса? Некоторые авторы используют термин «конституционная революция», понимая его как кардинальное изменение правил конституционного выбора, осуществляемое в условиях демократии¹¹⁴.

Коллизии в правовом пространстве невозможно разрешать на основе насильственных действий, либо постоянно и кардинально изменяя конституционное законодательство, как это неоднократно «предлагал» сделать ЕСПЧ. Российское государство отвечает на эти «предложения» адекватно: оставаясь в числе стран-участниц Конвенции, оно скорректировало соответствующий конституционный механизм, наделив федеральный орган

¹¹³ Вишневский П.Н. Правоотношения на международном финансовом рынке // Международное право и международные организации. 2014. № 3. С. 397–420.

конституционного контроля дополнительными полномочиями.

Представляется в целом обоснованной позиция, согласно которой «причисление отдельных государств к категории «парий» международного сообщества (в отличие от восхваляемых «цивилизованных народов») происходит спустя более полувека после принятия Декларации ООН 1960 г. о предоставлении независимости колониальным странам и народам»¹¹⁵. Такого рода попытки можно наблюдать в процессе попыток в актах Суда по правам человека сформировать коллизию между, к примеру, «европейскими ценностями» и «иными», которые судьи ЕСПЧ явно относят к «нецивилизованным странам».

Таким образом, исследователи совершенно верно предлагают противодействовать такого рода посягательствам на конституционную целостность и суверенитет независимых государств «без санкции международного сообщества в лице ООН»¹¹⁶.

Нельзя не согласиться и с утверждением этих авторов об усилении взаимной зависимости современных государств и, соответственно, вмешательство, носящее силовой характер, может расцениваться как неприемлемый способ воздействия на конкретную страну. Более того, увеличивается количество ситуаций, когда такое вмешательство приобретает характер не открытой агрессии (например, вооруженного конфликта), а принуждения экономическими силами и средствами.¹¹⁷ Очевидно, что примером такого давления и является применение так называемых «санкций» в отношении суверенного государства – Российской Федерации. Коллизионные начала в этом случае, на наш взгляд, явно присутствуют.

Такого рода факторы и позволяют констатировать, что имеется

¹¹⁴ См., напр., подробнее: Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005. С. 238.

¹¹⁵ См. подробнее: Симонишвили Л.Р. Проблемы понимания «суверенитета государства» в современных условиях // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 6–8.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

множество случаев «переформулировать проблематику», трансформировать сущность института государственного суверенитета¹¹⁸.

С одной стороны, как пишут исследователи, принципы и нормы международного права (при условии их конституционной характеристики как «общепризнанных») формируют институт ответственности государств в части соответствия национального права и тех положений права международного, в отношении которых сформулированы конкретные обязательства суверенных стран. Универсальные принципы и нормы международного права формируют запрет «оправдания» невыполнения международных обязательств ссылками на нормы национального («внутреннего») права. С другой стороны, по мнению этих же самых авторов, право международное в качестве такого же общеуниверсального правила оставляет на усмотрение конкретной страны выполнение взятых международных обязательств «способами, удобными для них»¹¹⁹.

Конкретная страна, как подчеркивал, в частности, Г.И. Тункин, может обеспечить исполнение взятых обязательств по международным договорам и соглашениям силами, средствами, «удобными (выд. – Т.Э.), прежде всего, для данного государства»¹²⁰. Фактически аналогичного подхода придерживаются и другие известные специалисты, утверждая, что выбор конкретного механизма исполнения взятых страной обязательств, обусловленных конкретным международным документом, есть ни что иное как «проявление государственного суверенитета»¹²¹. Соответственно, по их справедливому мнению, избрание конкретной модели реализации обязательств международного характера образует «внутреннюю компетенцию

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ См.: Осминин Б.И. Конституционные принципы и взаимодействие международного и внутригосударственного права // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 105–117.

¹²⁰ См. подробнее: Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956. С. 10.

¹²¹ См. подробнее: Левин Д.Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974. С. 245.

государства»¹²².

В соответствии с Концепцией внешней политики нашей страны от 2013 г., в числе приоритетных задач России – содействие кодификации и прогрессивному развитию международного права, осуществляемого, прежде всего, под эгидой ООН, достижение универсального участия в международных договорах ООН, их единообразного толкования и применения¹²³.

Такая задача становится все более трудно исполнимой, ибо она должна исполняться при неуклонном соблюдении российских национальных интересов, а также при недопущении (минимизации) коллизий между текстом российской Конституции и актами Суда по правам человека (ЕСПЧ), который нередко пытается придать характер «общепризнанных» и «международных» постулатам, неприемлемым не только для России, но и для любого современного правового демократического государства.

Как пишет Г.М. Вельяминов, нормы права формируются конкретной страной (государством суверенным) с учетом основ конституционного строя, либо как результат международного взаимодействия, взаимных уступок (нормы международного права); однако и в последнем случае страны «действуют согласно своим соответствующим *конституционным* (выд. Т.Э.) установлениям»¹²⁴.

Подобного рода справедливые рассуждения подчеркивают важность конституционного текста любого суверенного государства, коллизии между которым и актами международных организаций, в том числе таких авторитетных как ЕСПЧ, носят, по меньшей мере, малопродуктивный характер.

Причем, понятия «конституция», «конституционный текст» мы используем в так называемом широком значении этого термина, ибо, к примеру, формально соответствующий юридический текст может

¹²² Там же.

¹²³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. // СПС КонсультантПлюс.

¹²⁴ Вельяминов Г.М. К вопросу о соотношении международного права и национальных правовых систем // Государство и право. 2015. № 5. С. 102.

отсутствовать (некоторые государства англосаксонской правовой семьи), однако фактически конституция имеет место как совокупность правил, принципов, исторических документов и официальных предписаний¹²⁵.

Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что структура самого международного права трансформируется и, как мы уже отмечали, «регионализируется». Равным образом лишь способствует, по нашему мнению, увеличению количества анализируемых коллизий и появление так называемых «международных межведомственных договоров». Специалисты отмечают, что «всеобщая глобализация и необходимость взаимодействия государств в специальных областях знаний повлекли за собой заключение большого количества международных межведомственных договоров. Резкому увеличению количества межведомственных договоров способствует несколько аспектов современной международной действительности, таких как постоянный научно-технический прогресс, расширяющий области совместного регулирования между государствами, количества самих государств, а также возрастание роли министерств и ведомств в международных правоотношениях. Международные договоры, в том числе межведомственные, имеют особую важность для функционирования правового государства, составной частью правовой системы которого они являются. Международные межведомственные договоры образуют специализированную юридическую основу межгосударственных отношений и представляют собой существенный элемент развития взаимосвязей между государствами по вопросам компетенции соответствующих министерств и ведомств»¹²⁶.

Необходимость в преодолении коллизий, по мнению этих авторов, возникает в том случае, когда выясняется, что фактические обстоятельства

¹²⁵ См. подробнее: Гриценко Е.В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в российском конституционном праве // Государство и право. 2015. № 6. С. 6.

¹²⁶ Курашвили А.Ю. Международные договоры межведомственного характера: некоторые коллизии в российском законодательстве // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 210–222.

регулируются двумя противоречивыми нормами. В подобном случае правоприменителю необходимо выбрать одну из двух соответствующих норм и обосновать ее применение. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» является основополагающим актом, регулирующим заключение, исполнение и прекращение международных договоров, в том числе и межведомственного характера. В ст. 1 данного Закона определено, что российские международные соглашения формируются, реализуются, теряют силу в соответствии с принципами и нормами международного права, носящими характер общепризнанности, нормами конкретного договора, российской Конституцией и указанным Законом.

Налицо определенная иерархическая структура, где упомянутому Закону отведено главное, если не сказать единственное, место среди других федеральных законов и, тем более, подзаконных актов. Соответственно, нормы Закона, регламентирующего статус международных документов нашего государства не могут не иметь лидирующей роли при возникновении соответствующих правовых коллизий по отношению к другим федеральным законам и подзаконным актам¹²⁷.

Итак, задача минимизации негативных последствий «нагнетания» коллизии международного и национального права реализуется при неуклонном соблюдении российских национальных интересов, попытки посягательства в отношении которых носят все более активный характер. Они могут разрешаться исключительно на основе непосредственного применения положений Основного закона, определяющего права индивида высшей конституционной ценностью; соответственно, все нормы и принципы, в том числе имеющие характер «общепризнанных» и «международных», должны этому соответствовать

В этом контексте Российской Федерации действует исключительно в правовом пространстве, ибо на попытки «экономической блокады» российское

¹²⁷ Там же.

государство отвечает адекватно; государство уважает нормы европейского конвенционного соглашения, ратифицированного нашей страной; вместе с тем, применение этих норм, интерпретируемых в актах ЕСПЧ, не может обуславливать посягательств на независимость и суверенитет России.

В целом на основании материала, изложенного в первой главе диссертационного исследования, мы полагаем возможным предпринять попытку обоснования следующих доводов и суждений.

Теория и практика современного российского конституционализма должны преследовать цель защиты конституционных ценностей, под которыми мы понимаем национальное достоинство, незыблемость которого фиксируется в Конституции Российской Федерации («память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость») и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который наряду с другими органами государственной власти обеспечивает преодоление коллизий между российскими конституционными ценностями и ценностями «Западного мира» на основе непосредственного применения российского Основного Закона. Аргументацией этой позиции являются акты Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым, при обнаружении любых коллизий необходимо руководствоваться принципом приоритета Основного закона российского государства.

Если с формально-юридической позиции отсутствует коллизия норм российского и международного права, то все чаще может иметь место более сложная с позиции конституционно-правового анализа коллизия ценностных, национально значимых ориентиров и ценностей, которые Европейский Суд по правам человека безапелляционно характеризует как «предрассудки» и т.п.

Как неоднократно отмечалось, формирование «единого конституционного пространства» (например, на основе принятия общей для стран-членов Европейского Союза конституции) является труднореализуемой задачей. Соответственно, невозможность (или нежелание) найти общие

конституционные ценности в рамках одного сообщества лишь подчеркивает недопустимость «навязывание» таким союзом на основе актов и выраженных в них правовых позиций ЕСПЧ такого рода ценностей суверенным государствам с безапелляционными выводами о необходимости полной замены конституционного текста.

«Коллизии» в тексте Конституции Российской Федерации 1993 г., если их понимать именно как «противоречия» либо «пробелы», отсутствуют, ибо определенные недостатки в тексте любого базисного юридического документа будут всегда. Гипотетически предположив, что общество будет постоянно «улучшать» текст Основного закона, систематически вносить в него изменения, мы умалим роль более чем двадцатилетнего процесса стабильного функционирования российской Конституции, процесс формирования уважительного отношения к конституционным нормам. И, главное, процесс ликвидации таких мнимых коллизий (квазиколлизий) априори не приведет к формированию «бесспорного» конституционного текста, ибо Конституция любой страны призвана выразить интересы большинства, установить консенсус между противоположными позициями, найти компромисс между различными слоями общества, но никогда не разрешить невозможную правовую задачу: удовлетворит интересы любого индивида.

В современных исторических условиях коллизийная проблематика в части соотношения международного и национального права становится все более актуальной для теории и практики российского конституционализма, ибо имеет место коллизия правовых ценностей, принципов российского государства и «стран Западной демократии», объективируемая декларациями последних о приверженности идеалам права и демократии и их фактическими действиями, которые подрывают основы взаимодействия суверенных государств, вынуждают Российскую Федерацию применять Конституцию как приоритетный по отношению к любому международному договору документ в целях защиты своих национальных интересов.

Нами обосновывается позиция, согласно которой реализация конституционных положений о признании и гарантировании прав индивида в соответствии с нормами, принципами международного права, имеющих статус «общепризнанных» (ст. 17), о праве обращения в наднациональные органы защиты прав и свобод индивиду при исчерпании резервов национальных средств юридической защиты и в соответствии с нормами международных документов, признаваемых Россией (ст. 46), о гарантировании права коренных малочисленных народов в соответствии с нормами международного права, отвечающим критериям «общепризнанности», а также международными договорами Российской Федерации (ст. 69 российской Конституции) и др. становится либо невозможной, либо затруднительной в настоящее время на основе небезуспешных попыток ряда государств сформировать квазиколлизии между «международным правом» (понимаемого исключительно как «право силы») и конституционными принципами народовластия, суверенитета, примата интересов индивида.

Актуальные коллизии Суда по правам человека (ЕСПЧ) и российского федерального органа конституционного контроля также базируются не на различиях правовых взглядов и позиций судей этих органов власти, а на искусственно формируемой «коллизии» между интересами США, стран Европейского Союза и национальными интересами Российской Федерации. На рубеже 2014–2017 гг. акты Европейского Суда по правам человека стали в отдельных случаях преследовать цель не обеспечения прав и свобод человека, ради достижения которой в соответствии со ст. 97 Конституции Российская Федерация и передала часть своих полномочий этому Суду, а экономического санкционного давления на российское государство.

Минимизация негативных последствий искусственно сформированной «коллизии» международного и национального права реализуется при неуклонном соблюдении российских национальных интересов на основе прямого применения российской Конституции, устанавливающей базисный

постулат примата прав человека (даже «общепризнанные» международные нормы должны ему соответствовать).

Конституционный механизм разрешения коллизий между Конституцией России и актами может быть охарактеризован как система мер противодействия любым попыткам посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, в том числе объективируемых в актах ЕСПЧ, в которых фактически неоднократно ставился вопрос об изменении первых двух глав российской Конституции.

Нами доказывается, что наиболее эффективным элементом этого механизма является доктрина Конституционного Суда Российской Федерации, позволившая осуществлять проверку возможности исполнения решений ЕСПЧ.

Глава 2. Основные направления преодоления (минимизации) коллизий в практике российского конституционализма

2.1. Трансформация практики разрешения конституционных коллизий Европейским Судом по правам человека

На основании изложенного в первой главе материала мы полагаем возможным утверждать, что в настоящее время спорно относить к актуальным и обоснованным те доктринальные позиции, согласно которым Конституция уступает по юридической силе международным договорам, а «императивные нормы международного права превыше государственного суверенитета»¹²⁸.

Можно выделить группы стран, в которых:

– фиксируется в законодательстве абсолютный приоритет Европейской конвенции по отношению к национальным основным законам (к примеру, Австрия, Нидерланды);

– в соответствующем нормативном правовом акте устанавливается правило, согласно которому Конвенция по сравнению с основным законом страны имеет меньшую юридическую силу, но большую по отношению к любому другому национальному закону (это Франция, Испания, Россия);

– устанавливается правило, в соответствии с которым Конвенция имеет силу и статус ординарного национального закона (Великобритания).

Разумеется, такого рода «правила» допускают и определенные исключения. Так, например, по мнению исследователей, обосновывающих целесообразность такого рода классификационных оснований, ФРГ (если обратиться к тексту ее Основного Закона) можно поместить в группе стран, где Конвенция имеет силу и статус ординарного национального акта; однако если анализировать деятельность федерального органа конституционного контроля –

¹²⁸ См. подробнее: Будылин С.В. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12. С. 64–80.

то Германия – и в этом случае в группе государств, где анализируемый конвенционный документ уступает по юридической силе Конституции ФРГ¹²⁹.

Итак, мы в полном объеме разделяем мнение, базирующееся на анализе законодательства и, главное, актуальной правоприменительной практике о том, что в большинстве государств национальный основной закон выше по юридической силе Конвенции о защите прав и основных свобод. Соответственно, Россия не является «страной-исключением», ибо подавляющее большинство государств, являющихся участником указанного международного соглашения придали Конвенции:

- фактический статус акта с превалирующим юридическим значением, но лишь по отношению к «обычному» закону,
- значительно реже – статус «конституционного» закона;
- лишь в единичных случаях статус акта с наибольшей юридической силой¹³⁰.

Нам представляется, что с этих позиций превенции коллизий между национальной Конституцией и актами ЕСПЧ призваны содействовать именно акты этого Суда, в которых должно присутствовать, по меньшей мере, уважительное отношение к конституции суверенного государства.

Однако на практике мы можем наблюдать иную ситуацию, обусловленную наличием актов ЕСПЧ, которые, на наш взгляд, не в полной мере направлены на достижение целей анализируемого европейского конвенционного соглашения – защиту прав и свобод человека, в отдельных случаях, как уже обосновывалось, посягают на неприкосновенность основ конституционного строя российского государства.

В этом плане небезынтересной представляется позиция, согласно которой использование ЕСПЧ такого рода механизмов, как, например, «толкование эволютивного характера» является и обоснованным, и вполне допустимым в контексте специфического характера международно-правовых норм в целом, и

¹²⁹ Там же.

европейских конвенционных норм, в частности¹³¹.

Вместе с тем, мы убеждены в том, что использование такого рода механизмов не может игнорировать такие принципы как:

- принцип правовой определенности;
- «принцип *сдержанности*» [выд. Т.Э.] Суда по правам человека»
- принцип реального обеспечения прав индивида¹³².

Стоит признать, что реализация эти принципов носит корреспондирующий характер, базирующийся, в том числе на гармоничном сотрудничестве анализируемой наднациональной судебной инстанции и стран, присоединившихся к анализируемому международному соглашению¹³³.

Мы уже неоднократно задавались вопросом, отвечают ли акты Суда по правам человека критериям, которые, по нашему мнению, имманентно должны быть присущи наднациональной судебной инстанции («сдержанность», уважение к национальным конституционным ценностям, «разумность» и т.д.).

Если обратиться к позициям Суда по правам человека, которые были сформулированы в период, который мы связываем с появлением максимального количества коллизий между российской Конституцией и актами этого суда (примерно с 2014–2015 г., когда во многом под предлогом «санкционного режима» этот Суд фактически создавал угрозы основам конституционного строя нашей страны и до начала 2107 г., когда число такого рода решений несколько уменьшилось).

Итак, в 2015–2016 гг. Суд по правам человека:

– в Постановлении от 23 июля 2015 г. по жалобе Александра Шевченко «(Aleksandr Shevchenko) против России» (жалоба № 48243/11) дал оценку жалобе заявителя на чрезмерную длительность содержания под стражей в

¹³⁰ Там же.

¹³¹ См. подробнее: Липкина Н.Н. Толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека и верховенство права // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 130–142.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

следственном изоляторе, а также на то, что его жалобы на решения о заключении под стражу не были «рассмотрены незамедлительно», установив, что «по делу допущено нарушение требований пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹³⁴;

– в Постановлении от 23 июля 2015 г. по делу «Баталины (Bataliny) против России» (жалоба № 10060/07) дал оценку жалобе заявителей (три человека) на принудительное помещение первого заявителя в психиатрическую больницу, законность содержания в которой «не могла быть оспорена в суде», на «принудительное психиатрическое лечение первого заявителя, его избиение в больнице и отсутствие эффективного расследования по этому факту со стороны властей», установив, что «по делу допущено нарушение требований статьи 3, подпункта «е» пункта 1 статьи 5 и пункта 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹³⁵;

– в Постановлении от 23 июля 2015 по делу «Патранин (Patranin) против России» (жалоба № 12983/14) дал оценку жалобе заявителя, отбывающего наказание в исправительной колонии, которому «не было предоставлено надлежащее лечение во время нахождения под стражей», а власти Российской Федерации «не исполнили требование Европейского Суда о проведении медицинского обследования экспертами, независимыми от системы исполнения наказаний», установив, что по делу допущено нарушение требований статей 3, 13 и 34 анализируемой Конвенции¹³⁶;

– в Постановлении от 16 июля 2015 г. по делу «Николай Козлов (Nikolay Kozlov) против России» (жалоба № 7531/05) дал оценку жалобе заявителя на нарушение его права на доступ к суду в связи с

¹³⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2015 г. по делу «Александр Шевченко (Aleksandr Shevchenko) против России» (жалоба № 48243/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

¹³⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2015 г. по делу «Баталины (Bataliny) против России» (жалоба № 10060/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8

¹³⁶ Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2015 г. по делу «Патранин (Patranin) против России» (жалоба № 12983/14) // Бюллетень Европейского Суда

тем, что «внутригосударственные суды отказали в рассмотрении его жалобы на чрезмерную длительность судебного разбирательства по его гражданскому иску», установив, что по делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 анализируемой Конвенции¹³⁷;

– в Постановлении от 16 июля 2015 г. по делу «Алексей Борисов (Aleksey Borisov) против России» (жалоба № 12008/06) дал оценку жалобе заявителя, отбывающего наказание в исправительной колонии в Воронежской области, который «подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции во время обыска его квартиры», содержался под стражей «в больнице под надзором милиции», установив, что по делу допущено нарушение требований статьи 3 и пункта 1 статьи 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹³⁸;

– в Постановлении от 30 июня 2015 г. по делу «Воронков (Voronkov) против России» (жалоба № 39678/03) дал оценку жалобе заявителя на длительное неисполнение судебного решения, вынесенного в его пользу по иску о незаконном увольнении к его бывшему работодателю – муниципальному предприятию, установив, что по делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 и статьи 1 Протокола № 1 к анализируемой Конвенции¹³⁹;

– в Постановлении от 30 июня 2015 г. по делу «Хорошенко (Khoroshenko) против России» (жалоба № 41418/04) дал оценку жалобе заявителя, отбывающего пожизненное тюремное заключение, на ограничения контактов с членами семьи, предусмотренные строгим режимом содержания под стражей в колонии особого режима, установив, что «по делу допущено нарушение

по правам человека. 2015. № 8.

¹³⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. по делу «Николай Козлов (Nikolay Kozlov) против России» (жалоба № 7531/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

¹³⁸ Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. по делу «Алексей Борисов (Aleksey Borisov) против России» (жалоба №12008/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8

¹³⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 г. по делу «Воронков (Voronkov) против России» (жалоба № 39678/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

требований статьи 8 исследуемого конвенционного соглашения, ратифицированного Россией¹⁴⁰;

– в Постановлении от 25 июня 2015 г. по делу «Сайдулханова (Saydulkhanova) против России» (жалоба № 25521/10) дал оценку жалобе заявительницы, отметив, что «представители властей несут ответственность за исчезновение ее сына в январе 2004 года в Чеченской Республике (заявительница также жаловалась на отсутствие надлежащего расследования обстоятельств исчезновения ее сына)», установив, что по делу допущено нарушение требований статьи 2 анализируемой Конвенции¹⁴¹;

– в Постановлении от 18 июня 2015 г. по делу «Яйков (Yaikov) против России» (жалоба № 39317/05) сформировал правовую позицию в отношении жалобы заявителя на незаконный характер помещения его в психиатрическую больницу специализированного типа с интенсивным наблюдением по решению суда, установив, что делу допущено нарушение требований подпункта «е» пункта 1 статьи 5 анализируемой Конвенции¹⁴²;

– в Постановлении от 18 июня 2015 г. по делу «Фанзиева (Fanziyeva) против России» (жалоба № 41675/08) изучаемый наднациональный орган дал оценку жалобе заявительницы на то, что «представители властей несут ответственность за причинение телесных повреждений ее дочери, за смерть последней, а также за непроведение эффективного расследования указанных обстоятельств», установив, что по делу допущено нарушение требований статей 2 и 3 Европейской Конвенции¹⁴³;

¹⁴⁰ Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 г. по делу «Хорошенко (Khogoshenko) против России» (жалоба № 41418/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7.

¹⁴¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июня 2015 г. по делу «Сайдулханова (Saydulkhanova) против России» (жалоба № 25521/10) // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴² Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июня 2015 г. по делу «Яйков (Yaikov) против России» (жалоба № 39317/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7.

¹⁴³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июня 2015 г. по делу «Фанзиева (Fanziyeva) против России» (жалоба № 41675/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7.

– в Постановлении от 11 июня 2015 г. по делу «Тычко (Tychko) против России» (жалоба № 56097/07) на основе изучения жалобы заявителя на условия содержания под стражей в следственном изоляторе и помещении суда, а также на условия этапирования в суд (также заявитель обжаловал чрезмерную длительность судебного разбирательства по его уголовному делу), установил, что допущено нарушение требований статьи 3, пункта 1 статьи 6 и статьи 13 исследуемого конвенционного соглашения, ратифицированного Россией¹⁴⁴;

– в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 20 сентября 2016 г. «Дело «Карелин (Karelin) против Российской Федерации» (жалоба № 926/08) дана правовая оценка жалобе заявителя, привлеченного к административной ответственности за нарушение общественного порядка, на то, что неучастие прокурора как представителя органа обвинения при рассмотрении его административного дела, обязательное участие которого во всех делах об административных правонарушениях не предусмотрено действующим КоАП РФ, нарушило его право на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство, поскольку функцию обвинения выполнял сам судья. Констатируется, что по делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции¹⁴⁵;

– в Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2016 г. «Дело «Новрук (Novruk) и другие против Российской Федерации» (жалобы № 31039/11, 48511/11, 76810/12, 14618/13 и 13817/14) исследовались жалобы заявителей на различия в обращении, которым они подверглись ввиду их состояния здоровья, что представляет собой дискриминацию по смыслу статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 анализируемой Конвенции, выразившуюся в отказе в выдаче разрешения на временное проживание в связи

¹⁴⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 июня 2015 г. по делу «Тычко (Tychko) против России» (жалоба № 56097/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7.

¹⁴⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 сентября 2016 г. «Дело «Карелин (Karelin) против Российской Федерации» (жалоба № 926/08) // "Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание", 2016, № 10(172).

с наличием у заявителей ВИЧ-инфекции. По мнению судей, по делу допущено нарушение требований статьи 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод во взаимосвязи со статьей 8 исследуемого конвенционного соглашения, ратифицированного Россией и т.д.¹⁴⁶.

Изучение этих и ряда других актов, вынесенных Европейским Судом по правам человека в 2015–2016 гг., обуславливает возможность обосновать некоторые выводы и суждения. Прежде всего, обращает внимание на себя то обстоятельство, что стремление России позиционировать себя как государство, уважающее нормы международного, в том числе европейского права, но вместе с тем способного «стоять за себя», отстаивать, причем, оставаясь участником соответствующего международного соглашения, неизменность и неприкосновенность основ своего конституционного строя, привело к положительным результатам. Хотя «кардинального» перелома в правовой политике ЕСПЧ, возможно, и не наблюдается (некоторые из его актов в отношении России критически оцениваются специалистами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина), однако удалось достичь конкретного позитивного результата в части минимизации исследуемой коллизионной проблематики.

После наделения российского федерального органа конституционного контроля полномочиями проверки документов международных организаций, в том числе актов ЕСПЧ можно констатировать:

– с одной стороны, тенденцию к фактически полному отсутствию «гиперколлизий», а, по сути, ультимативных требований со стороны Суда по правам человека изменить российский Основной закон;

– с другой стороны, Россия не вышла из анализируемого конвенционного соглашения, ЕСПЧ продолжает свою деятельность, которая в целом все же способствует цели формирования дополнительных гарантий для наших

¹⁴⁶ Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2016 г. «Дело «Новрук (Novruk) и другие против Российской Федерации» (жалобы № 31039/11, 48511/11, 76810/12,

граждан в части обеспечения их прав и основных свобод, в том числе гарантированных Конституцией России.

Вместе с тем, говорить о полной потере актуальности соответствующей коллизионной проблематики нам представляется явно преждевременным. По-прежнему Суд по правам человека продолжает попытки сформировать коллизии между, к примеру, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и его правовыми позициями. Коллизия состоит в том, что российский Основной закон допускает принципиальную возможность ограничивать права человека в целях достижения способствующих реальному обеспечению этих прав факторов, связанных с обеспечением неприкосновенности основ конституционного строя (фиксирующих незыблемость этих прав!), безопасностью нашей страны, незыблемостью законных интересов других индивидов и т.д. Однако, ЕСПЧ в ряде уже приведенных в настоящем исследовании актов высказался о том, что, «право на контакты с родственниками при пожизненном тюремном заключении», «право на контакты с защитником» и т.п. являются «безусловными» и не подлежащими никаким ограничениям, а «длительность судебного разбирательства» лишь в отдельных случаях соотносится с такими категориями, как объем и сложность осуществляемого властями России предварительного расследования и судебного разбирательства.

Мы полностью разделяем позицию о том, что Суд по правам человека должен сам, в первую очередь, быть корректным при вынесении столь значимых юридических решений. Нередко обнаруживаемое в его правовых позициях стремление узурпировать полномочия «мирового законодателя» (не учитывая при этом, к примеру, что в ЕС не удалось принять общий Основной закон), равно как и его попытки «ускорить прогресс в области прав человека»

обуславливают весьма негативные последствия¹⁴⁷.

В целом, анализируемая коллизионная проблематика затрагивает широкую сферу общественных отношений, в том числе, как уже неоднократно отмечалось, связанную с различиями в понимании конституционных ценностей. Так, например, правовые позиции Суда по правам человека, выраженные в 2009 г. (по так называемому делу Кудешкиной) нашли свое «продолжение» в 2015 г. (процесс «Kudeshkina – 2»), в ходе которого был поставлен вопрос о восстановлении заявителя по делу в ранее занимаемой должности (судья Московского городского суда). ЕСПЧ вновь пришел к выводу о нарушении Россией ст. 10 анализируемого европейского конвенционного соглашения¹⁴⁸.

Некоторые исследователи отмечают, что ЕСПЧ еще в 2009 г. была выявлена явная «несоразмерность» такой меры дисциплинарного наказания, как лишение указанной гражданки должности судьи республиканского, краевого и равного им уровня, в том числе в силу ее неприемлемости в условиях демократического государства¹⁴⁹.

ЕСПЧ пришел к выводу о формальной законности такой меры (в контексте ее соответствия национальному законодательству), но не соответствующим основам правового регулирования, характерным для демократического общества.

Против Кудешкиной была принята так называемая мера публичных властей, которую ЕСПС охарактеризовал как посягательство на свободу выражения мнения. Соответственно, после неудачных попыток изменить решение о своем увольнении с должности судьи в российских судебных

¹⁴⁷ См. подробнее: Будылин С.В. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12. С. 64–80.

¹⁴⁸ Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2009 г. «Дело «Кудешкина (Kudeshkina) против Российской Федерации» (жалоба № 29492/05) // Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 4.

¹⁴⁹ См. подробнее: Сыченко Е.В. Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России – 2 // Международное право и международные организации. 2015. № 2. С. 192–198.

инстанциях Кудешкина обратилась с жалобой в Суд по правам человека, который установил наличие причинно-следственной связи между лишением ее статуса судьи Московского городского суда и выступлениями заявительницы в российских средствах массовой информации с критикой в адрес национальной судебной системы (конкретно, с критикой в адрес председателя этого Суда.

Также ЕСПС констатировал нарушение баланса таких категорий как «публичный интерес в защите национального правосудия» и «свободы выражения своего мнения»¹⁵⁰.

Думается, здесь имеет место коллизия не только между нормами российского Основного закона и правовыми позициями ЕСПЧ, но и коллизия между актами этого Суда с требованиями международных документов, выделяющих, к примеру, принципы «лояльности работников по отношению к своим работодателям». Однако, наиболее важно то, что Конституция нашей страны фиксирует, что права человека обеспечиваются правосудием, а сами судьи наделяется столь широким кругом властных полномочий, гарантируемых, в том числе институтами дополнительного материального обеспечения, судейской неприкосновенности, что их корректность в части своих публичных заявлений представляется нам очевидно необходимой.

Как пишет Е.В. Сыченко, ЕСПЧ указал: «работники обязаны соблюдать лояльность по отношению к своим работодателям, проявлять сдержанность и осмотрительность. Судьи при выражении своего мнения должны делать это «со сдержанностью и соблюдением правил приличия». Исследование обстоятельств дела убедило Суд в том, что заявитель имела основания для выступления с критикой в адрес председателя суда. Было отмечено, что в своем выступлении, которое впоследствии стало основанием для увольнения, заявитель подняла крайне важный вопрос, составляющий интерес для общества, и этому вопросу в демократическом обществе надлежит быть открытым для свободного обсуждения. Согласно практике Европейского суда политические выступления

¹⁵⁰ Там же.

пользуются большей защитой на основании ст. 10 Конвенции. В связи с этим выступление заявительницы было оценено как добросовестный комментарий по вопросам высокой общественной значимости. Европейский суд по правам человека решил, что порядок наложения на заявительницу дисциплинарного взыскания не обеспечил важные процессуальные гарантии, поскольку было отказано в перенесении рассмотрения дела в другой суд. Кроме того, увольнение было посчитано Судом несоразмерно суровым взысканием. Было отмечено, что такое наказание, несомненно, может служить препятствием для других судей в будущем – под страхом лишиться должности судьи – выступать с заявлениями, содержащими критику государственных учреждений или политики. На этих основаниях Суд решил, что национальные власти не соблюли правильный баланс между необходимостью защитить авторитет судебной власти, репутацию или права других лиц, с одной стороны, а с другой – защитить право заявительницы на свободу выражения мнения»¹⁵¹.

В анализируемом Решении ЕСПЧ 2015 г. отмечено: «по вопросу приемлемости жалобы № 28727/11 «Ольга Борисовна Кудешкина (Olga Borisovna Kudeshkina) против Российской Федерации» (№ 2) по делу обжалуется жалоба заявительницы со ссылкой на Постановление Европейского Суда от 26 февраля 2009 г. на возобновление разбирательства по поводу лишения ее полномочий судьи по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и передачу дела в Верховный Суд Российской Федерации на новое рассмотрение, в чем ей было отказано. Жалоба объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу»¹⁵².

Европейский Суд, в который Кудешкина О.Б. была вынуждена обратиться повторно, обратил внимание на то, как пишет Е.В. Сыченко, «что

¹⁵¹ Сыченко Е.В. Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России – 2 // Международное право и международные организации. 2015. № 2. С. 192–198.

¹⁵² Решение Европейского суда по правам человека от 17 февраля 2015 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 28727/11 «Ольга Борисовна Кудешкина (Olga Borisovna Kudeshkina) против Российской Федерации» (№ 2) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 5(155).

правило о необходимости обеспечения *restitutio in integrum* (восстановление состояния, существовавшего до нарушения права) применимо к данному делу, поскольку Правительство России не доказало обратного (пар. 74). Отказывая Кудешкиной О.Б. в пересмотре решения, Московский городской суд отметил, что решением Европейского Суда не были установлены нарушения процессуальных гарантий, предусмотренных ст. 6 Европейской конвенции, что означает отсутствие необходимости пересмотра решения. Видимо, в ответ на данный аргумент Европейский суд в новом решении по делу Кудешкиной отметил, что пересмотр решения может являться одной из наиболее эффективных, если не единственной, мерой достижения полного восстановления прав заявителя, что в равной мере распространяется на все дела, в которых были найдены нарушения Конвенции, вне зависимости от установления нарушения права на справедливый суд (пар. 75). Суд отметил, что пересмотр решения позволил бы устранить отмеченные Европейским судом процедурные нарушения, хотя и не обозначенные в резолютивной части (пар. 77)»¹⁵³.

Как отмечает указанный автор, российское Правительство «утверждало, что пересмотр дела не означал бы гарантию восстановления заявителя в должности судьи (пар. 33). Суд не стал отвечать на данный аргумент, но выразил позицию о том, что даже в случае оставления в силе решения об увольнении Правительство может найти иной метод восстановления прав заявителя (пар. 78). Было отмечено, что Российская Федерация пользуется широкой степенью усмотрения при выборе необходимых инструментов и процедур для восстановления прав заявителя. Основанием для отказа в рассмотрении заявления Кудешкиной О.Б. о невыполнении решения Европейского Суда по правам человека Россией стало отсутствие новых фактов, не исследованных в первом деле. Кроме того, было отмечено, что

¹⁵³ Сыченко Е.В. Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России - 2 //Международное право и международные организации. 2015. № 2. С. 192 - 198.

жалобы на исполнение решения следует подавать через Комитет министров на основании ст. 46 Конвенции. Суд придал особую значимость тому факту, что производство в Комитете министров по исполнению решения по делу «Кудешкина против России – 1» еще не закончено. В противном случае Суд мог, следуя традиции, намеченной в деле «VgT (No. 2) v. Switzerland», рассмотреть неисполнение решения как новое обстоятельство и принять заявление к рассмотрению по существу»¹⁵⁴.

Нам представляется, что любые императивные утверждения о наличии «глобальных» пороков в организации судебной власти, «несовершенстве» национальной судебной системы лишь усиливают анализируемые разногласия и противоречия.

Вместе с тем, в юридической литературе можно обнаружить заявления о том, что анализируемое решение ЕСПЧ (жалоба Кудешкина против Российской Федерации) выявляет «*пороки*»¹⁵⁵ [выд. Т.Э.] в российской судебной системе. К числу таковых относятся:

- пересмотр дела судебной инстанцией, которая априори не может быть объективной и беспристрастной;
- имеет место чрезмерная «дискреция» российских судов, которая «ни в коей мере не была предсказуема»¹⁵⁶.

На таких основаниях делаются вывод о том, что в современных условиях порядок пересмотра дел в России в связи с вынесением постановления Европейского суда определен якобы так, что дает российским судебным органам право игнорировать акты Суда по правам человека «*restitutio in integrum*»¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Сыченко Е.В. Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России – 2 // Международное право и международные организации. 2015. №3. С. 192–198.

¹⁵⁵ См. подробнее: Воскобитова М.Р. *Restitutio in integrum*: препятствия на пути у заявителя, выигравшего в Европейском суде по правам человека // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 5. С. 143–145.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

Мы не можем согласиться с указанной позицией, ибо она способствует усилению коллизий в анализируемой нами сфере общественных отношений. В этом контексте более корректными представляются нам утверждения Е.В. Сыченко о том, что «исполнение решений затрагивает наиболее проблемную зону Конвенции – соотношение полномочий Европейского суда с национальным суверенитетом государств – участников Совета Европы. Согласно Конвенции Европейский суд может назначить выплату справедливой компенсации потерпевшей стороне, требование принятия общих и индивидуальных мер было развито в практике Суда. Комитет министров не имеет полномочий назначать конкретную меру восстановления прав заявителя, если она не указана самом решении. Именно поэтому Европейский суд многократно подчеркивал, в том числе, в решении по делу Кудешкиной – 2 пересмотра решения национального суда. Посредством пересмотра дела национальные власти могут устранить ошибки, указанные Европейским судом, и самостоятельно определить меры восстановления права. Интересно отметить в заключение, что в деле об увольнении судьи Украинского Верховного суда, рассмотренном в 2013 году, Европейский суд прямо указал, что Правительство должно обеспечить восстановление заявителя в должности. Возможно, что беспрецедентная конкретизация меры восстановления прав заявителя в споре об увольнении стала своего рода ответом Европейского суда на сложности исполнения решения по делу Кудешкиной О.Б.»¹⁵⁸.

Еще более интересной и в целом способствующей минимизации анализируемых в настоящем исследовании коллизий является позиция, согласно которой акты Суда по правам человека, разумеется, должны исполняться государством – участником анализируемого европейского конвенционного соглашения. Однако авторов вводят в научный оборот термин «пилотные» акты ЕСПЧ, понимая под ними решения, в которых излагается

¹⁵⁸ Сыченко Е.В. Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России – 2 // Международное право и международные организации. 2015. № 2. С. 192–198.

императивное требование изменить не только национальное законодательство, но и Основной закон страны¹⁵⁹.

Думается, С.В. Будылин прав в том, что процедура реализации таких «пилотных» «проектов» ЕСПЧ не может не базироваться на диспозитивных началах, т.е. должна каждой страной определяться индивидуально¹⁶⁰.

Вынесение ЕСПЧ акта, предполагающего, в конечном счете, необходимость изменения основ конституционного строя суверенного государства не может быть тождественным «автоматической недействительности» норм Основного закона. Мы готовы согласиться с тем, что многие страны–участницы Конвенции добровольно исполняют взятые на себя обязанности в части реализации актов ЕСПЧ, в том числе и так называемые пилотные решения¹⁶¹.

Однако, безусловно, окончательное разрешение вопроса о готовности идти на такой шаг, как изменение основ конституционного строя, должно быть исключительное прерогативой суверенного государства.

Можно употреблять различные термины (в том, числе понятие «пилотные» акты ЕСПЧ) в отношении тех его решений, которые создают коллизии между российской Конституцией и актами этого Суда. Однако нам представляется, что в этом случае нельзя исключить и возможность применения такой категории, как «акт ЕСПЧ, вынесенный с нарушением компетенционных полномочий наднациональной судебной инстанции».

Так, как уже отмечалось, требование изменить (а фактически принять новую) российскую Конституцию имело место по делу «Анчугов и Гладков против России». ЕСПЧ полностью проигнорировал аргументы российской стороны не просто о сложности, а о фактической невозможности трансформации конституционных норм, содержащихся во второй главе

¹⁵⁹ См. подробнее: Будылин С.В. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12. С. 64–80.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

российской Конституции¹⁶².

Было бы логичным предположить, что судьи ЕСПЧ перед вынесением такого, по меньшей мере, «спорного» решения задались бы вопросами о том, что обуславливает силу и авторитет их решений? Очевидно, что это нормы российского Основного закона (ч. 4 ст. 15), которые они фактически требуют «аннулировать». Или это мог бы быть вопрос о том, в силу каких причин Россия стабильно развивается как правовое государство и, несмотря на все сложности в отношениях с рядом европейских государств, являлась и продолжается оставаться участником анализируемого конвенционного соглашения.

По нашему мнению, российская Конституция является не просто актом высшей юридической силы, но тем священным документом, на котором базируются правовые основы формирования новой российской государственности, которая открыта для сотрудничества и уважает нормы международного права. Наглядным примером этого является признание Россией нератифицированного Протокола № 6 к Европейской Конвенции частью национальной правовой системы и основанием для констатации невозможности применения в нашей стране смертной казни. В этом случае также возникла коллизия между нормами Конституции, допускающей применение смертной казни и нормами международного права, запрещающими ее применение к гражданскому населению в условиях мирного времени. В акте федерального органа конституционного контроля данная коллизия была разрешена в пользу нормы, создающей большие гарантии для обеспечения важнейшего права человека – права на жизнь, т.е. нормам европейского конвенционного права¹⁶³.

¹⁶² См. подробнее: Юсубов Э.С., Макарецев А.А. Содержание и организационно-правовые проблемы реализации принципа свободных выборов (по материалам Европейского суда по правам человека) // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 18–22.

¹⁶³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части 3 статьи 42 Уголовно-процессуального

Мы убеждены, что аналогичным образом могли бы быть разрешены и некоторые коллизии между нормами российской Конституции и актами ЕСПЧ, т.е. в пользу признания их приоритета, большей юридической силы, но при соблюдении двух условий:

– если при этом на Россию не возлагается неприемлемое обязательство изменить нормы Основного закона;

– если акт ЕСПЧ направлен на обеспечение прав российских граждан, а не на умаление национального суверенитета и конституционных ценностей, как это имело место практически во всех проанализированных нами выше случаях.

Мы разделяем позицию тех конституционалистов, которые подчеркивают, что конституционный текст не должен трансформироваться даже по требованию наднациональных судебных органов по защите прав и свобод человека. Своеобразным «арбитром» в случае возникновения соответствующих коллизий может выступить федеральный орган конституционного контроля, который выступит в этом случае «связующим элементом» между нормами европейского и национального права¹⁶⁴.

Конституционный Суд России, разумеется, не может игнорировать правовые позиции Суда по правам человека, но лишь при обязательном условии их соответствия российскому Основному закону; иной подход непременно обусловит создание угроз и конституционному строю страны, и уровню защищенности в ней прав и свобод человека и гражданина.

В целом, по мнению, исследователей, «представляет не столько вопрос о разрешении конфликта норм Конвенции и национального права, включая Конституцию в смысле установления того, какая норма имеет приоритет,

кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1.2010.

¹⁶⁴ См. подробнее: Карасев Р.Е. Конституционный Суд Российской Федерации: взаимосвязь и взаимодействие с Европейским судом по правам человека // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 62–66.

сколько вопрос о путях преодоления *конфликта норм национального и международного права* [выд. – Т.Э.]»¹⁶⁵.

Его сущность заключается в том, что конкретное государство применяет национальные суверенные компетенции (в той или степени добровольности или принудительности) в целях трансформации как соответствующих нормативных правовых актов, так и практики правоприменения с учетом взятых обязательств и ограничений, вытекающих из признаваемых им международных договоров. Неисполнение такого рода обязательств предполагает выход страны из того или иного соглашения¹⁶⁶.

Такого рода вариант развития события, по нашему мнению, является деструктивным как в части развития конституционных механизмов обеспечения прав и свобод человека, так и механизма разрешения коллизий, имеющих место между положениями российской Конституции и актами страсбургского Суда.

Такие коллизии, можно либо минимизировать либо преодолеть вовсе, используя ресурсы федерального органа конституционного контроля.

В этом плане небезынтесной представляется позиция, согласно которой «принимаемые во исполнение решений Европейского Суда по правам человека меры не всегда носят комплексный характер и, таким образом, не приводят к устранению всех причин, влекущих нарушение Конвенции о защите прав и основных свобод. Например, проблема неисполнения решений судебных органов, вызывающая наибольшее количество обращений в Европейский Суд, обусловлена совокупностью следующих факторов: несовершенство бюджетных процедур, вследствие которых органы, обязанные осуществлять выплаты по судебным решениям, не имеют в своем распоряжении необходимых для этого средств; отсутствие законодательных механизмов, которые обеспечивали бы истцу взыскание средств из бюджета. Следует также отметить, что к

¹⁶⁵ См. подробнее: Будылин С.В. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12. С. 64–80.

¹⁶⁶ Там же.

настоящему моменту в России не созданы все условия, необходимые для принятия индивидуальных мер, необходимых для исполнения решений Европейского суда по правам человека. Возможность пересмотра решений национальных судебных органов в связи с вынесением решения Европейского суда по правам человека предусмотрена только в уголовном и арбитражном судопроизводстве. В рамках гражданского и административного производства такая возможность законами не установлена»¹⁶⁷.

Изложенное дает нам основания утверждать, что в целом имеет место мнимый характер коллизий между нормами Конституции России и Конвенции. Мы убеждены что выход из соответствующего международного соглашения не является конструктивным вариантом разрешения этой проблемы, которая может быть преодолена (уменьшен ее негативный характер) путем использования ресурсов российского федерального органа конституционного контроля, обосновавшего безусловный примат Конституции России перед теми международными нормами и судебными актами, которые требуют ее изменения или применения не в национальных интересах.

2.2. Перспективы разрешения конституционных коллизий наднациональными судебными инстанциями

В предыдущем параграфе диссертационного исследования мы попытались обосновать утверждение о перспективности активизации механизмов защиты прав индивида, в том числе на основе минимизации коллизии Конституции России и актов и правовых позиций наднациональных судебных инстанций.

Безусловно, соотношение позиций федерального органа конституционного контроля и наднациональных судов, в частности,

¹⁶⁷ Шуберт Т.Э. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в национальное законодательство // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 136–143.

Европейского Суда по правам человека не следует подвергать исследованию в контексте их понимания и характеристики как антагонистических институтов, имманентно призванных конкурировать друг с другом. Напротив, позитивные перспективы механизма разрешения коллизий между Основным законом России и актами ЕСПЧ мы связываем с развитием взаимодействия вышеуказанных структур, в их согласованной политике по достижению общей цели, связанной с обеспечением прав индивида¹⁶⁸.

В любом случае требования ЕСПЧ по трансформации основ конституционного строя любого суверенного государства является процессом, который либо чрезвычайно труден, либо фактически неосуществим. Таким образом, «перед высшими судами стран-участниц стоит непростая задача истолкования национального законодательства, в том числе конституции, в соответствии с требованиями и практикой Европейский Суда по правам человека, но и не в ущерб национальным интересам. Сказанное выше о непростых задачах в полной мере относится и к России и ее высшим судам, прежде всего Конституционному Суду Российской Федерации по таким делам, как дела Маркина и Анчугова-Гладкова. Представляется, что выход из Конвенции не является разумной альтернативой для России, даже если решения Европейского Суда по правам человека в данных делах для России неприятны. Соответственно, необходимо принимать меры по изменению законодательства или его интерпретации в гармонии с международными обязательствами России»¹⁶⁹.

Значимость подобного рода проблем всегда подчеркивал Председатель российского федерального органа конституционного контроля, когда констатировал необходимость совершенствования механизмов разрешения коллизионной проблематики, обусловленной противоречиями Основного закона России и актами Суда по правам человека; он отмечал, что: «ч. 3 ст. 46

¹⁶⁸ См. подробнее: Будылин С.В. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12. С. 64–80.

¹⁶⁹ Там же.

Конституции России, устанавливающая право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, действует практически наполовину, поскольку Европейский суд не признает в качестве эффективных средств правовой защиты рассмотрение дел в высшем судебном органе ни в судах общей юрисдикции, ни в арбитражных судах. Фактически дело, рассмотренное в судах общей юрисдикции, сразу после кассационной инстанции в областном или приравненном к нему суде попадает в Европейский суд, таким образом, отсекается та верхушка пирамиды судебной власти, за которой и должно оставаться последнее, решающее слово»¹⁷⁰.

Российская Конституция характеризует принципы и нормы международного права, отвечающие критериям общепризнанности, как часть национальной правовой системы. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться... Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. ст. 26 - 27 Конвенции)¹⁷¹.

«Включение норм международного права в правовую систему России, – как отмечали десять лет назад исследователи, – стало необходимостью, так как «большинство общепризнанных норм международного права и международных договоров реально могут быть обеспечены и реализованы исключительно через систему органов государственной власти и управления»¹⁷². Международное право регулирует отношения, возникающие между основными субъектами международного права, то есть государствами и международными межправительственными организациями, обладающими международной

¹⁷⁰ Зорькин В.Д. День Конституции // ЭЖ-Юрист. 2008. № 49.

¹⁷¹ Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1986. № 37. Ст. 772.

¹⁷² См.: Зиненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции: справочное пособие. М., 2005. С. 9.

правосубъектностью согласно их учредительным документам¹⁷³. Поэтому государственные органы при разрешении дел с участием физических и юридических лиц вправе в своей деятельности руководствоваться нормами международного права только в том случае, когда их к этому обязывает национальное законодательство.

В юридической литературе высказывалось мнение о том, что Конституция Российской Федерации «не говорит о преимущественном применении общепризнанных принципов и норм международного права перед национальными нормами в случае коллизии. Однако Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» фактически определил равную юридическую силу договорных и обычных норм, ибо «международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы», – говорится в его преамбуле¹⁷⁴. Поэтому российский правоприменитель вправе ссылаться на эти положения в процессе обеспечения прав и свобод человека и гражданина даже при отсутствии таких правоустановлений во внутригосударственном законодательстве, а также в случае противоречия международных норм и российского законодательства»¹⁷⁵.

Впрочем, Конституция Российской Федерации не содержит непосредственных указаний на то, что абсолютно все принципы и нормы международного права носят приоритетный по отношению к праву национальному характер; соответственно, некоторые исследователи замечали, что даже и «общепризнанные» нормы права международного не имеют

¹⁷³ См.: Международное право // Под ред. В.И. Кузнецова. М., 2001. С. 49–51; Черниченко С.В. Теория международного права. М., 1999. Т. 2. С. 171.

¹⁷⁴ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

¹⁷⁵ См.: Амирова М.А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право. М., 2006. № 4. С. 23.

исключительного приоритета по сравнению с юридической силой национальных нормативных правовых актов¹⁷⁶.

Имеют место и другие научные позиции, суть которых в том, что при расхождении нормативного правового документа с международным договором, который Россия ратифицировала, либо с принципами и нормами международного права, которые отвечают критерию «общеизвестности», нужно отдавать предпочтение последним¹⁷⁷.

Такого рода принципы, нормы права международного (т.е. общеизвестные) и ратифицированные Россией международные соглашения, договоры России, как отмечал О.И. Тиунов, носят приоритетный по отношению к национальному законодательству характер (если возникло противоречие международных норм и нормативных правовых актов конкретного государства¹⁷⁸.

Б.Л. Зимненко констатировал: «государственные и муниципальные органы, включая суды, в своей деятельности должны исходить из того, что нормы общего международного права обладают равным статусом и силой с договорными нормами. В случае возникновения коллизии между общеизвестной нормой и правилом, предусмотренным в законе, приоритет в применении должен быть отдан общеизвестной норме международного права. Представляется, что такое понимание места общеизвестных принципов и норм международного права в правовой системе России не нарушит основ функционирования международной нормативной системы»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ См. подробнее: Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда Российской Федерации // Гос. и право. № 11.1995. С. 123.

¹⁷⁷ См., напр. подробнее: Комментарий к Конституции Российской Федерации // Под ред. проф. Л.А. Окунькова. М., 1996; Хлестов О.Н. Международное право и Российская Федерация // Московский журнал международного права. М., 1994. № 4. С. 55.

¹⁷⁸ Тиунов О.Н. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. М., 1995. С. 181.

¹⁷⁹ Зимненко Б.Л. Международное право и российское право: их соотношение // Московский журнал международного права. М., 2000. № 3. С. 167.

На практике российский правоприменитель использует национальные нормативные правовые акты, соответствующие принятым Россией обязательствам перед международным сообществом, или же определенные соглашения с конкретной страной (по конкретной проблематике)¹⁸⁰.

В Постановлении Пленума высшей российской судебной инстанции в 2003 г. была осуществлена попытка дать разъяснения относительно сущности природы принципов и норм международного права, отвечающих критериям «общеизвестности»; под таковыми было предложено понимать положения международного права, носящие императивный характер, которые, как отдельная страна, так и совокупность суверенных государств в рамках международного сообщества признает безусловно обязательными для исполнения¹⁸¹.

В частности, к числу таковых предлагалось относить такие постулаты, как всеобщее уважение прав индивида, корректное и безусловное исполнение обязательств, вытекающих из международных соглашений и др. Заметим, что в Венской конвенции (о праве международных договоров) в ст. 53 указано, что «императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»¹⁸².

В чем же заключается различие между принципом и нормой, носящими «общеизвестный характер»? По мнению М.А. Амировой оно (в контексте вышеуказанных разъяснений высшей российской судебной инстанции) состоит

¹⁸⁰ См. подробнее: Пунжин С.М. Требования к имплементационному законодательству в Конвенции о запрещении химического оружия и их реализация на практике // Московский журнал международного права. М., 1997. № 1. С. 80.

¹⁸¹ См. подробнее: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. М., 2003. № 12.

в том, что принцип носит характер «абсолютного императива», а вот он общепризнанной нормы можно допустить определенное отклонение¹⁸³. Такое разъяснение не способствует, по ее мнению, тому, что суды могут четко разграничивать эти категории в своей правоприменительной деятельности¹⁸⁴.

К анализируемым вопросам обращался и Конституционный Суд Российской Федерации. Так, при рассмотрении обращения о конституционности еще законодательства Союза ССР, регламентирующего порядок разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов), федеральный орган конституционного контроля отметил, что ограничение соответствующих прав (например, на забастовку) соответствует принципам и нормам международного права, отвечающим критериям «общепризнанности»; если руководствоваться нормами такого документа, как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, то такой запрет носит допустимый характер (при условии их обусловленности вхождения бастующих в состав вооруженных сил, полиции и администрации конкретной страны, либо требованиями национальной безопасности, общественного порядка, недопустимости умаления прав других индивидов¹⁸⁵.

При разрешении другого дела Конституционный Суд России отметил, что международное право (Международный пакт о гражданских и политических правах, Протокол № 4 к анализируемому европейскому

¹⁸² Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1986. № 37. Ст. 772

¹⁸³ См. подробнее: Амирова М.А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право М., 2006. № 4. С. 23.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ См. подробнее: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 1995 г. «По делу о проверке конституционности ст. 12 Закона СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации» // Вестник Конституционного Суда. М., 1995. № 2,3. Ст. 45.

конвенционному соглашению и др.) гарантирует постулаты выбора места жительства, свободы передвижения¹⁸⁶.

Некоторыми авторами высказывалось мнение о том, что в актах органа конституционного контроля отсутствует определение института общепризнанных принципов и норм международного права¹⁸⁷. Действительно, федеральный орган конституционного контроля лишь отметил, что «как по буквальному смыслу ст. 22 и 46 Конституции Российской Федерации, так и по смыслу, вытекающему из взаимосвязи этих статей с другими положениями главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права, право на свободу и личную неприкосновенность и право на судебную защиту являются личными неотчуждаемыми правами каждого человека, вне зависимости от наличия у него гражданства какого-либо государства, и, следовательно, должны гарантироваться иностранным гражданам и лицам без гражданства наравне с гражданами Российской Федерации»¹⁸⁸.

Для аргументации своих выводов и суждений российский федеральный орган конституционного контроля обратился к тесту таких документов как:

- Всеобщая декларация прав человека 1948 г.;
- Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.

На основе их анализа этим Судом было обнаружено и обосновано существование коллизии между законодательством, регламентирующим статус

¹⁸⁶ См. подробнее: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 1996 г. «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда. М., 1996. №16. Ст. 29.

¹⁸⁷ См., напр.: Амирова М.А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право. М., 2006. № 4. С. 23.

¹⁸⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 31 Закона СССР от 24 июня 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура // СЗ РФ. 1998. № 9. Ст. 1142.

иностранных граждан и нормами Конституции, а также принципами и нормами международного права, имеющими общепризнанный характер.

Впрочем, нетрудно заметить, что и в «базисных» международных соглашениях также нет сколько-нибудь четкой характеристики анализируемых принципов и норм. Обратимся для получения необходимых аргументов к такому акту, как Декларация о принципах международного права, которая была принята в 1970 г. (Генеральной Ассамблеей ООН); там искомое определение также отсутствует, хотя уточняется, что все страны должны исполнять «свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права... каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права»¹⁸⁹.

Очевидно, что с учетом тематики диссертационного исследования для нас представляют научный интерес акт судебных органов, в которых анализировалась коллизионная проблематика. К ним, в частности обращался Международный Суд¹⁹⁰. После изучения жалобы Никарагуа, заявившей претензии в адрес США (относительно ее помощи незаконным вооруженным объединениям, действующим против этой страны), суд обнаружил в соответствующих соглашениях так называемые оговорки, которые сделаны США и обуславливают невозможность применения договорных норм к этой стране. Однако, Международный Суд по этому делу без особого успеха попытался определить наличие «общепризнанных» принципов или норм, приемлемых для этого казуса.

Безусловно, такого рода принципы, нормы международного права должны единообразно применяться в правовых системах, что следует как из текста Венской конвенции (о праве международных договоров), так и из

¹⁸⁹ Устав Организации Объединенных Наций, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г. // СПС Консультант плюс.

Конвенции (о защите прав человека и основных свобод), участницей которых является Российская Федерация¹⁹¹. Отсутствие единообразного применения правовых норм судебными органами государства нарушает требование «правовой определенности», являющейся одним из основополагающих принципов Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Причем требование «правовой определенности» распространяется в отношении не только национального законодательства, но и норм международного права, ставших частью правовой системы государства»¹⁹².

Однако, изучение актов, вынесенных, в частности, Европейским Судом по правам человека только в 2015–2016 гг. обуславливает вывод об отсутствии следования постулату «определенности правового свойства» и, напротив, о формировании противоречий между российской Конституцией и его правовыми позициями. Как уже отмечалось, ЕСПЧ пытается ограничить сферу применения Основного закона (ч. 3 ст. 55: «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»), ибо фактически в отношении ряда стран находит баланс в разумном ограничении, в частности, прав лиц, подвергнутых уголовному преследованию, но в отношении России по непонятным причинам игнорирует этот принцип. Анализ дела «Кудешкина против России», которое в 2015 г. «трансформировалось» в «дело Кудешкина номер два» выявило коллизию между национальными нормами конституционного права о высоком и вместе с тем особом статусе судей и пониманием ЕСПЧ «права на свободу слова».

¹⁹⁰ Military and para-military activities in and against Nicaragua. International Court of Justice Reports. 1986. P. 92–108.

¹⁹¹ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁹² См., напр., Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. М., 2002. С. 86–101.

Вместе с тем, с конца 2015 г. Конституционный Суд Российской Федерации законодательно наделен полномочиями по рассмотрению дел о возможности исполнения решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека¹⁹³.

Впервые российский федеральный орган конституционного контроля реализовал данные полномочия на практике, приняв Постановление от 19 апреля 2016 года № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации акта страсбургского Суда 2013 г. в отношении дела «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации¹⁹⁴.

Как пишет Д.В. Красиков, «в ходе рассмотрения данного дела Конституционный Суд столкнулся с непростой задачей, в центре которой оказался поиск пути согласования требований, исходящих от Европейского суда по правам человека и основанных на его толковании статьи 3 Протокола № 1 к европейскому конвенционному соглашению 1950 г., с требованиями статьи 32 (ч. 3) Основного закона Российской Федерации, которая в ее буквальном понимании исключает возможность наделения избирательными правами лиц, лишенных свободы по приговору суда. В итоге резолютивная часть Постановления от 19 апреля 2016 года № 12-П содержит как выводы Конституционного Суда России о невозможности исполнения соответствующего постановления Европейского суда по правам человека в отношении мер индивидуального характера и в определенной части общих мер, так и вывод о признании его исполнения возможным и реализуемым в той

¹⁹³ См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

¹⁹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2016.

мере, в какой это согласуется со статьей 32 (ч. 3) Конституции в ее истолковании Судом»¹⁹⁵.

Кроме того, перспективы разрешения коллизий, которые возникают в отношении норм Основного закона России и актами ЕСПЧ мы, безусловно, связываем с развитием соответствующих теоретических основ конституционного права. Так, И.А. Стародубцева полагает возможным выделить «конституционную презумпцию правового регулирования механизмов предотвращения и устранения нарушений Конституции Российской Федерации как косвенно закрепленное в конституционных нормах предположение о том, что для обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов требуется системное правовое регулирование сферы воздействия на юридические коллизии путем формирования коллизионного права. Данную презумпцию можно охарактеризовать как правовую (вытекает из положений Конституции Российской Федерации), косвенно закрепленную в Конституции Российской Федерации, являющуюся базовой для формирования коллизионного права как комплексной отрасли права. Указанная конституционная презумпция вытекает из следующих конституционных норм: а) верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов; б) соотношение юридической силы нормативных правовых актов; в) обеспечение соответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации и федеральным законам как предмет совместного ведения. Указанные нормы во взаимосвязи позволяют предположить необходимость системного правового регулирования механизмов предотвращения и устранения нарушений Конституции Российской Федерации в виде коллизий,

¹⁹⁵ Красиков Д.В. Конвенционно-конституционные коллизии и иллюзии: что лежит в основе «возражения» Конституционного Суда России в адрес Европейского суда по правам человека? // Международное правосудие. 2016. № 3. С. 101–117.

пробелов, недостаточно эффективного правоприменения, для чего предлагается формирование коллизионного права»¹⁹⁶.

Важно отметить, что этот ученый не без оснований выделяет коллизионные отношения как разновидность конституционных правоотношений, т.е. как «урегулированные нормами конституционного права общественные отношения, содержанием которых является юридическая связь между субъектами в форме взаимных прав и обязанностей, направленных на предотвращение, выявление и разрешение конституционно-правовых коллизий»¹⁹⁷.

Можно в полном объеме разделить мнение И.А. Стародубцевой о том, что «роль международных организаций в современном мире сложно переоценить, но не стоит забывать о том, что лишь государства являются носителем суверенитета, который не должен нарушаться ни самостоятельными суверенными государствами, ни посредством деятельности международных организаций. Именно суверенитет государств, к признанию которого мировое сообщество шло столетия, является залогом международной безопасности и стабильности. Международные организации не могут определять развитие международных отношений, поскольку данная функция противоречит их правовой природе как площадки для выработки подходов к решению международных разногласий, принятие которых остается актом доброй воли каждого самостоятельного субъекта международного права»¹⁹⁸.

Коллизионной проблематике уделяют значительное внимание и другие авторы, когда пишут, что «текущая юридическая ситуации, характеризуемая выводами Европейского Суда по правам человека по делам «Херст» и «Анчугов и Гладков», позицией Конституционного Суда России и опытом

¹⁹⁶ Стародубцева И.А. Конституционные основы формирования коллизионного права как комплексной отрасли // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 11–15.

¹⁹⁷ Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционных правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 15–19.

¹⁹⁸ Виноградова П.А. Порядок разрешения коллизий конституционного и конвенционного толкования // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 30–33.

зарубежных стран дает основания полагать, что коллизия между «страсбургской» и «национальной» системами защиты прав человека – явление возможное и встречающееся на практике, но в весьма в редких случаях. В этой связи позиция Конституционного Суда для этих редчайших случаев звучит взвешенно и обоснованно. Конституционный Суд стоит на страже интересов Конституции, как бы не были убедительны доводы страсбургского правосудия¹⁹⁹.

Однако, приведенный в настоящем исследовании анализ актов Европейского Суда по правам человека показывает, что коллизии между его позициями и позициями Конституционного Суда России не носят характер «редчайших случаев».

Соответственно, можно констатировать, что радикальный вариант разрешения анализируемых коллизий мог бы (гипотетически) состоять в отказе России от участия в Конвенции о защите прав и основных свобод. Вместе с тем, такой сценарий развития анализируемого конституционного механизма носит ярко выраженный деструктивный характер в силу достаточно очевидных причин (прежде всего, в связи с умалением возможности использовать факультативные и, хочется надеяться, более действенные судебные процедуры, направленные на обеспечение прав индивида).

2.3. Коллизии в актах международных союзов: конституционно-правовые аспекты проблематики

В диссертационном исследовании мы уже констатировали наличие спорных тенденций в развитии международного права, в том числе связанных с «регионализацией», формированием соответствующих союзов, блоков, придерживающихся «собственных» межнациональных соглашений.

¹⁹⁹ Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 42–48.

Нас интересует вопрос, в каком направлении эта тенденция может быть использована для достижения целей диссертационного исследования, т.е. для изучения теории конституционализма в контексте проблем коллизии Конституции России и актов Европейского Суда по правам человека, а также для формирования теоретических выводов по совершенствованию конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией России и актами ЕСПЧ.

Прежде всего отметим, что в отдаленной перспективе развитие правовых систем таких союзов, как ЕАЭС, БРИКС, ШОС, может обусловить появление в них наднациональных судебных органов, авторитет которых в части обеспечения прав индивида будет сопоставим с положением ЕСПЧ. Если предположить (такое предположение, на наш взгляд, носит более чем реалистичный характер), что между российским конституционным текстом и правовыми позициями этого Суда по-прежнему будут возникать коллизии, то нельзя исключить все же нежелательный, но действенный вариант принципиального и окончательного разрешения этой проблемы.

В какой мере подобного рода предположения разделяются конституционалистами и в целом представителями юридического сообщества?

В настоящее время одним из перспективных международных объединений, в котором активно участвует Россия, является Евразийский экономический союз²⁰⁰, который характеризуют как общность правового и экономического пространства²⁰¹.

В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе, как известно, существует Суд Евразийского экономического сообщества (правопреемник Суда ЕврАзЭС)²⁰². Исследователи пишут: «утверждение, что

²⁰⁰. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.01.2015.

²⁰¹ См. подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107.

²⁰² Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 502 (с изм. от

Суд ЕАЭС будет связан с Судом ЕврАзЭС, основывается и на том факте, что только последний вправе рассматривать споры, вытекающие из вопросов, относящихся к компетенции ТС и ЕЭП. Более того, судебный орган и состоялся лишь как Суд ТС и ЕЭП, так как Таджикистан и Кыргызстан отказались от участия в этом Суде (Кыргызстан не направил судей, а Таджикистан не ратифицировал Договор от 10 декабря 2000 г.)»²⁰³.

Кроме того, следует учитывать, что этот «наднациональный суд носит региональный характер и призван следить, чтобы в тех нормах, которые появляются в национальном и наднациональном праве, не искажались цели интеграции и не нарушались основные права хозяйствующих субъектов. Основные правила создаются в наднациональном органе – Евразийской экономической комиссии. Наднациональный орган также состоит из людей, которые могут ошибаться, что приводит к отступлению от задач и целей интеграции. В нашем случае такой целью выступает создание объединенной экономики»²⁰⁴.

Объективность научного исследования требует обратиться и критическим высказываниям в отношении перспектив этого Суда, который, по мнению некоторых авторов, с одной стороны, способен активно участвовать в процессах интеграционного характера на основе вынесения соответствующих актов, однако «создание международно-правового судебного акта

10.10.2011) «О новой редакции Статута Суда Евразийского экономического сообщества, утвержденного Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 апреля 2003 года № 122, и проекте Протокола о внесении изменений в Соглашение между Содружеством Независимых Государств и Евразийским экономическим сообществом о выполнении Экономическим Судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества от 3 марта 2004 года» // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. спец. выпуск 2012–2014; Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 9 декабря 2010 г. № 534 «О Договоре об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним». (Подписан в г. Москве 09.12.2010 г.). // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества; спец. выпуск 2012 - 2014.

²⁰³ Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда // Под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015. 304 с. С. 33.

²⁰⁴ Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 243 - 248.

толковательного характера займет длительный отрезок времени и потребует выработки своей собственной модели международно-правового судебного решения, как в отношении споров, так и в отношении толкований. Иными словами, Суду потребуется время для превращения ремесленника в мастера, равно как и интеграционные институты нового Союза лишь по истечении первоначального периода становления выработают свои собственные методы, способы и механизмы наднационализма во имя эффективной экономической системы»²⁰⁵.

Вместе с тем, в перспективе нельзя исключить, что этот орган будет выполнять миссию разрешения коллизий между правом ЕАЭС и международным правом, ибо «наднационализм закреплен в судебных решениях, заложены подходы к иерархии международно-правовых норм, закреплен дуалистический метод правового регулирования интеграционных отношений, определены основные функции судебного органа, создается идеологический фундамент для правотолковательной деятельности в целях предотвращения межгосударственных споров. Получат ли эти основы развитие в будущем, покажет время, но хочется верить, что все те затраты интеллектуального и нравственного характера, которые выпали на долю первого состава Суда ЕврАзЭС, окажутся востребованными последователями и пользователями их трудов»²⁰⁶.

Кроме того, по мнению, А.С. Исполинова, Суд ЕАЭС, начавший функционировать в начале 2015 г., «относится к международным судам второго поколения наряду с ЕСПЧ и Судом ЕС. Классические суды (например, Международный Суд ООН) рассматривают только межгосударственные споры и только при согласии спорящих сторон, т.е. наделены факультативной юрисдикцией. В отличие от классических международных судов, суды новой волны обладают как обязательной юрисдикцией, так и полномочием

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Нешатаева Т.Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Закон. 2014. № 6. С. 106–119.

рассматривать споры по искам частных лиц. Именно частные лица сегодня представляют собой наиболее активную категорию заявителей в международном правосудии. Они не отягощены соображениями большой политики и более последовательны и настойчивы в судебной защите своих прав, чем государства. Рассмотрение их жалоб является основным (и иногда чуть ли не единственным) направлением деятельности новых международных судов»²⁰⁷.

В целом, небезынтересно, что «сложившаяся ситуация поставила Конституционный Суд Российской Федерации перед необходимостью сформулировать свою позицию по отношению к евразийскому правопорядку в целом и к Суду ЕврАзЭС [здесь и далее название – на момент публикации цит. статьи – Т.Э.] в частности. Первый «предупредительный сигнал» был сделан в акте российского федерального органа конституционного контроля от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова»²⁰⁸, в котором Суд подверг обоснованной критике практику временного применения (до их ратификации) договоров, заключенных в рамках Таможенного Союза (ТС), потребовав для эффективной защиты прав граждан внести соответствующие изменения в закон о международных договорах. Но на этом Конституционный Суд не остановился. Жалобы граждан и юридических лиц, поступающие в Конституционный Суд с просьбой признать положения нормативных актов ТС не соответствующими Конституции Российской Федерации, подвигли Суд начать формулировать свое видение конституционности процесса евразийской интеграции. В спорах с Европейским судом Конституционный Суд РФ

²⁰⁷ Исполинов А.С. Первое решение суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 85–93.

²⁰⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2012.

отстаивал свою позицию, апеллируя к национальным интересам или к национальному суверенитету. Но в спорах в рамках ЕврАзЭС такие аргументы вряд ли будут эффективны, поскольку евразийский интеграционный проект является, безусловно, российской инициативой. Поэтому Конституционный Суд ЕврАзЭС выбрал иную стратегию, заявив о себе как о гаранте конституционных прав граждан Российской Федерации в интеграционных процессах, что дает ему право осуществлять конституционный контроль за применением актов ЕврАзЭС на территории России. Следует отметить, что Конституционный Суд ЕврАзЭС был в некоторой степени вынужден это сделать, столкнувшись с ситуацией, когда некоторые положения Таможенного кодекса Российской Федерации, уже признанные им не соответствующими Конституции России, как нарушающие конституционные права заявителей, вошли практически без изменений в Таможенный кодекс ТС. Суду ничего не оставалось, как отреагировать на эту очевидную попытку игнорирования его авторитета»²⁰⁹.

Теперь обратимся к вопросу о том, обладают ли перспективами содействовать устранению коллизий между российской Конституцией и актами ЕСПЧ судебные органы других международных союзов (подчеркнем, что вопрос ставится в отношении тех из них, в которых Россия принимает активное участие).

Здесь следует отметить, что в соответствии с Договором о функционировании Таможенного союза²¹⁰ в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 г. с даты присоединения любой из сторон к ВТО положения Соглашения ВТО²¹¹, как они определены в Протоколе о присоединении этой стороны к ВТО, включающем обязательства, взятые в

²⁰⁹ Исполинов А.С. Требуется прагматика: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 14–20.

²¹⁰ Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы. Подписан в г. Минске 19 мая 2011 г. // СПС КонсультантПлюс.

²¹¹ Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.07.2012.

качестве условия ее присоединения к ВТО и относящиеся к правоотношениям, полномочия по регулированию которых в рамках Таможенного союза делегированы сторонами органам Таможенного союза, и правоотношениям, урегулированным международными соглашениями, составляющими договорно-правовую базу Таможенного союза, становятся частью правовой системы Таможенного союза²¹².

Следовательно, как утверждают некоторые исследователи, обязательства по п. 620 Доклада рабочей группы по вступлению России в ВТО²¹³ – часть правовой системы Таможенного союза и решения ЕЭК – часть правопорядка Таможенного союза. С другой стороны, механизм решения коллизий между актами, функционирующими в рамках ТС, установлен только в отношении самого Договора о ЕАЭС и международных договоров в рамках Союза²¹⁴.

По мнению исследователей, «особый интерес представляет анализ вопросов, связанных с функционированием Российской Федерации в рамках Всемирной торговой организации и Евразийского экономического союза»²¹⁵.

Представляется, что построение системы и структуры органов, а также правовой базы Евразийского экономического союза основывается на опыте, уже наработанном под эгидой Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза. При этом, как отмечают не только российские, но и зарубежные исследователи, Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана зарекомендовал себя как наиболее успешное интеграционное объединение на постсоветском пространстве. Однако в настоящее время у Таможенного союза и Всемирной торговой организации как международных

²¹² Кадышева О.В. Комментарий по спору России «Антидемпинговые пошлины в отношении легких коммерческих автомобилей из Германии и Италии» // Право ВТО. 2015. № 1. С. 78 - 83.

²¹³ Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. Принят 16.11.2011 - 17.11.2011 // СПС КонсультантПлюс.

²¹⁴ Кадышева О.В. Указ. Соч.

²¹⁵ Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 295 с. С. 9.

организаций регионального и универсального характера отсутствуют четкие правовые механизмы взаимодействия и преодоления правовых коллизий.

Таким образом, участие Российской Федерации в ВТО не ограничивает суверенитет государства, а способствует его реализации, что, в свою очередь, не снимает вопросов о выработке правовых способов по разрешению коллизий между международно-правовыми актами Евразийского экономического союза и ВТО, необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства, более эффективного использования правил и процедур ВТО для защиты национальных интересов²¹⁶.

В целом, для оптимального и сбалансированного развития торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и другими государствами в формате членства в ВТО и участия в Таможенном союзе особо важное значение имеет прогнозирование вариантов (моделей) дальнейшего продвижения интеграции государств на евразийском пространстве в рамках Евразийского экономического союза, которое даст возможность решить следующие задачи, являющиеся наиболее острыми для любой международной организации постсоветского типа, а именно: «выявление коллизионных форм внутри правовой базы самого межгосударственного объединения, а также несоответствие национальных законодательств государств – членов межгосударственного объединения, затрудняющее достижение согласования их воль, а значит, и выработку согласованных позиций за счет разработки и принятия единого международно-правового акта по определенному кругу вопросов»²¹⁷.

Таким образом, в самом общем виде можно сделать вывод о приоритете международных договоров в рамках ЕАЭС над решениями ЕЭК и о заявительном характере разрешения коллизий данных решений договорно-правовым нормам, принятым в рамках ЕАЭС. Иначе говоря, для устранения рассмотренного несоответствия и ему подобных недостаточно констатации

²¹⁶ Там же.

таковых. Обязательным этапом преодоления противоречий будет являться обращение надлежащих субъектов в Суд ЕАЭС. В связи с этим полагаем, что решение вопроса о возможности или невозможности административной ответственности таможенного представителя в сфере декларирования может быть важным стимулом для подобного обращения²¹⁸.

В частности, Таможенный кодекс Таможенного союза²¹⁹ и Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О таможенном регулировании в Российской Федерации»²²⁰ содержат ряд иных правовых норм, конкретизирующих права и обязанности таможенного представителя и декларанта. Так, например, изменение и дополнение сведений, заявленных в таможенной декларации, согласно ч. 1 ст. 191 ТК ТС, возможно только по мотивированному письменному обращению декларанта. Аналогичная норма предусматривается в ст. 82 проекта Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – проект ТК ЕАЭС)²²¹. Следовательно, как пишут исследователи, «таможенный представитель таким правом в силу буквального толкования ТК ТС и с учетом позиции, отраженной в проекте ТК ЕАЭС, воспользоваться не может. Вместе с тем п. 4 Порядка внесения изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, утвержденного решением Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) от 10.12.2013 № 289 (далее – решение № 289), регулирует данное важное право несколько иначе: «От имени и по поручению декларанта таможенные операции, связанные с

²¹⁷ Каширкина А.А., Морозов А.Н. Указ. соч.

²¹⁸ Ныркова Н.А. Административные правонарушения в сфере таможенного декларирования: проблемы ответственности таможенного представителя в свете законодательства и судебной практики // СПС КонсультантПлюс. 2015.

²¹⁹ Таможенный кодекс Таможенного союза (с изм. и доп.) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6615.

²²⁰ Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (с изм. и доп.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Российская газета. № 269, 29.11.2010.

²²¹ Решение № 233 Коллегии Евразийской экономической комиссии «О проекте Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org>.

внесением изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в ДТ, могут совершаться таможенным представителем при представлении документов, подтверждающих полномочия таможенного представителя на совершение соответствующих таможенных операций. Документы, подтверждающие полномочия таможенного представителя на совершение таможенных операций, связанных с внесением изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в ДТ, не представляются, если такие документы представлялись в таможенный орган при подаче ДТ, в которую вносятся изменения и (или) дополнения».²²²

Следовательно, решение № 289 распространяет право на изменение и дополнение сведений, заявленных в таможенной декларации, на таможенного представителя. Таким образом, в важнейших документах, имеющих международно-правовой статус, вопрос о субъектном составе права на изменение и дополнение таможенной декларации урегулирован по-разному. Представляется важным подчеркнуть, что, на наш взгляд, вышеуказанные положения решения № 289 не могут рассматриваться в качестве уточняющих соответствующие нормы ТК ТС, поскольку последний не дает никаких оснований для расширительного толкования круга субъектов, наделенных правом изменения и дополнения таможенной декларации. С учетом этого приходится признать, что правовой механизм разрешения возникшей коллизии на сегодняшний день отсутствует. В определенной степени пробел восполняет ст. 6 Договора о ЕАЭС: п. 3 данной статьи закрепляет императив, в соответствии с которым решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза. К их числу, учитывая переходные положения, сформулированные в ст. 101 Договора о ЕАЭС, относится и ТК ТС. Помимо этого, механизм разрешения коллизий положений международных договоров, составляющих договорно-

²²² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 декабря 2013 г.. № 289 (ред. от 21.06.2016) «О внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, и признании утратившими силу некоторых решений Комиссии Таможенного союза и Коллегии Евразийской экономической комиссии» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org>.

правовую базу Таможенного союза, и актов, принятых Евразийской экономической комиссией, обозначен в абз. 4 п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 08.11.2013 № 79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» и включает в себя толкование, которое дает Суд Евразийского экономического сообщества (ныне – Суд ЕАЭС, Суд). Статут Суда ЕАЭС, являющийся приложением № 2 к Договору о ЕАЭС и регламентирующий компетенцию Суда в главе IV, позволяет заключить, что решения ЕЭК могут быть предметом его рассмотрения в двух случаях. Во-первых, по заявлению государства – члена ЕАЭС может быть рассмотрен вопрос о соответствии решения ЕЭК или его отдельных положений Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза. Во-вторых, по заявлению хозяйствующего субъекта может быть рассмотрено решение ЕЭК или его отдельные положения, непосредственно затрагивающие права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности на предмет соответствия Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза при условии, что такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. При этом под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства (п. 39 Статута Суда ЕАЭС)»²²³.

Мы разделяем мнение о том, что в случаях коллизий между решениями ЕЭК и актами национальных законодательств государств - членов ТС (а в

²²³ Ныркова Н.А. Указ. соч.

последующем – ЕАЭС) приоритет отдается решениям органа управления интеграцией²²⁴.

Отметим, что разработка Таможенного кодекса Евразийского экономического союза - сложный процесс. Важно, чтобы единый для трех стран ТК был грамотным с точки зрения юридической техники, не содержал пробелов и коллизий²²⁵.

Как пишут исследователи, при возникновении коллизии между нормами таможенного законодательства Таможенного союза, состоящего из Кодекса, международных договоров государств – членов Таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в Таможенном союзе, а также решений Евразийской экономической комиссии, и российскими нормативными правовыми актами применению подлежат нормы таможенного законодательства Таможенного союза²²⁶.

Противоречия в национальных законодательствах, однако, сохраняются, что может приводить к двойному налогообложению и (или) к дискриминации. Проводимая государствами политика, нацеленная на совершенствование правового регулирования механизмов взимания косвенных налогов, будет продолжена в формате ЕАЭС.

Важным шагом к обеспечению свободного движения капитала, услуг и рабочей силы на территории ЕАЭС является ст. 73 Договора о ЕАЭС, устанавливающая, что в случае, если одно государство-член вправе облагать налогом доход налогового резидента другого государства-члена в связи с

²²⁴ Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 21–28. См. также: Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография / отв. ред. А.Я. Капустин. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2012. 368 с.

²²⁵ Турбин И.В., Цидилина И.А. Правовое регулирование таможенного администрирования в условиях глобализации // Таможенное дело. 2014. № 3. С. 13-16.

²²⁶ Баранов В.А., Приженникова А.Н. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности за несоблюдение запретов на ввоз товаров на таможенную территорию Таможенного союза или в Российскую Федерацию в условиях реализации антисанкционных мер // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 25–30.

работой по найму, осуществляемой в первом государстве, такой доход облагается в первом государстве с первого дня работы по найму по налоговым ставкам, предусмотренным для таких доходов физических лиц - налоговых резидентов этого первого государства²²⁷.

На современном этапе своего формирования «принцип свободного передвижения трудовых ресурсов в Союзе предусмотрел ряд существенных преференций для трудящихся государства – члена ЕАЭС и членов семей. В частности, речь идет о том, что гражданам государств – членов Союза предоставляются, за некоторыми исключениями, равные права на осуществление трудовой деятельности в пределах территории Союза, гарантии социального обеспечения (кроме пенсионного) на тех же условиях и в том же порядке, что и гражданам государства трудоустройства. При этом членам семьи трудящегося государства – члена Союза предоставляется возможность пребывать в государстве трудоустройства в течение срока действия договора, заключенного между трудящимся государством – членом Союза и работодателем государства трудоустройства.

Необходимо учитывать, что свойственный российской правовой системе коллизионный принцип «закон места работы» (*lex loci laboris*) в полной мере распространяется на трудовые отношения трудящихся государств – членов Союза, т.е. правоотношения по осуществлению трудовой деятельности на территории государства – члена Союза, как установлено Договором, регулируются законодательством государства трудоустройства с учетом положений Договора»²²⁸.

Отметим также, что законодательство о взимании косвенных налогов весьма объемно. Кроме того, оно подвержено регулярным изменениям и дополнениям. Принимаемые при формировании Евразийского экономического союза нормативные акты должны быть грамотными с точки зрения

²²⁷ Реут А.В. Компетенция Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере налогообложения // Финансовое право. 2015. № 3. С. 32–35.

юридической техники, не должны содержать коллизий и пробелов. По этой причине потребуются проведение мониторинга правоприменения налогового законодательства трех стран.

Кроме того, можно сделать вывод о необходимости разработки и принятия единого для трех стран нормативного акта, закрепляющего основы налогового регулирования и налогового контроля в рамках интеграции.

Можно предположить, что таким актом мог бы стать Налоговый кодекс Евразийского экономического союза, закрепляющий общие понятия косвенного налога, налогового контроля, принципов косвенного налогообложения, и иные основополагающие понятия, механизм осуществления налогового контроля, информационного взаимодействия налоговых служб²²⁹.

На основании изложенного в этом параграфе диссертационного исследования материала можно обосновать следующие выводы и суждения.

Не исключено, что уже в ближайшей перспективе развитие правовой системы ЕАЭС может обусловить развитие его наднационального судебного органа в направлении, которое позволит охарактеризовать его как определенную альтернативу ЕСПЧ. Если предположить (такое прогнозирование, как показывает анализ актов ЕСПЧ, носит более чем реалистичный характер), что между российским конституционным текстом и правовыми позициями этого Суда по прежнему будут возникать коллизии, то нельзя исключить все же нежелательный, но действенный вариант принципиального и окончательного разрешения этой проблемы на основе придания Суда ЕАЭС статуса новой национальной инстанции по защите прав человека.

К сожалению, менее реалистичный характер имеет возможность создание такого органа на основе развития правовых систем БРИКС, ШОС, ТС, ибо нами

²²⁸ Оганесян А.Л., Гуков А.С. Формирование принципа свободного передвижения трудовых ресурсов в Евразийском экономическом союзе // Современный юрист. 2016. № 1. С. 54–62.

²²⁹ Цидилина И.А. К вопросу об унификации правового регулирования косвенного налогообложения в условиях интеграции России в мировое сообщество // Налоги. 2014. № 2. С. 43–45.

подробно охарактеризованы многочисленные коллизии, которые возникают в процессе функционирования данных международных союзов.

2.4. Участие субъектов федеративного государства в разрешении «конституционных коллизий»

В соответствии со ст. 1 Конституции Российской Федерации Россия является федеративным государством. Однако в теории конституционализма вопрос о статусе, компетенции субъектов федеративного государства является весьма дискуссионным. Так, например, рассматривается вопрос о допустимости ограничения конституционных прав граждан законами или иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации²³⁰ и т.п. Не менее актуальными являются и вопросы о современном состоянии коллизионной проблематики в контексте развития регионального законодательства, так и, главное, о потенциале субъектов российского федеративного государства в совершенствовании конституционного механизма разрешения коллизий между Конституцией России и актами ЕСПЧ.

В юридической литературе коллизий классифицируют по различным основаниям, констатируя, к примеру, их наличие:

1) между основным законом конкретного государства и всеми иными актами (в данной ситуации, по мнению исследователей, приоритет, безусловно, отдается Конституции как документу, наделенному большей юридической силой²³¹;

2) между законами и нормативными правовыми актами подзаконного характера (в данной ситуации приоритет опять же отдается документу с высшей юридической силой);

²³⁰ Пресняков М.В. Право на ограничение прав: пределы правотворческой компетенции субъектов Российской Федерации // Современное право. 2015. № 6. С. 36–41.

²³¹ См. подробнее: Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с. С. 217.

3) между нормативными правовыми актами федерации и актами ее субъектов Федерации (общее правило, разумеется, отдает приоритет первым; однако российский Основной закон выделяет и обратную ситуацию, когда нормативный правовой акт принят по вопросам исключительного ведения субъекта Федерации (ст. ст. 73, 76 российской Конституции);

4) иные коллизии (между структурами одного уровня, структурами различного уровня и т.п.);

5) актами одного и того же органа, но изданными в разное время. В этом случае применяется позже принятый акт²³².

Как пишет И.А. Стародубцева, в коллизионных отношениях могут участвовать и региональные органы государственной власти (исполнительные, законодательные (представительные)); такого рода статус они приобретают в следующих ситуациях:

- в случае реализации процедуры выражении недоверия высшему должностному лицу конкретного российского региона;
- если они являются участниками так называемых споров о компетенции;
- если они выступают в качестве субъектов купирования коллизий, носящих конституционно-правовой характер, возникших между нормативными правовыми актами российских регионов и иными актами, при наличии соответствующего судебного решения (федерального органа конституционного правосудия, суда общей юрисдикции (арбитражного суда), органов конституционного (уставного) судопроизводства и т.п., что обусловлено правом главы субъекта Федерации приостановить (отменить) нормативный правовой акт исполнительной власти российского региона²³³.

Нас интересует вопрос, могут ли субъекты Российской Федерации принимать участие (и если могут, то в каком объеме) в изучаемом процессе разрешения наиболее принципиальных для теории и практики

²³² Там же.

²³³ Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционных правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 15–19.

конституционализма коллизий (в случае реального расхождения норм конституционного и международного права) и квазиколлизий (которые искусственно формируются на основе решений органов власти ряда зарубежных стран в целях попыток изменения российской Конституции, оказания политического и экономического давления на Российскую Федерацию и т.п.).

Если обратиться к законам субъектов Российской Федерации, принятым в 2015 г., то можно обнаружить следующие нормы относительно коллизий. Так, в Законе города Севастополя от 29 сентября 2015 г. № 185-ЗС «О правовых актах города Севастополя» в ст. 39 (Принципы разрешения коллизий правовых актов) указано, что «коллизиями правовых актов являются противоречия между правовыми актами, регулирующими одни и те же общественные отношения, а также между положениями одного и того же правового акта. В случае возникновения коллизий правовых актов применяется правовой акт более высокой юридической силы... При коллизии правовых актов одинаковой юридической силы применяется правовой акт, принятый позднее... При коллизии между общими и специальными правовыми актами одинаковой юридической силы применяются специальные правовые акты»²³⁴.

В Законе Республики Хакасия от 11 марта 2015 г. № 18-ЗРХ «О нормативных правовых актах Республики Хакасия» (Статья 39: «Коллизия нормативных правовых актов») указано, что «нормативные правовые акты, составляющие законодательство Республики Хакасия, действуют на основе принципа верховенства актов, обладающих большей юридической силой. В случае коллизии нормативных правовых актов субъекты права обязаны руководствоваться нормативным правовым актом, обладающим большей юридической силой... В случае коллизии нормативных правовых актов, обладающих равной юридической силой, действуют положения акта, принятого

²³⁴ Закон города Севастополя от 29 сентября 2015 г. № 185-ЗС «О правовых актах города Севастополя». Принят Законодательным Собранием г. Севастополя 22.09.2015 // Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя <http://sevzakon.ru/>,

позднее... В случае коллизии между общим нормативным правовым актом и актом той же юридической силы, предусматривающим исключение из общего регулирования (специальный акт), действуют нормы специального акта»²³⁵.

Однако более актуальным является вопрос о том, что «в любом случае важным аспектом проблемы имплементации международно-правовых норм в правовую систему Российской Федерации является осуществление международной договорной правоспособности субъектов Российской Федерации и, следовательно, включение этих положений в общегосударственную правовую систему и в правовые системы субъектов Российской Федерации»²³⁶.

Исследователи отмечают, что субъекты государств с федеративной формой устройства могут (именно в силу «умолчания» норм международного права) вступать (заключать) в международные договоры, хотя, в целом, международная правосубъектность за ними не закрепляется²³⁷. В Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. такого рода субъекты также не фигурируют в качестве участников соответствующих правоотношений.

Соответственно, суверенное государство в своих актах (как правило, носящих характер конституционных актов, например, федеральных конституционных законов) закрепляет полномочия своих субъектов в сфере международных отношений. Впрочем, этот постулат требует определенного уточнения в том плане, что так называемые субъекты федеративного объединения могут обладать правоспособностью, но при условии что такое правомочие закреплено в Основном законе государства с федеративным устройством (акт Комиссии международного права ООН 1966 г.).

29.09.2015.

²³⁵ Закон Республики Хакасия от 11 марта 2015 г. № 18-ЗРХ «О нормативных правовых актах Республики Хакасия». Принят ВС РХ 25.02.2015 // Вестник Хакасии. № 16, 11.03.2015.

²³⁶ См.: Барциц И.Н. Международное право и правовая система России // Журн. рос. права. № 2. 2001. С. 23.

²³⁷ Барциц И.Н. Там же. С. 23-24.

Хотя это правило не собрало необходимого для принятия большинства голосов на Венской конференции по праву международных договоров 1968–1969 гг., оно является, наиболее корректным как с политической, так и с юридической точек зрения, поскольку именно оно в полной мере соответствует принципам международного права и учитывает конституционную практику известных «сложноустроенных» государств. Рядом ученых это правило признается в качестве нормы обычного международного права²³⁸.

Впрочем, другие исследователи полагают ошибочным утверждение, что субъекты федеративных государств не могут обладать каким бы то ни было международным статусом. «Они часто во многих отношениях обладают правами, – замечает Л. Оппенгейм, – в других выполняют обязанности международных лиц... Этому не может быть дано другого объяснения, кроме того, что эти полусуверенные государства так или иначе являются международными лицами и субъектами международного права. Такое неполноправное международное лицо является, конечно, аномалией; но самое существование государства без полного суверенитета уже есть аномалия»²³⁹.

Деятельность, направленная на согласование связей, отношений российских регионов, носящих международный характер, определены в федеральном законодательстве, фиксирующем процессы координации международных, а также внешнеэкономических связей субъектов российского федеративного государства²⁴⁰. Согласно соответствующему нормативному правовому акту «субъекты Российской Федерации в пределах полномочий, предоставленных им Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и договорами между органами государственной власти

²³⁸ См., напр.: Пустогаров В.В. Международная деятельность субъектов Федерации //Московский журнал международного права. – М., 1992. № 2. С. 12 - 15; Игнатенко Г.В. Международно - правовой статус субъектов Российской Федерации //Российский юридический журнал. № 1. 1995. С. 6

²³⁹ Оппенгейм Л. Международное право. Пер. с 6-го англ. изд. // Под ред. и с пред. С.Б. Крылова. М., 1948. С. 130.

Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий, обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, а также на участие в деятельности организаций в рамках органов, созданных специально для этой цели. Субъекты Российской Федерации с согласия Правительства Российской Федерации могут осуществлять такие связи и с органами государственной власти иностранных государств».

Связи (международного, внешнеэкономического характера) реализуются в форме соглашений. Кроме того, согласно статье 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации, установлено два основных правила:

– используются нормы той правовой системы (при дуалистичности выбора таковых систем), которая подлежит применению в силу прямого указания национального нормативного правового акта;

– используются нормы той правовой системы, с которой конкретное общественное отношение связано в наибольшем объеме (в ситуации, когда национальный закон не позволяет определить одну из дуалистичных правовых систем, подлежащих применению)²⁴¹.

Таким образом, модель государственного устройства обуславливает варианты разрешения коллизионной проблематики²⁴².

«Государственная форма зависит, прежде всего, от уровня народного правосознания, от исторически нажитого страной политического опыта, от силы и воли субъектов государственного управления, – отмечает В.Ф. Волович. – Федерация – не только номинальное понятие, но и реальное явление. Относимость России к федеративным государствам является спорной с учетом ограниченности сферы полномочий субъектов Российской Федерации, и

²⁴⁰ Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 231.

²⁴¹ См. подробнее: Толстых Л.В. Применение права страны с множественностью правовых систем в международном частном праве // Международное публичное и частное право. № 2. 2003. С. 29.

наоборот, элементы федерализма присутствуют в таких государствах, как Италия, Испания, которые провозглашены как унитарные государства».²⁴³ Исследователи отмечают удачный характер формулировки статьи 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой применима терминология «государство – страна со множественностью правовых систем», ибо такого рода «множественность» систем может иметь в стране с различной формой государственного устройства (федерация, унитария).

Применительно к России коллизийная проблема выбора между «правопорядками» Российской Федерации и ее субъектов обусловлена тем, что п. «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации указывает на исключительное ведение Федерации (право гражданское, гражданско-процессуальное, арбитражно-процессуальное право).

Однако право семейное, жилищное, водное, лесное и др. (п. «к» ст. 72 Основного закона) – предмет уже совместного ведения, что, разумеется, предопределяет возможность появления коллизийной проблематики.

Согласно п. «к» ст. 71 Конституции Российской Федерации международные отношения, отношения в сфере внешней политики страны, подписание и исполнение международных соглашений – предмет исключительного ведения Федерации. Кроме того, в теории конституционализма концепции, а равно фактически и в действующем законодательстве доминирует концепция, суть которой в том, что такого рода «раздельность» предметов ведения между Федерацией и ее субъектами осуществляется исключительно Конституцией, и предметы совместного ведения, установленные в ее ст. 72, не подлежат разграничению. Разграничение полномочий по предметам совместного ведения между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов осуществляется федеральными законами и в случаях, установленных в федеральных законах,

²⁴² Там же.

договорами. Нормы Конституции Российской Федерации, по мнению ученых, разделяющих данную концепцию исследователей, позволяют наиболее оптимально произвести разграничение полномочий именно федеральному законодателю.

Более того, они полагают, что это не только право, но и обязанность федеральных законодательных органов государственной власти в силу таких постулатов как необходимость поддержания универсальных стандартов в части обеспечения прав и свобод индивида, соблюдения конституционного постулата суверенитета, единства и территориальной целостности России.

В этом плане приведем мнение Т.Я. Хабриевой о том, что «только в форме федерального закона конституционные предметы ведения должны трансформироваться в конкретные полномочия конкретного уровня публичной власти и конкретного органа. Это является ключевым вопросом федерализма, основой и условием нормального функционирования органов государственной власти»²⁴⁴.

Данная позиция фактически воплощена и в действующем законодательстве и, в частности, в законодательстве, которым вносятся дополнения и изменения в Закон, определяющий статус российских региональных законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти²⁴⁵. Так, например, пункт 5 ст. 1 указанного Закона дополнен предложением следующего содержания: «Общие принципы и порядок разграничения предметов ведения и полномочий путем заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной

²⁴³ Волович В.Ф. Федерализм как принцип государственного строительства //Актуальные вопросы государства и права в современный период / Под ред. д.ю.н. В.Ф. Воловича. Томск, 1994. С. 3.

²⁴⁴ См.: Т.Я. Хабриева Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти федерации и ее субъектов // Федерализм. № 2. 2003. С.6.

²⁴⁵ Федеральный закон от 4 июля 2003 года № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных

власти субъектов Российской Федерации (далее – договоры о разграничении полномочий) и принятия федеральных законов устанавливаются настоящим Федеральным законом»²⁴⁶.

Однако не следует игнорировать то обстоятельство, что федеральные законы не определены в ч. 3. ст. 11 российского Основного закона в качестве документов, позволяющих разграничить соответствующие компетенции.

Однако Конституционный суд России в акте от 9 января 1998 г. указал, что акт Федерации как нормативный правовой акт общего действия, определяет права и обязанности участников правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти, и тем самым осуществляет разграничение этих полномочий²⁴⁷. Из ч. 3 ст. 11, 72, ч. 2 и 5 ст. 76 и ст. 94 Конституции Российской Федерации следует, по мнению Конституционного Суда России, что Федеральное Собрание вправе осуществлять законодательное регулирование вопросов, относящихся к предметам совместного ведения, определять конкретные полномочия и компетенцию органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Данная позиция, будучи в силу Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязательной для любого правоприменителя, получила неоднозначную оценку в юридической литературе²⁴⁸. В частности, по мнению исследователей, возможность разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами по предметам их совместного ведения федеральными законами означает

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. 7 (ч.2). Ст. 2709.

²⁴⁶ См.: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Рос. газета. № 206, 19.10.1999.

²⁴⁷ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. №3. Ст.429.

²⁴⁸ Федеральный конституционный Закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

фактическое нахождение данных предметов в сфере компетенции Российской Федерации, которая по своему усмотрению делегирует субъектам Федерации осуществление отдельных полномочий²⁴⁹.

Тем не менее, большинство исследователей полагает, что Конституция Российской Федерации закрепляет лишь сферы общественных отношений, в рамках которых происходит последующая детализация в части определения полномочий.

Так, в соответствии с Основным законом России (ч. 3 ст. 11) такие документы, как Федеративный договор и конкретные соглашения Федерации с теми или иными российскими регионами, по сути, образуют основные (и единственные) формы в части фиксации компетенционных полномочий. Однако в полном объеме проецировать такого рода модель на все национальное «правовое поле» им не представляется возможным²⁵⁰.

Некоторые авторы соглашаются с данной позицией в том ее аспекте, что Основной закон фиксирует лишь общее компетенционное разграничение предметов федерального и регионального ведения, но не детализирует их применительно к конкретным сферам отношений.

У других исследователей не вызывает сомнений вывод о том, что в целом на конституционном уровне закреплен диспозитивный метод правового регулирования общественных отношений в сфере «деления» государственно-властных полномочий федеративного уровня и уровня российских регионов.

Как отмечает И.А. Конюхова (Умнова), «сам факт наличия в Основном законе России закрытых перечней предметов ведения Федерации и предметов совместного ведения свидетельствует о том, что эти нормы не могут предаваться ревизии иначе как в порядке внесения поправок в федеральную

²⁴⁹ См.: Варламова Н.В. Конституционная модель российского федерализма // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 4 (29).

²⁵⁰ Черепанов В.А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами. М., 2003. С. 185–186.

Конституцию»²⁵¹. Вместе с тем, она учитывает правовую позицию российского федерального органа конституционного контроля в части возможности фиксации компетенционных полномочий (уровня Федерации и ее субъектов) на основе принятия соответствующего федерального законодательства. Она также подчеркивает, что перераспределение властных полномочий по вертикали, не ограниченное конституционными установлениями, способно отдалить власть от народа, лишить граждан возможности эффективно влиять на те или иные процессы социального управления. В теории конституционного права признавалось, что стабильность в разграничении компетенции между федерацией и ее субъектами может быть обеспечена в полной мере лишь в том случае, когда этот вопрос исчерпывающим образом решается в федеральной конституции²⁵².

В настоящее время исследователи также обращают внимание на то, что «принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, закрепленный в ст. 5 Конституции Российской Федерации, развивается в ст. 71–73 Конституции Российской Федерации. Однако существует множество проблем по реализации данных конституционных положений. Дело в том, что в ст. 71–73 определены правила разграничения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами, но не полномочий. Позиции федерального законодателя в вопросах разграничения полномочий между федеральной властью и властью субъектов РФ не всегда последовательны»²⁵³.

Следует отметить правовую позицию российского федерального органа конституционного контроля, выраженную в Постановлении № 15-П; она

²⁵¹ Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. М., 2004. С.407.

²⁵² См., напр.: Конюхова И.А. Указ. соч. С.162.

²⁵³ Антонова Н.А. Разграничение полномочий между Федерацией и субъектами РФ в сфере регулирования местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 64–67.

состоит в том, что если определенные вопросы отнесены Конституцией Российской Федерации к совместному ведению Федерации и ее субъектов, то их решение не может находиться ни в исключительной компетенции Федерации, ни в исключительной компетенции ее субъектов²⁵⁴. Таким образом, федеральный законодатель, разграничивая полномочия Федерации и ее субъектов по предметам совместного ведения, обязан оставить органам государственной власти некоторую часть полномочий. Что касается объема таких полномочий, то он определяется исходя из специфики потребностей в правовом регулировании и государственном управлении по каждому вопросу. Однако, к сожалению, практика законоотвочества последних лет не всегда свидетельствовала о взвешенном подходе, исходя из специфики тех или иных предметов совместного ведения.

В частности, в отмеченном акте российского федерального органа конституционного контроля (от 3 ноября 1997 г.) содержатся положения о недопустимости чрезмерной централизации и необходимости соблюдения самостоятельности субъектов Российской Федерации. В частности, сделана оговорка, что федеральный законодатель должен соблюдать требования Конституции России относящиеся к праву собственности на природные ресурсы и к их использованию. Однако Конституционным Судом не были сформулированы четкие принципы и критерии, которыми должен руководствоваться федеральный законодатель, разграничивая полномочия в сфере совместного ведения.

В целом, следует констатировать, что федеральные законы, бесспорно, могут и должны определять полномочия федеральных органов государственной власти по различным предметам совместного ведения. В этом и состоит цель их издания в соответствии с ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации.

²⁵⁴ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 1997 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 ноября 1996 года «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» в связи с запросом Тульского областного суда» // СЗ РФ. 1997. № 4 5. Ст. 5241.

Поскольку именно по предметам совместного ведения законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации принимаются в соответствии с федеральными законами и не могут противоречить им (ч. 2 и 5 ст. 76 Конституции), то отнесение какого-либо конкретного вопроса к исключительному ведению Российской Федерации означает запрет на его регулирование законодательством субъектов Федерации.

Вместе с тем, как полагали некоторые авторы, «таким путем федеральный закон может существенно ограничивать компетенцию субъектов Федерации»²⁵⁵. У них вызывало сомнение право федерального законодателя закреплять за федеральными органами государственной власти весь объем полномочий по какому-либо предмету совместного ведения. Кроме того, по их мнению, закрепление за органами государственной власти субъектов Российской Федерации только исполнительно-распорядительных полномочий, а отнесение правового регулирования исключительно к компетенции федерального уровня, должно иметь логические пределы, и не распространяться на значительное число предметов совместного ведения. При этом необходимо иметь в виду, что по смыслу ст. 73 Конституции по предметам совместного ведения все полномочия, не закрепленные за федеральными властными структурами, принадлежат органам государственной власти субъектов Федерации.

За прошедшее десятилетие ситуация, разумеется, изменилась достаточно кардинально; однако и в 2014 г. Ж.И. Овсепян констатировал: «Самостоятельно осуществляемые и предметно-определенные законодательные полномочия субъектов Российской Федерации впервые в истории Российской Федерации были предусмотрены в Федеративном договоре, подписанном между Российской Федерацией и ее субъектами 31 марта 1992 г. (республиками, краями, областями, городами федерального значения Москвой и Санкт-Петербургом). В связи с заключением этого Договора впервые в признаки

федеративного устройства России был внесен такой существенный показатель федерализма, составляющий квинтэссенцию федеративной формы государственного устройства, как осуществление разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и ее субъектов. В последующем идеи и содержание Федеративного договора 1992 г. стали основой Конституции РФ 1993 г. Поэтому есть основание говорить о договорно-согласительной природе главы 3 «Федеративное устройство» Конституции РФ 1993 г., поскольку ее непосредственной юридической предпосылкой стал Федеративный договор 1992 г. Однако договорно-согласительная процедура разработки концепции федеративного устройства России, воплощенная в Конституции 1993 г., не стала гарантией беспроблемного и эффективного формирования законодательной компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и практического осуществления субъектами РФ своих законодательных полномочий. Соответствующие проблемы уже на протяжении 20 лет неизменно, но уже с новыми аспектами их постановки поднимаются в федеративной практике и являются предметом обсуждения на научных и научно-практических конференциях»²⁵⁶.

Согласно российскому Основному закону («п» ст. 71) федеральное коллизионное право находится в ведении Российской Федерации и таким образом, по нашему мнению, остается открытым вопрос о наличии коллизионного права субъектов Российской Федерации.

В целом, коллизионные нормы активно изучаются специалистами в сфере частного международного права. Однако имеет место и справедливое суждение

²⁵⁵ Сергеев А.А. Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия. М., 2005. С. 19.

²⁵⁶ Овсепян Ж.И. Законодательные полномочия и интересы субъектов Российской Федерации: к вопросу об обеспечении реализации конституционного принципа разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ. К 20-летию Конституции РФ 1993 года // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 1. С. 23–37.

о коллизионной проблематике и в процессе регулирования других сфер общественных отношений.

Известные юристы высказывали мнение о том, что они могут и должны изучаться в рамках российского конституционного права; так, характер коллизионных норм имеют положения о примате норм (положений):

– российской Конституции по отношению к другим актам законодательства

– соответствующих международных соглашений и документов;

– нормы российского Основного закона, фиксирующие юридическую силу нормативных правовых актов (ст. 76)²⁵⁷.

Думается, наличие коллизионной проблематики в конституционном праве России носит очевидный характер.

В настоящее время, по мнению многих ученых, завершается процесс формирования относительно новой отрасли права – коллизионного права (коллизионные нормы (лат. - «collisia; collision»: «конфликт, столкновение»)²⁵⁸.

Такого рода нормы обладают особой функциональной направленностью, юридической природой²⁵⁹; это обстоятельство дает возможность некоторым авторам, не без оснований, говорить об их специализированном характере²⁶⁰.

Как применительно к теории конституционного права, так и к правовой науке в целом, отсутствует общность подходов в отношении детализации сущности, природы норм коллизионного характера. Изучение совокупности соответствующих научных трудов позволяет, в целом, констатировать дуализм теоретических позиций²⁶¹. Так, одна группа исследователей убеждена в том, что нормы коллизионной направленности фактически лишены самостоятельного статуса и участвуют в правовом регулировании соответствующих

²⁵⁷ См. подробнее: Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000. С. 50–51.

²⁵⁸ Ануфриева Л.П. Международное частное право. Т. 1. М., 2000. С. 169.

²⁵⁹ Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 36–37.

²⁶⁰ См., напр.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1971. С. 241–242.

²⁶¹ См. подробнее: Таева Н.Е. Коллизионные нормы в конституционном праве России // Конституционное и муниципальное право. № 15. 2007. С. 34.

общественных отношений только в совокупности с нормами материального права²⁶².

Второй подход базируется на утверждении о том, что анализируемые нормы реализуют в целом самостоятельный «пласт» правового регулирования²⁶³.

Небезынтересной, но на наш взгляд, далеко не бесспорной, представляется позиция, согласно которой фактически коллизии отождествляются с типом (разновидностью) так называемых дефектов логико-языкового характера в сфере реализации государственных властных полномочий, им присущи признаки «деформации» в национальных правовых системах²⁶⁴. Согласно этому подходу анализируемым нормам присущи следующие черты:

- коллизии участвуют в регулировании тождественных отношений;
- в них нередко не обнаруживается детализация, конкретность в правовом регулировании общественных отношений;
- они являются итогом законотворческой работы законодательных и исполнительных органов власти как регионального, так и федерального уровней, а также структур муниципальной власти;
- анализируемые нормы могут быть обусловлены нарушением корректности в использовании сил и средств юридической техники, требований законности в правотворчестве и т.п.;
- ликвидируются средствами, определяемыми «в процессуальном порядке»;

²⁶² См. подробнее: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 242; Тилле А.А. Время, пространство, закон: действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965. С. 165–166; Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. М., 2002. С. 156–157.

²⁶³ Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 55.

²⁶⁴ См. подробнее: Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической (понятие, причины, виды): Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

– затрудняют реализацию задач в сфере обеспечения прав и свобод индивида²⁶⁵.

При анализе причины коллизий норм права некоторые исследователи предпринимают попытки их классифицировать. К примеру, выделяют:

- класс (группа) причин, обусловленных несоблюдением требований законодательной техники и правил;
- класс (группа) причин, связанных с игнорированием реалий правовой, социально-экономической ситуации в обществе и государстве;
- класс (группа) причин, которые связаны уже с дефектными началами при структурировании правовой системы, не достижением гармоничного сочетания, к примеру, вертикальной, горизонтальной иерархичности норм и т.п.

Специфика коллизий норм права заключается, по мнению большинства ученых, в возможности коллизионных начал:

- норм равной юридической значимости (к примеру, сформированными одной и той же властной структурой);
- норм различных, но «одноуровневых» правотворческими структур.

На современном этапе большинство российских исследователей понимают коллизионное право как совокупность норм, разрешающих коллизии между законами различных государств («внешнее») или нормативными актами одного государства («внутреннее»)²⁶⁶. Как отмечалось, в ч. «п» ст. 71 Конституции Российской Федерации закреплено, что «федеральное коллизионное право» относится к исключительному ведению Федерации. «Однако здесь подразумеваются не коллизионные нормы в понимании международного частного права – пишет И.В. Гетьман-Павлова, - а правила применения на территории одного субъекта Федерации законодательства

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право России, Франции и Европейского союза: новые горизонты для совместного правосудия (обзор научно-исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна) // Международное право и международные организации. 2014. № 1. С. 117–165.

других субъектов Российской Федерации и общефедерального законодательства. Термин «федеральное коллизионное право» не имеет непосредственного отношения к международному частному праву, поскольку не включает коллизионные нормы по смыслу раздела VI «Международное частное право» ГК РФ, а с точки зрения российского гражданского законодательства международное частное право отождествляется именно с коллизионным правом»²⁶⁷.

Этот автор не без оснований отмечает, что относительно содержания термина «федеральное коллизионное право» среди российских ученых нет единого мнения. Федеральное коллизионное право определяют как совокупность закрепленных в Конституции Российской Федерации норм, на основе которых разрешаются споры о компетенции между Российской Федерацией и субъектами. Согласно другому подходу, источниками федерального коллизионного права являются не только положения Конституции Российской Федерации, но и федеральное законодательство, регулирующее конституционно-правовые отношения в сфере разрешения коллизий; постановления Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам своей компетенции»²⁶⁸.

И.А. Стародубцева, на наш взгляд, занимает совершенно обоснованную позицию, когда пишет, что коллизионные отношения как разновидность конституционных правоотношений – это урегулированные нормами конституционного права общественные отношения, содержанием которых является юридическая связь между субъектами в форме взаимных прав и обязанностей, направленных на предотвращение, выявление и разрешение конституционно-правовых коллизий²⁶⁹. Мы согласимся и с ее утверждением о том, что субъекты Российской Федерации – участники этих отношений, ибо, в частности, «Президент Российской Федерации вправе применять к органам

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционных

государственной власти субъектов Российской Федерации как участникам коллизионных отношений следующие конституционно-правовые санкции: предупреждение и отрешение от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, предупреждение и роспуск парламента Российской Федерации»²⁷⁰.

Итак, «коллизционность нормативных правовых актов» различных уровней всегда порождала оживленные дискуссии среди правоведов, что «само собой привело к определению понятия «коллизционность» и выявлению причин возникновения коллизий норм права на федеральном уровне и уровне субъектов Федерации»²⁷¹. В современной юридической литературе под юридической коллизией понимают противоречие между существующими правовыми актами и регулируемые ими общественными отношениями; существование различных норм для разрешения конкретной ситуации, но с противоречивым содержанием²⁷².

«Коллизия» (как отмечалось, от латинского «*collisio*» – «столкновение») означает «столкновение противоположных взглядов, сил, интересов, стремлений»²⁷³. Коллизия законов, в свою очередь, определяется как расхождение содержания (столкновение) двух или более формально действующих нормативных актов, изданных по одному и тому же вопросу²⁷⁴.

Структура коллизионного права с точки зрения разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами включает федеральное коллизионное право и коллизионное право субъектов Российской Федерации.²⁷⁵ Мы полагаем, что именно коллизионное право субъектов Российской

правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 15–19.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Шилюк Т.О., Миттельман К.Г. К вопросу о коллизционности актов субъектов Российской Федерации об образовании // *Lex russica*. 2013. № 1. С. 75–82.

²⁷² Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях: Учебное пособие. М., 2011.

²⁷³ Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Горкина. М., 1997. С. 549.

²⁷⁴ Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1983. С. 179.

²⁷⁵ Стародубцева И.А. Конституционные принципы федерального коллизионного права // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 59–66.

Федерации представляет одну из наименее исследованных проблем в теории конституционного права и заслуживает отдельного, более глубокого, научного анализа. Применительно к тематике диссертационного исследования можно сделать аналогичный вывод, как и применительно к вопросам участия субъектов федеративного государства в разрешении «конституционных» коллизий. Мы используем термин «конституционные» коллизии с учетом сформулированной нами научной позиции, согласно которой в Конституции Российской Федерации коллизии отсутствуют, но могут наличествовать коллизии между конституционным и международным правом. В сложившейся сложной геополитической обстановке вопрос о возможности и, главное, формах участия субъектов Российской Федерации в анализируемом механизме разрешения коллизий является перспективным направлением в теории и практике конституционализма.

В целом, на основании изложенного во второй главе диссертационного исследования материала мы полагаем возможным обосновать следующие выводы и суждения.

Изучение правовых позиций Суда по правам человека позволяет констатировать фактическое усиление коллизионных начал между российским Основным законом и актами ЕСПЧ, который:

- предпринял попытки потребовать от России внести изменения в первую главу Конституции, т.е. посягал на основы конституционного строя нашей страны;

- искажал в своих трактовках нормы европейского конвенционного соглашения, участником которого является российское государство, в том числе, к примеру, обоснования «неограничиваемости» прав индивида, что прямо противоречит Конституции России (ч. 3 ст. 55), либо

- игнорировал в своих актах нормы данного конвенционного соглашения и дополняющих его международных документов, в частности, положения о «лояльности работников» в отношении работодателей, принципы

«сдержанности», «осмотрительности» в поведении лиц, занимающих ответственные государственные должности (так называемое «дело Кудешкиной»);

– требовал руководствоваться принципом собственного (заметим, весьма произвольного) понимания европейского конвенционного соглашения в части категорий «ценности», «европейские ценности», обвиняя российское государство в «гендерных предрассудках», а, по сути, предполагая, что нами будут игнорированы российские конституционные ценности, незыблемость которых подчеркивает преамбула российской Конституции.

Механизм преодоления подобного рода коллизий Россия совершенствовала не путем «наименьшего сопротивления (например, путем выхода из Римской (европейской) Конвенции, а на основе формирования правовых позиций российского федерального органа конституционного контроля, обусловившего закрепления его права проверять вышеуказанные акты ЕСПЧ на предмет возможности их исполнения в России.

На современном этапе актуальной является задача создания (трансформации компетенционных полномочий) в «новых» международных центрах (прежде всего, в ЕАЭС) судебных структур, которые в отдаленной перспективе могут стать альтернативной национальной судебной инстанцией.

В заключительном параграфе диссертационного исследования мы предприняли лишь попытку обозначить актуальную научную проблему в теории конституционализма, которую связываем с потенциальным (и, скорее всего, тоже в отдаленной перспективе) расширением участия российских регионов в анализируемом механизме преодоления коллизий.

Заключение

В настоящем исследовании нами поставлена научная задача обосновать позицию, согласно которой теория и практика современного российского конституционализма должны преследовать цель защиты конституционных ценностей, под которыми мы понимаем национальное достояние, незыблемость которого фиксируется в Конституции Российской Федерации («память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость») и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который наряду с другими органами государственной власти обеспечивает преодоление коллизий между российскими конституционными ценностями и ценностями «Западного мира» на основе непосредственного применения российского Основного Закона.

Аргументировать эту позицию позволяют акты Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым, в случаях генезиса коллизий в сфере обеспечения конституционных прав индивида, нужно руководствоваться положениями российского Основного закона.

Так, в случае если с формально-юридической позиции отсутствует коллизия норм российского и «европейского» права, то все чаще может иметь место более сложная с позиции конституционно-правового анализа коллизия ценностных, национально значимых ориентиров и ценностей, которые Европейский Суд по правам человека безапелляционно характеризует как «предрассудки» и т.п.

Коллизии в тексте Конституции Российской Федерации 1993 г., если их понимать именно как «противоречия» либо «пробелы», отсутствуют, ибо определенные недостатки в тексте любого базисного юридического документа будут всегда. Гипотетически предположив, что общество будет постоянно «улучшать» текст Основного закона, систематически вносить в него изменения, мы умалим роль более чем двадцатилетнего процесса стабильного

функционирования российской Конституции, процесс формирования уважительного отношения к конституционным нормам. И, главное, процесс ликвидации таких мнимых коллизий (квазиколлизий) априори не приведет к формированию «бесспорного» конституционного текста, ибо Конституция любой страны призвана выразить интересы большинства, установить консенсус между противоположными позициями, найти компромисс между различными слоями общества, но никогда не разрешить невозможную правовую задачу: удовлетворит интересы любого индивида.

В современных исторических условиях коллизионная проблематика в части соотношения международного и национального права становится все более актуальной для теории и практики российского конституционализма, ибо имеет место коллизия правовых ценностей, принципов российского государства и «стран Западной демократии», объективируемая декларациями в заявлениях последних о приверженности идеалам права и демократии и их фактическими действиями, которые подрывают основы взаимодействия суверенных государств, вынуждают Российскую Федерацию применять Конституцию как приоритетный по отношению к любому международному договору документ в целях защиты своих национальных интересов.

Нами обосновывается позиция, согласно которой становится либо невозможной, либо затруднительной в настоящее время на основе небезуспешных попыток ряда государств сформировать квазиколлизию между «международным правом» (понимаемого исключительно как «право силы») и конституционным принципом суверенитета российского государства реализация следующих конституционных положений:

– о признании и гарантировании прав индивида в соответствии нормами, принципами международного права, отвечающего критериям общепризнанности (ст. 17);

– о праве (в случае использования всех национальных судебных ресурсов) обратиться в соответствующие межгосударственные структуры (ч. 3 ст. 46) и др.

Актуальные юридические коллизии между актами страсбургского Суда и российского федерального органа конституционного контроля базируются не на различиях правовых взглядов и позиций судей этих органов власти, а на искусственно формируемой «коллизии» между интересами США, стран Европейского Союза и национальными интересами Российской Федерации. На рубеже 2014–2016 гг. акты Европейского Суда по правам человека стали в отдельных случаях преследовать цель не обеспечения прав и свобод человека, ради достижения которой в соответствии со ст. 97 Конституции Российская Федерация и передала часть своих полномочий этому Суду, а экономического санкционного давления на российское государство.

Минимизация негативных последствий искусственно сформированной «коллизии» международного и национального права реализуется при неуклонном соблюдении российских национальных интересов на основе прямого применения российского Основного закона, который устанавливает базисный постулат примата прав индивида, которому все принципы и нормы, в том числе «общепризнанные» и «европейские», должны соответствовать.

Конституционный механизм разрешения коллизий между Конституцией России и актами Суда по правам человека продолжает совершенствоваться, на попытки «правовой и экономической блокады» российское государство отвечает адекватно, исключая применение в России «международного права», «европейских ценностей», если оно неприемлемо, в том числе в силу аргументации, содержащийся в доктрине российского федерального органа конституционного контроля.

Изучение правовых позиций Суда по правам человека позволяет констатировать, как неоднократно отмечалось, фактическое усиление

коллизии начал между российским Основным законом и актами ЕСПЧ, который:

- предпринял попытки потребовать от России внести изменения в первую главу Конституции, т.е. посягал на основы конституционного строя нашей страны;

- искажал в своих трактовках нормы европейского конвенционного соглашения, участником которого является российское государство, в том числе, к примеру, обоснования «неограничиваемости» прав индивида, что прямо противоречит Конституции России (ч. 3 ст. 55), либо

- игнорировал в своих актах нормы данного конвенционного соглашения и дополняющих его международных документов, в частности, положения о «лояльности работников» в отношении работодателей, принципы «сдержанности», «осмотрительности» в поведении лиц, занимающих ответственные государственные должности (так называемое «дело Кудешкиной»);

- требовал руководствоваться принципом собственного (заметим, весьма произвольного) понимания европейского конвенционного соглашения в части категорий «ценности», «европейские ценности», обвиняя российское государство в «гендерных предрассудках», а, по сути, предполагая, что Россией будут игнорированы российские конституционные ценности, незыблемость которых подчеркивает преамбула российской Конституции.

Нами была предпринята попытка обосновать утверждение о том, что механизм преодоления анализируемых коллизий можно совершенствовать на основе:

- в первую очередь, продолжая практику, которая уже зарекомендовала себя как наиболее действенный и эффективный соответствующий инструментарий, т.е. реализуя проверку актов международных организаций, в том числе ЕСПЧ российским федеральным органом конституционного контроля на предмет возможности их исполнения в российском государстве;

– воздержания от выхода из тех международных соглашений, членство в которых призвано создать дополнительные гарантии для обеспечения прав и свобод россиян;

– изучения (как перспективных) вопросов о наделении наднациональных судебных инстанций, функционирующих в таких, например, союзах как ЕАЭС, статусом структур, позволяющих выполнять функции независимой наднациональной защиты прав индивида, а также расширения участия российских регионов в анализируемом механизме преодоления коллизий.

Список
использованных нормативных правовых актов и научной
литературы

I. Документы и нормативные правовые акты

- 1.1 Конституция Российской Федерации 1993 г. // Рос. газета. 1997. № 237.

Международные правовые акты и документы:

- 1.2 Устав Организации Объединенных Наций, приняты Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г. // СПС Консультант плюс.
- 1.3 Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.
- 1.4 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
- 1.5 Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов; заключена в Гааге 05.10.1961; вступила в силу для России 31.05.1992 (вместе со «Статусом Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов»), Гаага, 5 октября 1961 года) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.
- 1.6 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам; заключена в Минске 22.01.1993; вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994 // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.
- 1.7 Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров от 27 сентября 1968 г. // СПС Консультант плюс.

1.8 Венская Конвенции о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – М., 1986. № 37.

1.9 Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.01.2015.

1.10 Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы. Подписан в г. Минске 19 мая 2011 г. // СПС КонсультантПлюс.

1.11 Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.07.2012.

1.12 Таможенный кодекс Таможенного союза (с изм. и доп.) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6615.

1.13 Решение № 73 Совета Евразийской экономической комиссии «О Концепции использования при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов». Принято в г. Москве 18.09.2014 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org>.

1.14 Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 502 (с изм. от 10.10.2011) «О новой редакции Статута Суда Евразийского экономического сообщества, утвержденного Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 апреля 2003 года № 122, и проекте Протокола о внесении изменений в Соглашение между Содружеством Независимых Государств и Евразийским экономическим сообществом о выполнении Экономическим Судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества от 3 марта 2004 года» // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. спец. выпуск 2012–2014;

1.15 Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 9 декабря 2010 г. № 534 «О Договоре об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним». (Подписан в г. Москве 09.12.2010 г.) // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества; спец. выпуск 2012–2014

1.16 Решение № 233 Коллегии Евразийской экономической комиссии «О проекте Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org>.

1.17 Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 декабря 2013 г. № 289 (ред. от 21.06.2016) «О внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары, и признании утратившими силу некоторых решений Комиссии Таможенного союза и Коллегии Евразийской экономической комиссии» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org>.

1.18 Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. Принят 16.11.2011 - 17.11.2011 //СПС КонсультантПлюс.

***Федеральные конституционные законы, федеральные законы,
законы субъектов Российской Федерации:***

1.19 Федеральный конституционный Закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. № 1997. № 1.

1.20 Федеральный конституционный Закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

1.21 Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О

Конституционном Суде Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

1.22 Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (с изм. и доп.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Российская газета. № 269, 29.11.2010.

1.23 Федеральный закон от 4 июля 2003 года № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. 7 (ч.2). Ст. 2709.

1.24 Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Рос. газета. № 206, 19.10.1999.

1.25 Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 231.

1.26 Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

1.27 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате // Рос. газета. № 49. 13 марта 1993 г.

1.28 Закон города Севастополя от 29.09.2015 N 185-ЗС «О правовых актах города Севастополя». Принят Законодательным Собранием г. Севастополя (22.09.2015) // Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя <http://sevzakon.ru/>, 29.09.2015.

1.29 Закон Республики Хакасия от 11.03.2015 N 18-ЗРХ «О нормативных правовых актах Республики Хакасия». Принят ВС РХ 25.02.2015 // Вестник Хакасии. № 16, 11.03.2015.

Иные официальные документы:

1.30 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. // Российская газета. № 278. 05.12.2014.

1.31 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. // СПС КонсультантПлюс.

1.32 Стенограмма выступления Президента Российской Федерации на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме: «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.).

Подзаконные нормативные правовые акты и документы:

1.33 Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2005 г. № 82 «Об утверждении положения о порядке передачи информации в федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами, нотариусами и лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг» // Рос. газета. № 36. 22.02.2005.

II. Судебная практика международных судебных органов, федеральных судов и судов субъектов Российской Федерации

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства

юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2016.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2015 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 207 и статьи 216 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Беларусь С.П. Лярского» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 26.06.2015.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. № 163. 27.07.2015.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд

занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2000.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 31 Закона СССР от 24 июня 1981 г. «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура // СЗ РФ. 1998. № 9. Ст. 1142.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства РФ. № 22. 01.06.1998. Ст. 2491.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 года № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов» // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1242.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. №3. Ст.429.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 1997 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 ноября 1996 года «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» в связи с запросом Тульского областного суда» // СЗ РФ. 1997. №4 5. Ст. 5241.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 1996 г. «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда. М., 1996. №16. Ст. 29.

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 1995 г. «По делу о проверке конституционности ст. 12 Закона СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» в части, запрещающей проведение забастовок работниками гражданской авиации» // Вестник Конституционного Суда. – М., 1995. № 2,3. Ст. 45.

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 года № 1718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 7.1 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // СПС КонсультантПлюс.

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2010 года № 151-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской

области» и статьей 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 года № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС КонсультантПлюс.

16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1.2010.

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2007 г. № 565-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Антоненко Ольги Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части пятой статьи 12 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // СПС Консультант плюс.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции

общеизвестных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. М., 2003. № 12.

19. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 сентября 2016 г. «Дело «Карелин (Karelin) против Российской Федерации» (жалоба № 926/08) // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание», 2016, № 10(172).

20. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2016 г. «Дело «Новрук (Novruk) и другие против Российской Федерации» (жалобы № 31039/11, 48511/11, 76810/12, 14618/13 и 13817/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание», 2016, № 9(171).

21. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2015 г. по делу «Александр Шевченко (Aleksandr Shevchenko) против России» (жалоба № 48243/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

22. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2015 г. по делу «Баталины (Bataliny) против России» (жалоба № 10060/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

23. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июля 2015 г. по делу «Патранин (Patranin) против России» (жалоба № 12983/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

24. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. по делу «Николай Козлов (Nikolay Kozlov) против России» (жалоба № 7531/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

25. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. по делу «Алексей Борисов (Aleksey Borisov) против России» (жалоба №12008/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

26. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 г. по делу «Воронков (Voronkov) против России» (жалоба № 39678/03) //

Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 8.

27. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 г. по делу «Хорошенко (Khoroshenko) против России» (жалоба № 41418/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7.

28. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июня 2015 г. по делу «Сайдулханова (Saydulhanova) против России» (жалоба № 25521/10) // СПС КонсультантПлюс.

29. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июня 2015 г. по делу «Яйков (Yaikov) против России» (жалоба « 39317/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 20015. № 7.

30. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июня 2015 г. по делу «Фанзиева (Fanziyeva) против России» (жалоба № 41675/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7.

31. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 июня 2015 г. по делу «Тычко (Tuchko) против России» (жалоба № 56097/07) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7.

32. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

33. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

34. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2009 г. «Дело «Кудешкина (Kudeshkina) против Российской Федерации» (жалоба № 29492/05) // Российская хроника Европейского Суда. 2010. № 4.

35. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 1998 г «Петровиц против Австрии» // СПС КонсультантПлюс.

36. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 марта 2009 г. «По делу «Веллер (Weller) против Венгрии» (жалоба « 44399/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2009. № 8.
37. Решение Европейского суда по правам человека от 17 февраля 2015 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 28727/11 «Ольга Борисовна Кудешкина (Olga Borisovna Kudeshkina) против Российской Федерации» (№ 2) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 5(155).

III. Специальная литература. Книги, монографии, сборники

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: учебное пособие. В. 2 т. Т. 1. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2014., 864 с.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Сашко, 2000.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1971.
4. Ануфриева Л.П. Международное частное право. Т. 1. М., 2000.
5. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 352 с.
6. Баренбойм Д. Независимость центральных банков как основной принцип конституционной экономики // Конституционная экономика и антикризисная деятельность центральных банков /Сб. статей под ред. С.А. Голубева. М.: ЛУМ, 2013. 160 с.
7. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 304 с.
8. Библиография по конституционному правосудию; авт. – сост. М.А. Митюков. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2011.
9. Боброва В.К. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации / Бобровка В.К., Митюков М.А., Конституционное правосудие: учебное пособие. – М., 2004. – ч. II.

10. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Горкина. М., 1997. С. 549.
11. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма; Инфра-М, 2011.
12. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб, 2005.
13. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001): очерки теории и практики. М., 2001.
14. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учебное пособие. – М.: Юрист, 2005.
15. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984.
16. Волович В.Ф. Федерализм как принцип государственного строительства // Актуальные вопросы государства и права в современный период /Под ред. д.ю.н. В.Ф. Воловича. Томск, 1994.
17. Грачева (Перчаткина) С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского суда по правам человека: научно-практическое пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2012. 240 с.
18. Денисова Е.Э. Нотариат в Российской Федерации. М., 2003.
19. Декер Э. Профессия нотариуса, ее этика и ее структуры. Амстердам, 2000.
20. Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда // Под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015. 304 с.
21. Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РАП, ВолтерсКлувер, 2010. 144 с.
22. Зиненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции: справочное пособие. М., 2005. С. 9.
23. Зорькин В.Д. Правовой путь России. М., 2014.

24. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма, ИНФРА-М, 2015. 320 с.
25. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 295 с.
26. Клеандров М.И. О Совете судебной власти Российской Федерации: монография. – М.: Норма, 2016. – 160 с.
27. Конституционное право. Энциклопедический словарь // Отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2001.
28. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / Отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма; Инфра-М, 2011.
29. Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. М., 2004.
30. Комментарий к Конституции Российской Федерации // Под ред. проф. Л.А. Окунькова. М., 1996.
31. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате // Под ред. М.К. Треушникова. М., 2002.
32. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России) / Под ред. Т.Я. Хабриевой – М.: ИД "Юриспруденция". 2013.
33. Крусс В.И. Конституционное судебное правотворчество в федеративном государстве и фундаментальные коллизии права // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: Сб. науч. тр. – Казань, 2014.
34. Кудряшов В.В. Международно – правовое регулирование суверенных финансовых институтов. М.: Финансовый университет, 2015. 316 с.
35. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма; Инфра-М, 2008.
36. Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. М.: Норма;

Инфра-М, 2009.

37. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.
38. Левин Д.Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974.
39. Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. М., 2002.
40. Медведев И.Г. Международное частное право и нотариальная деятельность. (2-е изд.). М., 2005.
41. Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М. Берлим: Директ- Медиа, 2015. 176 с.
42. Международное право // Под ред. В.И. Кузнецова. М., 2001.
43. Международное частное право: учебник: в 2 т. // Е.А. Абросимова, А.В. Асосков, А.В. Банковский и др. / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М.: Статут, 2015. Т. 2: Особенная часть. 764 с.
44. Нарутто С.В. Критические размышления о современных тенденциях конституционного правосудия в России // Актуальные проблемы публичного права в Германии и России. М.: ООО "Издательство "Элит", 2011.
45. Нерсисянц В.С. Философия права, М., 1998.
46. Несмеянова С.Э. Нарутто С.В., Шугрина Е.С. Конституционный судебный процесс: Учебник для магистрантов, аспирантов, преподавателей. М.: Норма, 2014.
47. Несмеянова С.Э. Особенности конституционного (уставного) процесса в субъектах Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2012.
48. Оппенгейм Л. Международное право. Пер. с 6-го англ. изд. // Под ред. и с пред. С.Б. Крылова. М., 1948.
49. Павликов С.Р. Система судов субъектов Российской Федерации. М., 2012.
50. Патращук Ж.В. Защита конституционных прав человека и гражданина нотариатом Российской Федерации. М., 2004.
51. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях:

Учебное пособие. М., 2011.

52. Сергеев А.А. Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия. М., 2005.
53. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.
54. Современный нотариат – структура и задачи. Кельн, 1993.
55. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. М., 2002.
56. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений. Воронеж, 2016. 320 с.
57. Табагаева Е.Б. Нотариат в Российской Федерации. СПб., 2001.
58. Тилле А.А. Время, пространство, закон: действие советского закона во времени и пространстве. М., 1965.
59. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010.
60. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000.
61. Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956.
62. Ушаков А.А. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Деловой двор, 2015. 480 с.
63. Черниченко С.В. Теория международного права. М., 1999. Т. 2.
64. Черепанов В.А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами. М., 2003.
65. Чиркин В.Е. Правовая охрана Конституции // Конституция в XX веке: сравнительно-правовое исследование. – М. Норма, 2011.
66. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.: Норма; Инфра-М, 2013.
67. Эбзеев Б.С., Чуров В.Е. Глобализация. Международные гуманитарные стандарты. Суверенитет России. М.: РЦОИТ, 2015.
68. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1983.

69. Ярков В.В. От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. М., 2007.

Научные статьи

70. Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

71. Амирова М.А. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» в целях применения для защиты прав человека в Российской Федерации // Международное публичное и частное право. М., 2006. № 4.

72. Антонова Н.А. Разграничение полномочий между Федерацией и субъектами РФ в сфере регулирования местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4.

73. Ануфриева Л.П. Международное частное право // Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М., 2005. С. 117. Здесь цит. по: Стародубцева И.А. Использование коллизионного подхода в правовых исследованиях: постановка проблемы // История государства и права. 2012. № 21.

74. Арановский К.В., Князев С.Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3.

75. Астафичев П.А. Демократия как основа доктрины конституционализма и конституционного строя современного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

76. Ахрименко М.А. Коллизионный метод регулирования договорных обязательств: основные цели, задачи и функции // Юридический мир. 2010. № 6. С. 22 - 26.

77. Барциц И.Н. Международное право и правовая система России // Журн.

рос.права. № 2. 2001.

78. Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8.

79. Белов С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4.

80. Будылин С.В. Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // Закон. 2013. № 12.

81. Варламова Н.В. Конституционная модель российского федерализма // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 4 (29).

82. Вельяминов Г.М. К вопросу о соотношении международного права и национальных правовых систем // Государство и право. 2015. № 5.

83. Венская Конвенции о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1986. № 37.

84. Виноградова П.А. Порядок разрешения коллизий конституционного и конвенционного толкования // Российская юстиция. 2015. № 11.

85. Вишневский П.Н. Правоотношения на международном финансовом рынке // Международное право и международные организации. 2014. № 3.

86. Воскобитова М.Р. Restitutio in integrum: препятствия на пути у заявителя, выигравшего в Европейском суде по правам человека // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 5.

87. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право России, Франции и Европейского союза: новые горизонты для совместного правосудия (обзор научно-исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна) // Международное право и международные организации. 2014. № 1.

88. Гриценко Е.В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в российском конституционном праве // Государство и право. 2015. № 6.

89. Гущина Н.А., Глухоедов М.С. Коллизии отдельных постановлений

Европейского суда по правам человека и актов Конституционного Суда Российской Федерации // Современное право. 2013. № 9.

90. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда Российской Федерации // Гос. и право. № 11.1995.. С. 123.

91. Добрынин Н.М. К вопросу о государствоведении и юриспруденции: размышления на актуальную тему и философия права // Государство и право. 2014. № 12.

92. Донцов П.В. Применение коллизионных норм международного права судами Канады // Российский судья. 2013. № 9.

93. Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журн. рос.права. № 6. 1998.

94. Егорова О.А. У суда и нотариата много общего // Нотариальный вестник. № 7-8. 1998.

95. Иванова А.Ю. Участие нотариуса в публичных торгах // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 3.

96. Исполинов А.С. Первое решение суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. 2016. № 4.

97. Йемма А. Нотариат в условиях рыночной экономики // Совет.юстиция. № 17-18. 1992.

98. Загайнова С.К. Основания и направления внедрения в практику российского нотариата примирительных процедур (медиации) // Судья. 2014. № 7.

99. Зимненко Б.Л. Международное право и российское право: их соотношение // Московский журнал международного права. М., 2000. № 3.

100. Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. № 5325(246). 2010.

101. Игнатенко Г.В. Международно–правовой статус субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. № 1. 1995.

102. Исполинов А.С. Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5.
103. Зорькин В.Д. День Конституции // ЭЖ-Юрист. 2008. № 49.
104. Казанцев С.М. Особенности контроля конституционности Таможенного кодекса Таможенного союза // Журн. конституционного правосудия. 2013. № 2.
105. Кадышева О.В. Комментарий по спору России «Антидемпинговые пошлины в отношении легких коммерческих автомобилей из Германии и Италии» // Право ВТО. 2015. № 1.
106. Каменков В.С. Нотариат в Беларуси, в России, в Казахстане (задачи, функции, принципы деятельности) // Бюллетень нотариальной практики. 2015. № 2.
107. Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12.
108. Карасев Р.Е. Конституционный Суд Российской Федерации: взаимосвязь и взаимодействие с Европейским судом по правам человека // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3.
109. Касаткина А.С. Статус нотариуса в международном частном праве // Международное право и международные организации. 2014. № 3.
110. Князев С.Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1.
111. Красиков Д.В. Конвенционно-конституционные коллизии и иллюзии: что лежит в основе «возражения» Конституционного Суда России в адрес Европейского суда по правам человека? // Международное правосудие. 2016. № 3.

112. Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 2.
113. Крусс В.И. Конституционный суверенитет как актуальная ценность // Судья. 2013. № 12.
114. Крусс В.И. Диалектика конституционализации и взаимодействие правовых систем в контексте глобализации // Российский юридический журнал. 2014. № 5.
115. Кузьмин А.Г. Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий // Российский судья. 2014. № 9.
116. Клячин Е.Н. Конституционная гарантия каждого на получение квалифицированной юридической помощи невозможна без более полного использования потенциала нотариата // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. М., 2007.
117. Латинский нотариат заговорил по-русски (памяти Анатолия Тихенко) // Рос. юстиция. № 11. 2001.
118. Лесницкая Л.Ф. Концепция развития гражданского процессуального законодательства // Журн. рос.права. № 5 - 6. 1999. № 5 - 6; Пелевин С.М. Еще раз о «едином гражданском процессуальном праве» // Правоведение. № 1. 1998.
119. Липкина Н.Н. Толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека и верховенство права // Журнал российского права. 2015. № 4.
120. Лушникова М.В. Коллизионный метод регулирования трудовых отношений с иностранцами // Законодательство и экономика. 2008. № 7.
121. Магомедова П.Р. Равенство в доктрине конституционализма // Административное и муниципальное право. 2014. № 7.
122. Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2014. № 2.

123. Материалы Конференции «Рынок движимого и недвижимого имущества – новые задачи нотариата» // Бюллетень нотариальной практики. 2012. № 6.
124. Муратова О.В. Унификация коллизионных норм международного частного права в Европейском союзе // Российская юстиция. 2014. № 3.
125. Нешатаева Т.Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Закон. 2014. № 6.
126. Оганесян А.Л., Гуков А.С. Формирование принципа свободного передвижения трудовых ресурсов в Евразийском экономическом союзе // Современный юрист. 2016. № 1.
127. Овсепян Ж.И. Законодательные полномочия и интересы субъектов Российской Федерации: к вопросу об обеспечении реализации конституционного принципа разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ. К 20-летию Конституции РФ 1993 года // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 1.
128. Осминин Б.И. Конституционные принципы и взаимодействие международного и внутригосударственного права // Журнал российского права. 2014. № 5.
129. Осминин Б.И. Конституционные принципы и взаимодействие международного и внутригосударственного права // Журнал российского права. 2014. № 5.
130. Перевалова И.В. Правовой институт нотариата как средство государственного воздействия на предпринимательскую деятельность // Бизнес, Менеджмент и Право. 2014. № 2.
131. Понаморенко В.Е. Об актуальных направлениях совершенствования регуляторной политики в целях создания Международного финансового центра в России // Административное право и процесс. 2013. № 11.
132. Пресняков М.В. Право на ограничение прав: пределы правотворческой компетенции субъектов Российской Федерации // Современное право. 2015. № 6.

133. Пряхина Т.М. Конституционно-правовой статус не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6.
134. Пунжин С.М. Требования к имплементационному законодательству в Конвенции о запрещении химического оружия и их реализация на практике // Московский журнал международного права. М., 1997. № 1.
135. Пустогаров В.В. Международная деятельность субъектов Федерации // Московский журнал международного права. – М., 1992. № 2.
136. Ралько В.В. Сущность и содержание правовой деятельности нотариата в современных правовых системах и семьях // Бюллетень нотариальной практики. № 6. 2009.
137. Рачков И.В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО // Международное правосудие. 2014. № 3.
138. Рачков И.В. Бывшие акционеры «ЮКОСа» против России. Комментарий к арбитражному решению под эгидой Постоянной Палаты Третейского Суда в Гааге // Международное правосудие. 2014. № 3.
139. Реут А.В. Компетенция Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере налогообложения // Финансовое право. 2015. № 3.
140. Рыжов В.Б. Международно-правовые модели региональной экономической интеграции (Европейский Союз, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС) // Международное публичное и частное право. 2006. № 4.
141. Саврыга К.П. Экстерриториальное использование вооруженных сил для защиты граждан за рубежом: международно-правовые вопросы // Военно-юридический журнал. 2015. № 8. С. 8 - 11.
142. Савченко Н.А. Актуальные проблемы российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.
143. Симонишвили Л.Р. Проблемы понимания «суверенитета государства» в современных условиях // Международное публичное и частное право. 2014. № 1.

144. Старженецкий В.В. Эволюция института юрисдикционных иммунитетов государств: равный над равным власть имеет? // Международное правосудие. 2014. № 4.
145. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционных правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9.
146. Стародубцева И.А. Конституционные основы формирования коллизионного права как комплексной отрасли // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6.
147. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционных правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9.
148. Стародубцева И.А. Конституционные принципы федерального коллизионного права // Журнал российского права. 2012. № 6.
149. Стародубцева И.А. Особенности коллизий в конституционном законодательстве // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 4.
150. Стародубцева И.А. Использование коллизионного подхода в правовых исследованиях: постановка проблемы // История государства и права. 2012. № 21.
151. Стародубцева И.А. Влияние коллизий на правовую систему России: конституционно-исторический аспект // История государства и права. 2013. № 1.
152. Сыченко Е.В. Пересмотр вступившего в силу решения на основании решения Европейского суда по правам человека: Кудешкина против России – 2 // Международное право и международные организации. 2015. № 2.
153. Таева Н.Е. Коллизионные нормы в конституционном праве России // Конституционное и муниципальное право. № 15. 2007.

154. Тиунов О.Н. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. М., 1995.
155. Тихенко А.И. С трудом, но российские нотариусы пробиваются к европейским стандартам // Нотариальный вестник. № 3. 1997.
156. Тихомиров Ю.А. Реализация международно - правовых актов в российской правовой системе // Журн. рос права. № 3, 4. 1999.
157. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010.
158. Толстых Л.В. применение права страны с множественностью правовых систем в международном частном праве // Международное публичное и частное право. № 2. 2003.
159. Умнова И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11.
160. Фомин В.А. Коллизии и несовершенства внебюджетного нотариата в современной правовой действительности // Нотариус. 2013. № 4.
161. Фельцан А.Е. Государственный и частный нотариат: проблемы и противоречия // Нотариус. 2014. № 2.
162. Т.Я. Хабриева Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти федерации и ее субъектов // Федерализм. № 2. 2003.
163. Хабриева Т.Я., Доронина Н.Г. Создание международного финансового центра: системный подход к решению правовых проблем // Журнал российского права. 2010. № 11.
164. Хлестов О.Н. Международное право и Российская Федерация // Московский журнал международного права. М., 1994. № 4.
165. Хольцингер Г. Конституционное государство в Европейском союзе // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2.

166. Черников А.Е. Понятие и конституционно-правовая природа нотариата в современной России // Конституционное и муниципальное право. № 23. 2007.
167. Черников А.Е. Конституционные проблемы обеспечения участия граждан в нотариальной деятельности: правомочия, ограничения, гарантии // Нотариус. 2008. № 3.
168. Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.
169. Шершнева Е.А. Фрагментация международного права на примере коллизионных проблем трансграничных отношений алиментирования // Российский юридический журнал. 2013. № 5.
170. Шилюк Т.О., Миттельман К.Г. К вопросу о коллизионности актов субъектов Российской Федерации об образовании // Lexrussia. 2013. № 1.
171. Шматова Е.С., Изварина А.С. Коллизионные вопросы заключения международных договоров // Международное публичное и частное право. 2013. № 5.
172. Шуберт Т.Э. Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство // Журнал российского права. 2015. № 6.
173. Юсубов Э.С., Макарецев А.А. Содержание и организационно-правовые проблемы реализации принципа свободных выборов (по материалам Европейского суда по правам человека) // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5.
174. Юсубов Э.С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1.
175. Ярков В.В., Медведев И.Г., Трушников С.С. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств - членов Евразийского экономического сообщества в сфере нотариальной деятельности и рекомендации по его гармонизации // Нотариат за рубежом: позитивный опыт. Центр нотариальных исследований: Материалы и статьи.

Интернет – ресурсы

176. <http://www.europarl.europa.eu/sides/get>

177. <http://rusevik.ru/>

Диссертации и авторефераты диссертаций

178. Алферов И.А. Нотариальная форма защиты и охраны права и законного интереса: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2007.

179. Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической (понятие, причины, виды): Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2008.

180. Козуб Т.Р. Взаимодействие органов государственной власти и нотариата в Российской Федерации: Дисс... канд. юрид. наук. М., 1996.

181. Комаров Н.И. Нотариат в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

182. Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 2007.

183. Полтавская Н., Кузнецов В. Нотариат: Курс лекций. М., 1999.

184. Ралько В.В. Теория правовой деятельности нотариата: Дисс... докт. юрид. наук. М., 2010.

185. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: дисс... докт. юрид. наук. СПб., 1998.

186. Черемных И.Н. Становление независимого нотариата России как института по осуществлению правоохранительной деятельности: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 2007.

187. Щекочихин П.А. Нотариат в Российской Федерации: конституционно – правовые основы: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2013.